

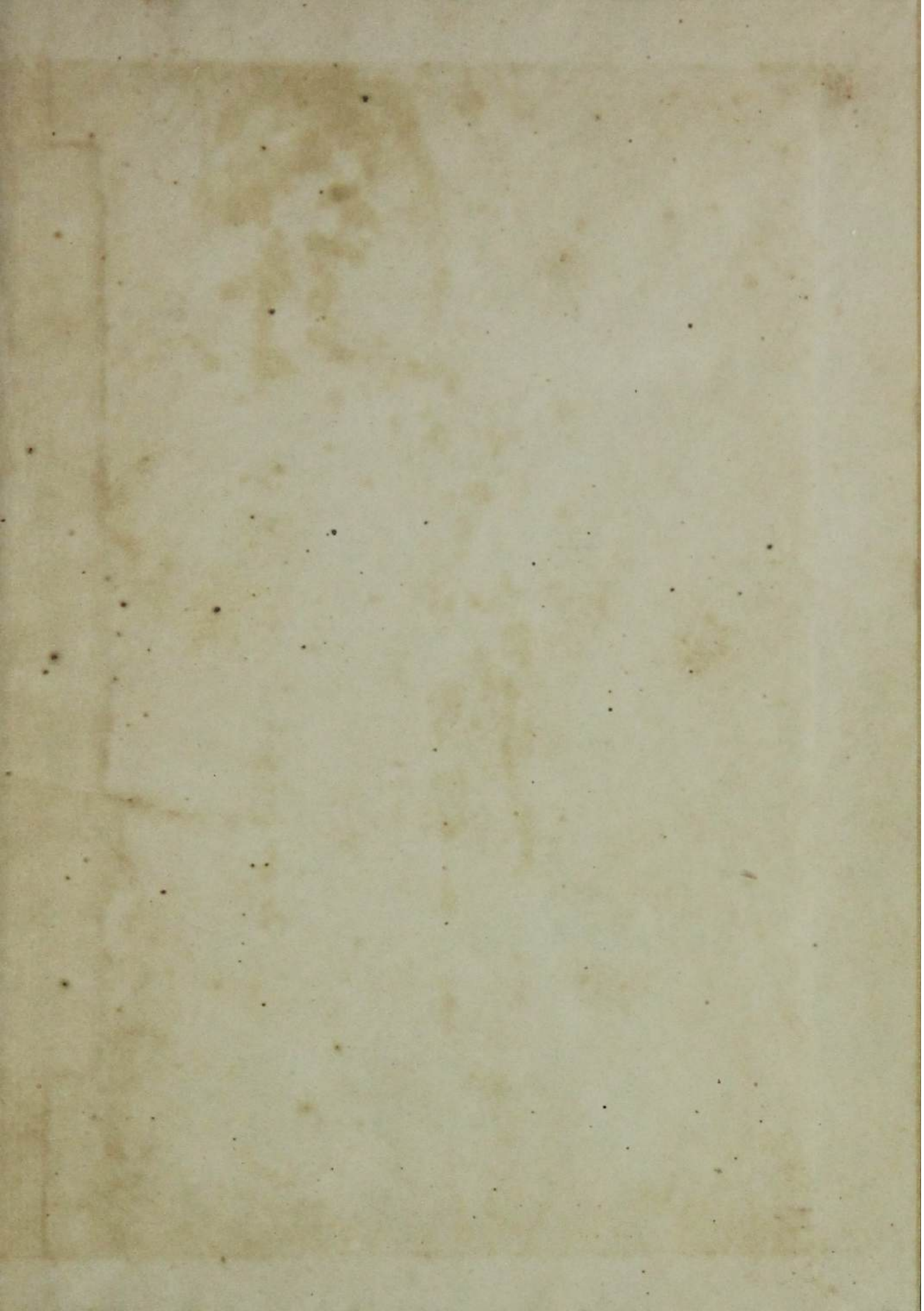
В. ЧЕРНЕЦОВ

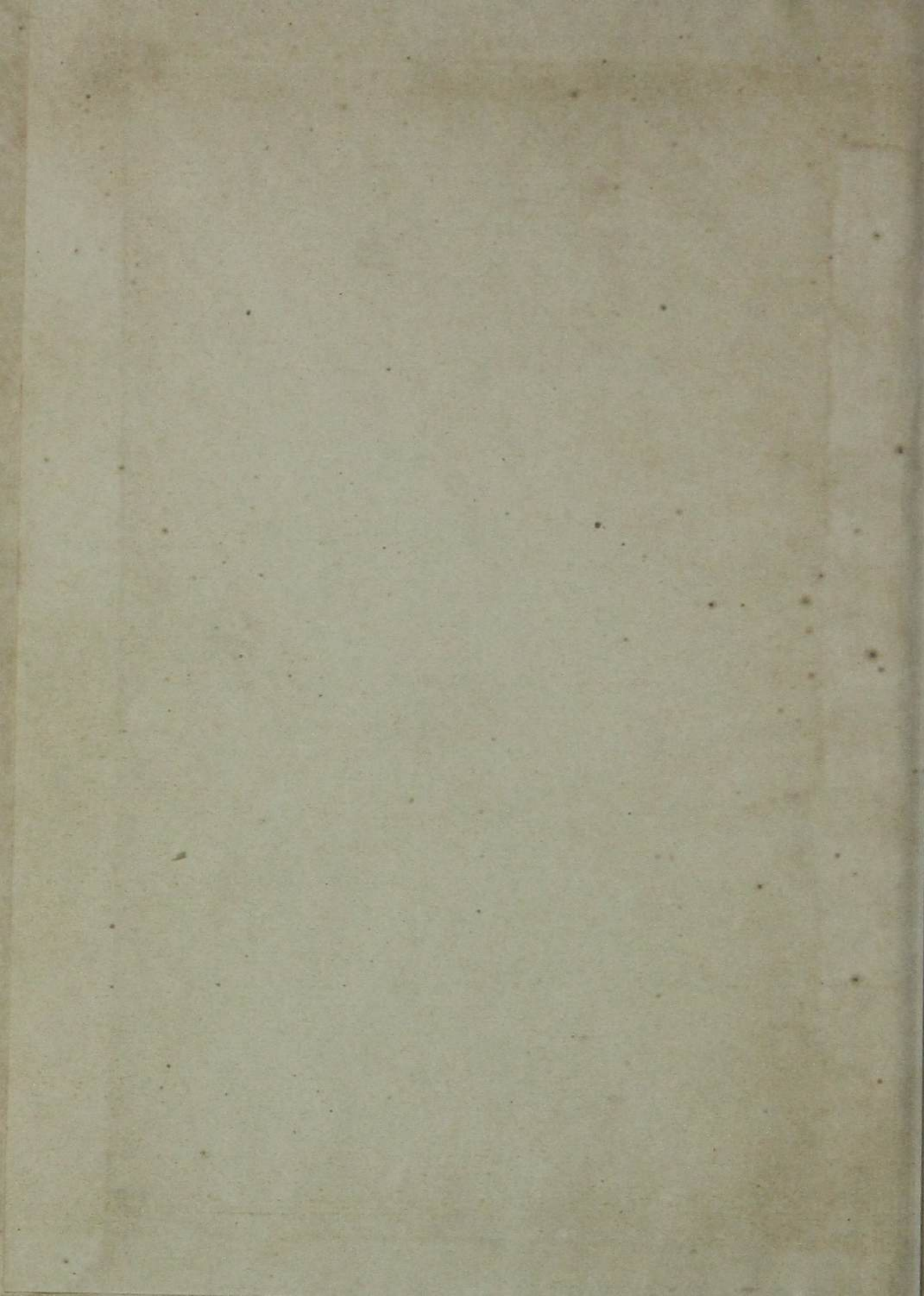
ВОГУЛЬСКИЕ СКАЗКИ

ГОСЛИТИЗДАТ

В. ЧЕРНЕЦОВ

82.3 (2=665.1)-442

449

ВОГУЛЬСКИЕ СКАЗКИ

СБОРНИК ФОЛЬКЛОРА
НАРОДА МАНСИ (ВОГУЛОВ)

*Под редакцией и с предисловием
проф. В. Г. Богораз-Тана*

**ДАР
Л. С. ПОЛЕВОГО**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА“
ЛЕНИНГРАД — 1935

ГУМАНИТАРНЫЙ
ЦЕНТР
Г. ИРКУТСК

79776

МБУК
«ГЦ»

ФОНД РЕДКИХ КНИГ

*Рисунки автора по мотивам
вогульского орнамента и графика
Переплет художн. Л. Красовского*

ДАР
И. С. ПОПОВА

Предисловие

Фольклор — это словесные документы бесписьменных народов. Эти народы не имеют папирусов и пергаментов, не имеют обожженных черепков и каменных скрижалей, таких, на которых записаны древние законы Гаммураби в Ассирии, не имеют иероглифов, нарисованных в красках на стенах египетских погребальных камер, или клиновидных начертаний, высеченных персидскими царями на обрыве скалы, нависшей над рекою. Их воспоминания, предания и сказки, заклинания и песни, обычаи и даже законы запечатлены в народной памяти и передаются устно — от сказителя к сказителю — в течение многих поколений.

Впрочем, и более культурные народы имели и имеют такую народную словесность. Греческая Илиада с Одиссеей, скандинавская Эдда, германская песнь Нибелунгов и русские былины о киевских богатырях хранились в течение многих поколений в народной памяти, пока их, наконец, записали новою грамотой: у греков еще при Пизистрате, за шесть веков до настоящей эры, а что касается русских былин, то они записаны только в XIX веке, менее столетия назад.

Народная память хранит это устное богатство дословно и бережно, и защитой ему служит туземный язык, архаический и пышный, полный оборотов, которые уже не встречаются в обыденной речи.

Вот почему фольклорное богатство надо записывать непременно в туземном тексте, ничего не сокращая. Каждое потерянное слово будет служить к снижению старинных описаний. Русский перевод можно делать только с записанного текста и притом, по возможности, дословно и лишь потом дословному переводу придать литературную форму. Без такого тройного подхода выйдет неизбежно упрощение, вульгаризация древнего рассказа, утратится точность и вместе с точностью неизбежно утратится весь литературный аромат народного сказания.

В виде примера приведу, оставляя в стороне туземный текст, несколько строк из дословного перевода одного из чукотских заклинаний, связанных с оленеводством. Это заговор о превращении диких оленей самцов в оленей одомашненных. Осенью, во время течки, дикие быки приходят в домашнее стадо и спариваются с важенками. Телята, рожденные от такого союза, считаются особенно резвыми, неутомимыми. Самая порода становится кровной, улучшенной. С другой стороны, дикого самца надо непременно убить. Его нельзя выпустить из стада, он унесет с собою оленью счастье хозяина.

«Что за диво, что за диво. Твою сердечную жизнь вместе с аортою я потянул, из прохода вытащил, себе взял.

«Что за диво, что за диво. Книжку (желудок) вытянул из твоего прохода, на нос мешком облек.

«Что за диво, что за диво. Домашнюю самкой делаю тебя.

«Что же, у рассветного народа мужа ищи.

«Что за диво, что за диво. От народа верхушки рассвета ты сына принесла».

Эти несколько строк требуют обширных пояснений.

Хозяин стада желает посредством заклинания вытащить из оленьего тела сердечную аорту и вместе с тем и его сердечную жизнь. После этого он хочет вытащить третий отдел желудка (книжку) и надеть его оленю на нос в виде плотного мешка.

После того он превращает дикого быка в одомашненную самку и для этой одомашненной самки ищет мужа у народа, живущего на восточной стороне небес, в области рассвета.

Продолжая ту же фикцию, он утверждает, что эта самка, превращенная из быка, принесла сына от другого небесного народа, обитающего на верхушке рассвета.

В дальнейшем заклинатель делает глаза оленя невидящими, уши — неслышащими, обставляет его с обеих сторон шумно падающими камнями, помещает его на леднике, где льды колются с постоянным громом.

После того у оленя отнимают ветер, т. е. делают его нечувствительным к запаху человеческого жилища, который наносится по ветру. Заклинатель говорит: «Моего дыма запах понюхай, моего логовища запах понюхай».

Я не буду разворачивать дальше все это обширное и сложное магическое действие, а хочу только показать, что описание этого действия на русском языке необходимо предварительно сделать в виде точного перевода с туземного текста, потом уже, если возможно, придать ему более литературный характер и снабдить его соответственными объяснениями.

В введении т. Чернецова дано также несколько примеров буквального перевода туземного текста, который потом несколько обработан литературно.

Фольклорный материал, собранный автором, представляет большой интерес.

В дополнение к анализу, сделанному автором, я могу прибавить следующее: вогульский (мансийский) фольклор, несмотря на чужое влияние с запада и с юга, все же сохранил свои оригинальные черты.

Мы находим здесь, во-первых, основные моменты древнейшей космогонии, которая полнее всего сохранилась на крайнем северо-востоке, но все же с достаточной ясностью выявляется в первых шести легендах настоящего сборника.

Вот рассказ о том, как две птицы достали со дна моря немного земли, чтоб создать земной мир. В мансийском фольклоре — это две гагары, но в более полном чукотском фольклоре — это ворон и гагара, т. е. две птицы: одна — летающая в вышине над водой, а другая — плавающая внизу, на воде. Птицы эти описываются вообще враждебными друг другу: верхняя, летающая, птица стремится создать нашу землю, а нижняя, ныряющая, хочет испортить это создание.

К этому птичьему мифу сводится древнейший вариант о белом и черном богах, которые вместе создавали землю, враждуя друг с другом. Этот миф, как известно, широко распространен в древнейшей литературе Востока, а также существует и теперь в Европе и в Азии. Точно так же в еврейском фольклоре дух божий, который носился над бездной воды и потом создал землю посреди воды, чтоб она отделила воду от воды, тоже является в образе птичьем, подобным орлу или ворону-громнику.

Рассказ о том, как ворон землю мерял, значительно ближе как к чукотскому, так и к еврейскому мифу.

Чукотский ворон является устроителем мира. Летая над землей, он прочертил концами своих крыльев озера и реки и наполнил их брызгами своей слюны, каплями своей мочи.

В мансийском рассказе земля вырастает сама, а ворон потом облетает ее для того, чтобы измерить. В первый раз летал столько времени, что можно было сварить котел рыбы, во второй раз летал три дня, в третий раз летал три года.

Оба ворона, чукотский и мансийский, были вначале белые, а потом почернели, наказанные за разные проступки, совершенные ими во время зарождения мироздания. Чукотский ворон расклевал солнечный мяч, обшитый тюленьей кожей, брызнули искры и опалили его дочерна. Мансийский ворон съел человеческий труп и оттого почернел.

Третьим вариантом является библейский ворон, которого Ной выпустил из ковчега и который, вылетев, отлетал и прилетал, пока обсушилась земля. Трудно определить, не заимствовал ли мансийский рассказ какие-нибудь черты библейских описаний,

через посредство миссионеров, или обе легенды возводятся к более древнему источнику.

Большой цикл мансийских сказок объединен общим героем, имя которого Эква-Пырищ, что означает в буквальном переводе «Сынок женщины». Имя это, очевидно, связано с древнейшим материнским родом, который в дальнейшем уступил место отцовскому.

Фольклор с единым центральным героем не составляет исключения на севере Евразии. Так камчадалский фольклор и коряцкий фольклор, близко родственные между собою, состоят из описания различных походов Кутха и жены его Мити. Кутх одновременно является Вороном-творцом. Возможно, что и мансийский Эква-Пырищ тоже в древнейшем своем виде является олицетворением Ворона, сотворившего землю.

Другие герои мансийского фольклора — родственники Эква-Пырища. Точно так же и в коряцко-камчадалском фольклоре все другие действующие лица — сыновья и дочери, племянники и племянницы основной пары героев — Ворона и его жены.

Обширный цикл рассказов, относящихся к Эква-Пырищу, в общем носит характер богатырской сказки. В них встречаются одновременно древнейшие элементы мифологического характера, явные следы древнего материнского рода, и рядом с ними элементы, очевидно, позднейшие: русские богатыри, которые борются с богатырями мансийскими, характерное оружие из меди, медный рукав, семирядный медный шлем. Весьма любопытно, что в этих рассказах встречается медь. Только в особом цикле богатырских рассказов, относящихся к южной окраине, где влияние соседних народностей было сильнее, чем на севере, мы встречаем железное оружие.

Семикрылый, семирукый Верхнего края богатырь — это, очевидно, зарубежный мотив. Рядом с ним женщина-богатырь, семи братьев восьмая сестра. У сестры коса медными птичками украшена. Это образ более древний, и опять-таки и здесь в виде украшения встречаем медных птичек.

В связи с этим было бы весьма любопытно сопоставить с этим циклом более древних богатырских сказок северных мансийцев также и другой цикл, возникший на южной окраине, где процесс разрушения родового строя происходил гораздо интенсивнее и даже стала выделяться феодальная верхушка.

Богатырские сказки южных мансийцев имеют эпический характер. Сборник этих сказок обнаружил С. Патканов задолго до революции. Там богатыри проживают в укрепленных городках, кругом городка обитают родичи, которые, повидимому, платят богатырям дань. Богатыри ведут друг с другом постоянные войны, точнее — поединки. Победенного скальпируют. Боевая сила богатырей и власть их над сородичами опирается

на железное оружие. У них есть кольчуги, мечи, шлемы, которые привезены с юга и хранятся в особых хранилищах.

Конечно, и северные богатыри живут в укрепленных городках и ведут между собою войны. Но все описание имеет более простой характер. Например, скальпирование упоминается только однажды.

В северных сказках элементы древнейшего быта преобладают. Например, сказка о богатыре Кедровое Ядрышко начинается так:

«Однажды женщина в лес пошла, бересты надрала. На бересте всяких птиц, всяких зверей нарисовала. Из бересты узорчатые чуманы и туески изготовила. Туески и чуманы перед мужем расставила. Так ему говорит: «Богатырь Кедровое Ядрышко, для тебя я посуду изготовила. Для светлого рыбьего жиру — обской снеди, для светлого рыбьего жиру — озерной снеди, — вот хорошие чуманы.

«Богатырь туески и чуманы похватал, в клочья разорвал и бросил. Говорит: «Светлый рыбий жир — обская снесь не для меня пища. Не на этой пище мои кости выросли, мое тело окрепло. Звериным жиром я с детства питался».

Мы видим, с одной стороны, характерные подробности рыболовного быта. Рыбий жир — лучшую снесь человека — собирают и заготавливают в берестяной посуде. Женщина надрала бересты, на бересте нарисовала всяких птиц и всяких зверей и только тогда изготовила из бересты чуманы (бураки).

Итак, заготовка посуды вместе со звериными рисунками и другими украшениями исполняется женщиной.

С другой стороны, богатырь туески и чуманы разорвал. Он отвергает с презрением светлый рыбий жир — обскую снесь, ибо его кости выросли и тело окрепло совсем на другой пище: он питался с детства звериным жиром.

Мы видим, таким образом, древнюю форму производства, предшествующую современному рыболовству. На какой-то первобытнейшей стадии мансийцы не были рыболовами, а были охотниками. Такая же древнейшая охота, предшествующая рыболовству, характерна для чукоч с эскимосами, а также для всего палеолитического общества эпохи ориньяк и мадлен.¹

Рыбная ловля в эпоху ориньяк была мало развита и стала вырастать только начиная с ранней эпохи мадлен.

В сказке «Как Эква-Пырищ на свет появился» первая половина имеет более поздний, нравоучительный характер. Действующие лица древние: рыбы, птицы и звери и Верхний дух,

¹ Данные о древнекаменном (палеолитическом) обществе получены из раскопок, произведенных по преимуществу в южной Франции. Основные разделы древнекаменной эпохи: мустье, ориньяк, мадлен.

которому женщина внушает, чтобы он перебил всех этих птиц и зверей и построил себе новый дом из их костей. Верхний дух собирает всех рыб, птиц и зверей. Но вот сова довольно замысловатым путем внушает ему, что женщину слушать не нужно.

«Ты женщины слов послушал, рыб, зверей убить хотел, а теперь и сам вроде женщины стал».

Это мотив, конечно, более поздний.

Сова улетела, а Верхний дух жену бить начал. Немного поодаль от дома была дыра в Нижний мир. Верхний дух жену туда стащил и вниз сбросил. Одним словом, в первой половине сказки мужское начало побеждает женское.

Но во второй половине, напротив, женское начало побеждает мужское. Отвергнутая жена и ее сестра живут внизу внутри большой горы. Невестка мальчика родила.

А Верхний дух, один оставшись, загрустил. Спустился на землю, гору увидел. Стал вход искать, никак не может найти. Просится: «впустите меня».

Жена говорит: «Пущу его, пожалуй», а золовка говорит: «Нет, не пускай, прошлый раз драться уж очень горазд был!»

Верхний дух, наконец, вовсе измучился, плакать стал, просить начал: «Пустите, больше так делать не буду!»

Сын говорит: «Я открою, пущу его».

В дальнейшем рассказывается история сына и тетки. Мать отступила на задний план. Сын — это Эква-Пырищ. Он сделал себе челнок из кедра и поехал по светлой Оби ловить рыбу. Но он чужд рыбной ловле. Дедушка подвез его в красном челноке и дал ему большого осетра. Эква-Пырищ испугался: «Тетушка, тетушка, ко мне в лодку глазастый чорт забрался, меня съесть хочет». — «Чего же ты, племянник, боишься? Это дядя твой нам жертвенного осетра подарил».

Я указывал выше, что это отчуждение от рыбной ловли представляет древнейший элемент мансийской культуры.

Соединение элементов противоположных, имеющих различную древность, весьма характерно для всего мансийского фольклора.

Вот сказка «Как Эква-Пырищ у Водяного дочь сватал».

Самый сюжет и многие подробности довольно поздние.

Но вот Эква-Пырищ в дом вошел. В переднем углу старик со старухой сидят. Старик говорит: «Лыжи мои, идите сюда. Лук и стрелы мои, ко мне бегите».

Человек надел лыжи, взял лук и стрелы, в лес отправился. Недолго походил и вернулся. Трехлетнего лося на себе притащил.

Этот охотничий эпизод имеет первобытный и древний характер.

В дальнейшем эпизоде Эква-Пырищ входит в другой дом. Там сидит старуха с мужьями. Старуха гостей увидела, нож схватила, мужей в бок ударила. Те вскочили, заорали:

«— Ай, ай, ай, чего ты ножом колешься?»

Потом увидели гостей, говорят жене:

«— Чего же ты нас раньше не разбудила, издалека пришли, есть хотят».

Здесь тоже полное преобладание элементов материнского рода.

В сказке «Как Эква-Пырищ лесовать ходил» Эква-Пырищ спускается на лед, идет вдоль берега, тащит за собою нарту, а с берега к нему подходит двухголовый менкв. Потом появляется трехголовый менкв и наконец четырехголовый менкв.

Это постепенное нарастание голов представляет сравнительно поздний мотив. Оно встречается в сказках феодального происхождения. Но вообще образ менква — лесного духа гораздо более первобытен. Ни у одного из них нет собак. Они ходят пешком и таскают за собою нарту. Менквы добывают множество лисиц и соболей и дарят их мальчику, но не на продажу, а на одежду.

«— Внучек, домой придешь, бабка из этих соболей пусть одежду тебе сошьет, рукавицы сошьет и шапку».

В этих эпизодах соболи и лисицы еще не имеют торговой ценности.

В сказке «Как Эква-Пырищ встретился с птицею Тоулынг-Кар», можно отметить следующие элементы.

В трудных обстоятельствах герой вынул из кармана горностаевую шкурку, влез в нее, горностаем на лиственницу взбираться стал.

Такой амулет из горностаевой шкурки чрезвычайно типичен для чукотского фольклора. Кстати, и в действительной жизни чукчи, камчадалы и коряки охотно употребляют именно такие горностаевые амулеты.

В русской былине про Вольгу Святославича из цикла старших богатырей Вольга тоже превращается в горностаю и перегрызает во вражеском стане тетивы у всех луков.

В дальнейшем развитии сюжета герой встречается с волшебной старухой, борется с ней.

Подробности этой борьбы напоминают яркий эпизод из чукотской сказки о Чесоточном шамане.

Чукотский шаман старается вернуть назад душу умершего мальчика, которого похитила Крылатая Волшебная Женщина. Шаман побеждает ее и уносит с собою душу мальчика.

В сказках появляются какие-то семиухие котлы, непохожие на русские железные котлы. Возможно, что дело идет о глиняных горшках с внутренними ушами, которые подвешивались над огнем на особых шнурах. Такие глиняные котлы некогда бытовали среди северных народностей задолго до появления русских. В. И. Иохельсон нашел черепки от таких глиняных котлов при раскопках на Камчатке.

В мансийском фольклоре поражает обилие птичьих сюжетов. Вот сказка о том «Как Эква-Пырищ летал в страну Мортим-Маа».

Это птичья страна. В этой стране старуха со стариком живут. Перелетные птицы у старухи меж коленями проходят. Когда проходят, перья у них красивее становятся.

Особая страна, куда улетают перелетные птицы, существует и в чукотском фольклоре. Туда ведут ворота, загражденные сшибающимися скалами. Верхняя скала постоянно поднимается и падает вниз. Она раздавливает тех птиц, которые не успели пролететь. В воздухе носятся перья. Земля стала мягкой от толченого птичьего мяса.

Зато пролетевшие птицы попадают в страну вечно солнечную. Чукотский мореход Айваналин на быстрой байдаре состязается с птицами, его байдара летучая. Он успевает пролететь сквозь сшибающиеся скалы, они отбили у летучей байдары только задний кончик.

Этот чукотский рассказ в свою очередь во многом совпадает с греческим рассказом о корабле Арго, который успел пролететь сквозь сшибающиеся скалы Энкелады.

Мансийский эпизод представляет, очевидно, снижение того же сюжета. Сшибающиеся скалы заменены коленями Волшебной старухи. Птицы проходят сквозь эти колени, и перья их становятся красивее.

Остается выразить надежду, что автор в дальнейшем издаст второй сборник мансийского фольклора, в который включит дополнительные материалы художественного творчества мансийцев. В частности, включит песни, которые представляют исключительный интерес. Автор перечисляет следующие категории песен: обрядовые, медвежьи, плясовые, призывные, шаманские и героические песни.

С другой стороны, желательно включение и сказок позднейшей формации, сравнительно мало представленных в настоящем сборнике. В этих сказках Эква-Пырищ борется с русскими и становится мансийским народным героем. И некоторые из этих сказок ярко окрашены классовым элементом. Эква-Пырищ борется с купцами, богачами, русскими чиновниками и защищает бедняков от их своеволия и обманов.

Во втором сборнике мансийского фольклора желательно увидеть и эти элементы. Впрочем, сказки, приведенные т. Чернецовым, сами по себе представляют замкнутое целое, о чем можно заключить из приведенного автором и дополненного мною анализа сюжетов и отдельных эпизодов.

Проф. В. Г. Богораз-Тан

Введение

Предлагаемый сборник представляет собою перевод ряда мансийских (вогульских) сказок. Эти сказки записаны на мансийском языке, преимущественно в 1933 г. частью в Кондинском районе, а главным образом по р. Северной Сосве в Березовском районе Остяко-Вогульского округа.¹

Никто из рассказчиков не являлся профессиональным сказочником. Большинство из них — люди не старые или даже молодежь.

Кирилл Сампильталов (пос. Яны-пауль), двадцати восьми лет. Знает русский язык, малограмотный. Два месяца учился на курсах в Березове. Последние годы — на советской работе. Один из лучших сказочников. Человек несомненно одаренный. Его рассказы о случаях из его личной жизни или жизни знакомых ему людей всегда отличаются исключительной живостью и непринужденностью (см. «Pes olum varmal» и «Met hum» Lovintane mahъs kniga II. V. Sernecov Uspedgiz Len. 1934. p. 24, 67). Рассказывает очень выразительно, оттеняя слова героев в диалогах.

¹ Сказки, входящие в состав цикла «Откуда земля началась» записаны большей частью от К. Сампильталова (из пос. Яны-пауль) в январе 1934 г. Эпизод «Как человека сделали» записан от П. Елицина в октябре 1931 г. Эпизод «Про Северный ветер» записан от Ал. Анемгурова (из пос. Вор-я-пауль) в сентябре 1931 г. «Как Эква-Пырищ на свет появился» записано от К. Сампильталова в январе 1931 г. «Как Эква-Пырищ лесовать ходил» и «Как Эква-Пырищ встретился с птицей Тоулынг-Карс» записано от Misenka pс — γ (из пос. Таныс-сунт-пауль Усть-Тап-суй) в январе 1934 г. «Как Эква-Пырищ русского богатыря победил» записано от Вас. Сампильталова (из пос. Яны-пауль) в декабре 1933 г. и в близком варианте от К. Сампильталова в январе 1934 г. «Как Эква-Пырищ в страну Мортим-Маа летал»

Павел Елсин, около сорока лет (с реки Лозьвы). Знает русский язык. Был председателем Сортыннинского сельсовета. Хороший рассказчик.

П. Аментьев, около тридцати пяти лет (пос. Хал-пауль). Русского языка не знает. Охотник. От него записано значительное количество текстов. Рассказывает с большой выразительностью.

М. Монин, двадцати двух лет (пос. Яны-пауль). Несмотря на молодость, знает большое количество сказок, которое рассказывает с большим мастерством. Знает русский язык, учился на курсах в Березове.

Вас. Кайданов (пос. Тапват-пауль Кондинского района), лет шестидесяти пяти. В прошлом хранитель родового жертвенного места. Большой знаток сказок и песен. Русский язык знает, как и большинство кондинских вогулов.

Несмотря на все старания дать перевод наивозможно близким к оригиналу и сохранить характерные обороты и выражения, русский текст местами расходится несколько с мансийским, в силу различия в строе мансийского и русского языков.

Ниже, в качестве примера, даем образцы буквального (I) и литературного (II) переводов.

I. Гагара — гагарка (пара) вниз спустились. Гагарка (в) воду нырнула (вступила), земли кусок (земля кусок) вверх несения ради. Ходила, ходила, долго ходила, коротко ходила, вверх появилась. Ничего не смогла...

II. Две гагары вниз слетели. Одна большая гагара, другая малая гагарка. Со дна моря землю достать хотели.

Большая гагара в воду нырнула. Ныряла, ныряла, долго ныряла, коротко ныряла, на поверхность выплыла. Ничего не принесла.

I. Эква-Пырищ (Женщины сынок) с старшей сестрой его матери живут. Эква-Пырищ маленький. Живя они вырос (он).

записано от Ст. Секова (из пос. Тапыс-сунт-пауль) в декабре 1933 г. «Как Эква-Пырищ у Водяного дочь сватал» и «Как Эква-Пырищ Усынг-Отыра дурачил» записано от П. Аментьева (из пос. Хал-пауль) в декабре 1933 г. «Про Полум-Торума» записано от К. Сампильталова (из пос. Яны-пауль) в январе 1934 г. «Женщина-богатырь» записано от К. Сампильталова в декабре 1933 г. «Богатырь Кедровое ядрышко» записано от Лопсия Хум (из пос. Лопсия-пауль) в декабре 1933 г. «Три богатыря с Вор-я-реки» записано от М. Монина (из пос. Яны-пауль) в декабре 1933 г. Сказка про Вищ-Отыр богатыря записана от В. Кайданова (из пос. Тапват-пауль, Кондинского района, в октябре 1933 г.).

От старшей сестры его матери луком сделан (был), стрелой сделан (был). На внешней дома (стороне) там бегают...

II. Эква-Пырищ с теткой живут. Эква-Пырищ в ту пору еще маленьким был. Подрастать стал, тетка ему лук сделала, стрелы сделала. Эква-Пырищ близ дома бегают...

I. Лошади его на спину сел. Обруче-кольцо-кружащийся кольцевой мир со (всем) объемом, полы имеющей одежды полу ее направления им во время, обруче-кольце-кружащийся кольцевой мир со (всем) объемом тогда окружен был...

II. На спину (лошади его) сел. Пока он полы одежды своей поправлял, весь кружащийся мир, со всем его объемом, они обошли.

В сборник вошли тринадцать сказок, из которых первая, состоящая из шести отдельных эпизодов, представляет собою образец мифологического творчества. Ряд последующих сказок повествует о похождениях сказочного героя Эква-Пырищ и содержит частью мифический элемент, а частью построен на бытовых сюжетах, являясь творчеством относительно более позднего времени. Наконец последние четыре сказки представляют собою эпические сказания, отражающие межродовые и межплеменные военные столкновения.

Работая над сборником, мы поставили себе целью ознакомить широкую читательскую массу с образцами мансийского сказочного творчества, до сих пор еще не получившего должного отражения в русской литературе.

Достаточно полное и в то же время единственное собрание мансийского фольклора имеется в четырехтомном труде венгерского ученого Бернарда Мункачи (Bernard Munkâcsi), работавшего в конце прошлого столетия среди манси над изучением их языка и фольклора. Но у нас эта работа совершенно неизвестна вне узкого круга специалистов.

На русском языке ни в научной, ни в художественной литературе нет капитальных работ по мансийскому фольклору.

Правда, недавно вышла книга М. Плотникова «Янгал-маа» (тундра) (изд. Academia, М.—Л. 1933), но и эта работа, несмотря на то, что она носит название «Вогульская поэма», дает лишь весьма отдаленное представление о мансийском фольклоре. Причина этому та, что автор, с одной стороны, включил в свою поэму сказки и былины, слышанные им не только от различных групп манси с различным историческим прошлым, но также и от ханты (остяков). С другой стороны, в процессе поэтической обработки собранного материала автор насытил свою поэму оборотами и образами, не свойственными мансийскому фольклору, очевидно недостаточно правильно определяя стадию общественного развития и мировоззрения манси, соответствующую эпохе возникновения данного эпоса.

Мансийский фольклор представляет собою творчество народности, основным занятием которой являлась охота и рыболовство, — творчество, отражающее в основном распад материнского рода, но также включающее в себе отдельные моменты, характеризующие и более ранние этапы общественного развития.¹

В мансийском фольклоре можно различить следующие основные типы: 1. Мифы и мифологические сказания. 2. Обрядовые песни (медвежьих плясовые, «призывные» и пр.). 3. Шаманские песни. 4. Героические сказания и песни. 5. Бытовые сказки более поздней формации, большей частью юмористические и 6. Песни-импровизации отдельных лиц.

Разумеется, подобная классификация может быть применима лишь в самых общих чертах, так как в мифах попадаются, как результат позднейших наслоений, элементы героической и бытовой сказки и, наоборот, в бытовых сказках сплошь и рядом встречаются элементы мифического характера.

Сказания и песни первого и второго типа относятся, повидимому, к наиболее отдаленному времени. Об этом говорит и специфика языка (старинные слова и обороты, уже вышедшие из употребления в разговорном языке, морфологические особенности и т. д.), а в особенности указания на чрезвычайно примитивные формы общественного развития, встречающиеся в ряде мифов. Наиболее ценные в этом отношении указания дают взаимоотношения между героями мифов. Так Эква-Пырищ — женщины сынок, герой громадного количества рассказов, изобра-

¹ У М. Плотникова находим довольно категорическое определение: «... знавший... хлебопашество, ведущий торговлю и войны, вогульский народ...». С этим определением согласиться трудно. Ни исторические, ни археологические материалы, ни, наконец, данные фольклора не указывают на наличие сколько-нибудь развитого земледелия у манси. В ничтожных, повидимому, размерах земледелие существовало лишь в самых южных районах мансийской территории (р. Тавда, низовья Южной Сосвы), возникнув, вероятно, в эпоху прихода русских (может быть, и несколько ранее). Основная же масса манси с земледелием знакома не была. Упоминание о «ведении торговли и войн», в связи с указанием, что иногда «... причиной войн в эпических сказаниях бывает... стремление завоевать другое княжество и свергнуть там сидящего князя», свидетельствует о том, что М. Плотников не совсем правильно оценивает уровень общественного развития манси. Положения Плотникова лишь до известной степени и то с большой осторожностью можно допустить только для манси южных групп

жается как сын Верхнего духа (Нуми-Торум) и жены его Калтац-Эква... мать с отцом к нему пришли, мать его говорит: «Ты сынок в Нижнем мире (т. е. на земле) жить будешь, на Верхний мир мы двое пойдем... в Нижнем мире ты людей наблюдающим человеком, Мир-сусне-хум, будешь, отец твой на Верхнем мире Верхним духом пусть будет, я же Калтац буду.¹ Но в то же время Нуми-Торум и Калтац-Эква в мансийской мифологии представляются как брат и сестра (см. сказку «Как человека сделали»). Точно так же Солнце-женщина (Хотал-Эква) и Месяц (Этпос-Ойка — Ночной свет-Старик) с одной стороны — сестра и брат, а с другой — муж и жена.

Приведенные примеры чрезвычайно ярко рисуют брачные взаимоотношения, характерные для кровнородственной семьи — одной из древнейших форм брачно-семейных отношений человека.

В глубокую древность уводят также тотемистические представления, необыкновенно четко выраженные в сказках и мифах обоих типов: зооморфный характер ловцов земли — двух гагар, происхождение Полум-Ойка из растения «поры». Животный облик Эква-Пырища — гуся, прилетающего летовать на морское побережье и к зиме отправляющегося обратно в Птичью страну (Мортим-Маа), и т. д., и т. д. Животный облик героя нередко даже преобладает над человеческим, как, например, в сказке «Полум-Торум», где он, прилетев к Верхнему духу, жалуется тому, что не может принять человеческий вид. Таких примеров можно набрать много. Короче сказать, бывают случаи, когда грань между человеком и животным настолько

(рр. Тавда, Тура, Южн. Сосва). Среди этих групп (в настоящее время почти совершенно обрусевших) процессы разложения рода начались раньше, чем на севере, и возможно, что здесь имели место какие-то начальные образования феодального типа. См. тип остяцкого богатыря по былинам и героическим сказаниям С. Патканов, Живая старина, Спб. 1891. Причинами, обуславливавшими это своеобразие в процессе исторического развития южных манси, могло служить их пограничное положение, соседство с татарами, в силу которого могли развиваться торговые связи, способствующие возникновению неравенства среди членов родовых групп и ускорившие процесс разрушения родового быта, а может быть даже приведшие и к выделению феодальной верхушки. Но если такие явления и имели место на крайнем юге мансийской территории, неправильно распространять их на всю массу манси, как это делает М. Плотников.

¹ В. Munkácsi. Vogul nyelvjarasok. Budapest, 1894. I. 32.

не ясна, что сам рассказчик не может определить, о ком идет речь — о животном или человеке (так, например, в сказке про мышь, записанной мною на р. Конде).

Та же картина наблюдается в обрядовых песнях: медвежьих (уй-эрыг), а также плясовых (тулылап-эрыг, тулылахтын эрыг) и «призывных» (кастын эрыг), которыми сопровождаются мансийские пляски на медвежьем празднике.

Подобные образы могли возникнуть лишь на базе развития тотемистических представлений, пережитки которых еще сильны и поныне среди манси.

Другой тип сказок, представленный в сборнике, — героические сказки, содержащие в себе главным образом описание военных столкновений между родами и между двумя основными подразделениями (фратриями) манси¹ (например, в сказке «Вищ-Отыр» богатырь, принадлежащий к фратрии Мощ-Махум, сражается с лесным духом, принадлежащим к фратрии Поры-Махум), а в сказках более позднего времени — и описание борьбы с русскими.

Героические сказки в основной массе относятся, по всей вероятности, к различным этапам развития и разложения материнского рода. Идеи материнского рода нашли выражение как в ряде отдельных оборотов и формул, так и в самом содержании сказок. К первым можно отнести выражения: «жена с мужем живут», «женщины сын, меньший сын». В обоих примерах женщина выдвигается на первое место, что связано, надо полагать, в первом случае — с вхождением мужчины в род жены и приоритетом женщины в семье и во втором случае — со счетом родства по женской линии в материнском роде. Также выражения «вышла замуж» — буквально — «мужем сделала» или «мужем взяла», тоже могут быть объяснены лишь в разрезе норм материнского рода, а именно — как вхождение мужа в род жены. Обстоятельства, стоящие в связи с материнским родом, находим также в сказке «Женщина-богатырь»

¹ Манси делятся на две секции (фратрии): Поры-Махум и Мощ-Махум. Каждая из этих фратрий представляет собою кровнородственную группу, браки внутри которой не допускаются (в настоящее время это соблюдается далеко не везде). Группа эта ведет происхождение от общего мифического предка, имеющего обычно звериный вид. Такими священными животными являются у Мощ-Махум гусь и лягушка, а у Поры-Махум — медведь. Духи-предки каждой группы представляются в виде двух обособленных групп лесных духов: Мис-Махум — духи-предки фратрии Мощ-Махум, и Менкв — духи-предки фратрии Поры-Махум.

(стр. 93), где женщина выступает как руководительница семейной жизни.

Наиболее ярко выражены идеи, характерные для стадии разложения материнского рода, в последней сказке. В конце ее, когда младший брат Кедрового ядрышка убил Русского богатыря он становится втупик перед вопросом: что делать с женой Кедрового ядрышка. Он говорит племяннику:

«Я — сам ее убивать не буду; убью, а ты, может, когда потом скажешь: «Мать мою убил», и против меня пойдешь».

Несмотря на то, что женщина убила отца мальчика, т. е. своего мужа, брат богатыря боится возможной мести со стороны ее сына. Совершенно тождественный случай, как известно, имеется в «Орестейе» Эсхила, и там же находим объяснение, почему убийство мужа является преступлением менее важным, нежели убийство матери: «она не была в кровном родстве с человеком (мужем), которого убила». ¹ Иными словами: муж — чужеродец, пришедший в род жены и не пользующийся во всей полноте правом родовой защиты, тогда как мать — наиболее близкий из всех кровных родственников, и по материнскому праву тягчайшим и наиболее неискупимым является убийство матери или неотмщение его. Но нарождающиеся идеи отцовского рода и в нашей сказке, как и в «Орестейе», берут верх; женщину убивают. Но при этом убийство выполняется так, чтобы не было непосредственного виновника ее смерти, на которого могла бы пасть вина.

Однако наряду с моментами, характерными для материнского рода, мы находим в героическом эпосе также элементы и иного характера.

Возникновение отцовского рода изменяет характер главного действующего лица былины. Первоначально, в эпоху материнского рода, богатырь (отыг) являлся, повидимому, военачальником, получавшим власть лишь в период военных столкновений, но затем социальная значимость богатыря стала изменяться. Большое влияние имело появление железного оружия, которое проникало к манси скорее всего от татар. Первое место занимала кольчуга, которая делала владельца почти неуязвимым и тем самым выделяла его из ряда прочих воинов. Появление в эпоху отцовского рода частной собственности, в частности, накопление сокровищ — военной добычи, в руках военачальников, должно было привести к возникновению экономического неравенства между военачальниками и другими членами рода. С. Патканов в своем исследовании фольклора

¹ См. Фр. Эмельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства. Партиздат, М. 1933, стр. 30—31.

иртышских остяков показал, что на южной границе остяцкой (а вероятно, и мансийской) территории этот процесс привел к возникновению феодало-подобных образований. В северном фольклоре отыр не является феодалом, но и все же из некоторых сказок можно заключить, что он и в мирной обстановке оставался вождем.

Бытовая сказка представлена в сборнике сказкой «Как Эква-Пырищ Усынг-Отыра морочил». Этот тип сказок — продукт позднейшего времени, эпохи разложения родового строя и появления русского торгового капитала. Он сильно отличается от предыдущих типов как своими сюжетами, так и персонажами и языком. Последний значительно проще. В нем почти отсутствуют старинные выражения и сложные обороты. Действующими лицами этих сказок являются, с одной стороны, Усынг-Отыр — собственник скота и богатств, царь, поп, купец, солдат или, что чаще, казак и, с другой стороны, герой — манси, обычно Эква-Пырищ, выступающий против них. Значительная часть сказок этого типа — вероятно, не мансийского происхождения. Скорее всего, это русские сказки, проникшие как непосредственно от русских, так и через зырян и получившие своеобразную окраску в мансийской интерпретации.

Сюжеты сказок-мифов мансийского фольклора в большинстве случаев не являются исключительно мансийскими. В мифах можно встретить сюжеты, распространенные и у других народов. Таков, например, миф о вылавливании земли со дна моря, встречаемый в различных вариантах по всему земному шару; также и рассказ о похищении солнца чрезвычайно напоминает чукотско-эскимосский миф, где солнце выкрадывается, как и в мансийском варианте, птицей. Но в то же время очень важной задачей является выявление специфики мансийского фольклора, отображающей конкретные материальные условия и социальную среду, в которых развивался данный сюжет.

В этом отношении чрезвычайно интересным является наличие лошади в мансийском фольклоре. В настоящее время манси с коневодством знакомы мало, а езда верхом на лошади, т. е. именно то, что встречается в сказках, не распространена среди них совершенно. Мало того, современное коневодство заимствовано, очевидно, сравнительно недавно, от зырян, русских и татар. Таким образом, наличие лошади в фольклоре требует своего разъяснения. В Munkácsi указал на большую древность мансийской коневодческой терминологии в части, касающейся именно верховой езды¹ и общность ее с венгерской, возводя

¹ В. Munkácsi, A magyar lovasélet ősisége. Különlenymat az Ethnographia Népelet, 1931, eof.

знакомство манси с лошадью к эпохе совместного сожительства манси и венгров в южных степях. С последним можно согласиться лишь частично. Данные этнографии и археологии дают возможность допустить несколько иной вариант. На основании археологических материалов можно предполагать, что около III века н. э. на Северном Урале появилась группа кочевников, пришедшая очевидно из южных степей. Возможно, что в лице их мы встречаемся с уграми, о которых говорит В. Мункácsi. По приходе на север, в условия, неспособствующие дальнейшему развитию коневодства, они восприняли очевидно культуру аборигенов — охотников и рыболовов. Но, обладая в то же время более высокой культурой, пришельцы оказали глубокое влияние как на язык, так и на искусство и фольклор. В результате скрещения древних аборигенов и пришельцев-угров на Урале образовались новые племена — современные манси и остяки. Что же касается коневодства, то оно, исчезнув из материального быта, сохранилось в виде пережитка в изобразительном искусстве, верованиях и фольклоре манси и ханты (остяков).

Как видим, возникновение рассмотренных типов сказки относится к самым различным временам. Это объясняет ту разницу, которую мы находим, подойдя к исследованию фольклора со стороны его сохранности и полноты.

В настоящее время трудно встретить человека, который мог бы рассказывать мифы с достаточной полнотой. В большинстве случаев это будут фрагменты разрушившихся сказаний, фрагменты, в которых древний элемент перемешан с позднейшими наслоениями. Так в эпизоде о похищении солнца птицей вместо чукотско-эскимосского ворона у манси является гусь — тотемная птица фратрии Мощ, в эпоху становления отцовского рода получившая общеплеменное значение. Ворон же сохранился как случайный элемент, не связанный с общим содержанием мифа. Кроме того на миф о вороне, повидимому, повлиял христианский миф о голубе — вестнике, принесшем масличную ветвь.

Богатырский эпос — продукт родового строя, пережитки которого и сейчас сильны у манси, дошел до нас несравненно полнее. Часто можно услышать не только сказку, но даже песню в пятьсот-шестьсот стихов, в которой последовательно и связно передаются похождения героя. Правда, и здесь нередко попадаются обороты и слова малопонятные, неупотребительные в современном разговорном языке. В количественном соотношении богатырские сказки гораздо многочисленнее мифов.

Наконец, бытовая сказка — это живое творчество современности. Неизменный герой ее Эква-Пырищ, почти утерявший

черты мифического Эква-Шырища — гуся, выступает в окружении персонажей недавнего прошлого. Сказки эти обычно коротки, — чаще всего это отдельные эпизоды, которые рассказчик комбинирует по своему усмотрению, уснащая их теми или иными деталями. Таких бытовых сказок много, и их знает каждый ребенок.

Несколько слов о социальной значимости сказки. Отношение манси к сказке совершенно иное, чем хотя бы русских. Тогда как у последних сказка рассматривается лишь с точки зрения ее занимательности, некоторые сказки (в особенности мифы), так называемые «священные сказки» манси, повествующие о похождениях мифических родовых и фратриальных предков, являются интимными сказаниями данной группы, имеющими сакральное значение, которое отчасти не утерялось даже и до настоящего времени. В связи с этим рассказывание таких сказок связано с рядом запретов. Так, некоторые сказки не могут быть рассказываемы человеку, не принадлежащему к данной фратрии, и в первую очередь зятю как наиболее конкретному представителю противоположной фратрии. Многие сказки не могут слушаться женщинами, а также мужчинами, у которых живы родители.

Во многих сказках сборника упоминается ряд имен из мансийской мифологии. Для большей ясности изложим здесь в кратких словах устройство вселенной — так, как оно изображается в мансийских мифах.

Миров всего семь: три над землей, земля и три мира под землей. Первый мир — Нуми-Торум — небо — представляется таким же, как и земля. На нем имеются леса, реки и т. д. Здесь обитает Нуми-Торум¹ — верхний дух, «хозяин неба». Второй верхний мир — Корс-Торум и над ним третий мир Кошар-Торум. Об этих мирах «ничего не известно», за исключением того, что Кошар-Торум, буквально бурундук² — отец Корс-Торума, а последний является отцом Нуми-Торума.

Подземный мир — это мир мертвых. Туда отправляются души покойников. Вход в этот мир находится в низовьях реки Оби на мысу Хама-нел. Этот мир устроен так же, как и земля, с той лишь разницей, что здесь нет солнца. Души мертвых, попав сюда, продолжают вести жизнь, схожую с той, что они прожили на земле. «Хозяином» нижнего мира является Куль-Отыр или Хуль-Отыр, младший брат Нуми-Торума. О втором и третьем нижних мирах находим в мифах очень мало указаний. Известно лишь, что второй называется «Мир вышиной

¹ Слово *Торум* обозначает: мир, погода, высшее существо.

² *Бурундук* — маленькое животное из отряда грызунов.

с хорей»¹ и обитает там «Человек величиной с беличий хвост». Третий нижний мир называется «Мир вышиной с собачий хвост».

Схема родственных взаимоотношений мифических существ по представлениям манси

Коцар-Торум — хозяин третьего верхнего мира.

Корс-Торум — его сын, хозяин второго верхнего мира.

Нуми-Торум — его сын, хозяин верхнего мира.

*Тапал-Ойка*²

Калтац-Эква (Земля)

Хотол-Эква (Солнце)

Этпос-Ойка (Месяц)

Най-Эква (Огонь)

Хуль-Отыр (хозяин подземного мира)

Братья и сестры
Нуми-Торума

Одна из сестер Нуми-Торума — Калтац-Эква является одновременно и женой его.

У них семь сыновей, самый младший из которых Эква-Пырищ или Мир-сусне-хум, т. е. «за людьми смотрящий человек».

Эква-Пырищ — один из наиболее популярных героев мансийского сказочного творчества. О похождениях его имеется свыше восьмидесяти мифов и сказок. В сказаниях различных эпох он выступает то как культурный герой, то как общее племенное верховное существо, то как ловкий и хитрый человек, дурачащий окружающих, а в сказках, отражающих эпоху русской колонизации, выступает как герой, борющийся против русских.

Можно предположить, что Эква-Пырищ олицетворял собою мифического предка фратрии Мощ-Хум, но впоследствии, в силу ряда причин, превратился в общеплеменного героя, приняв черты мифического предка другой фратрии — Тапал-Ойка.

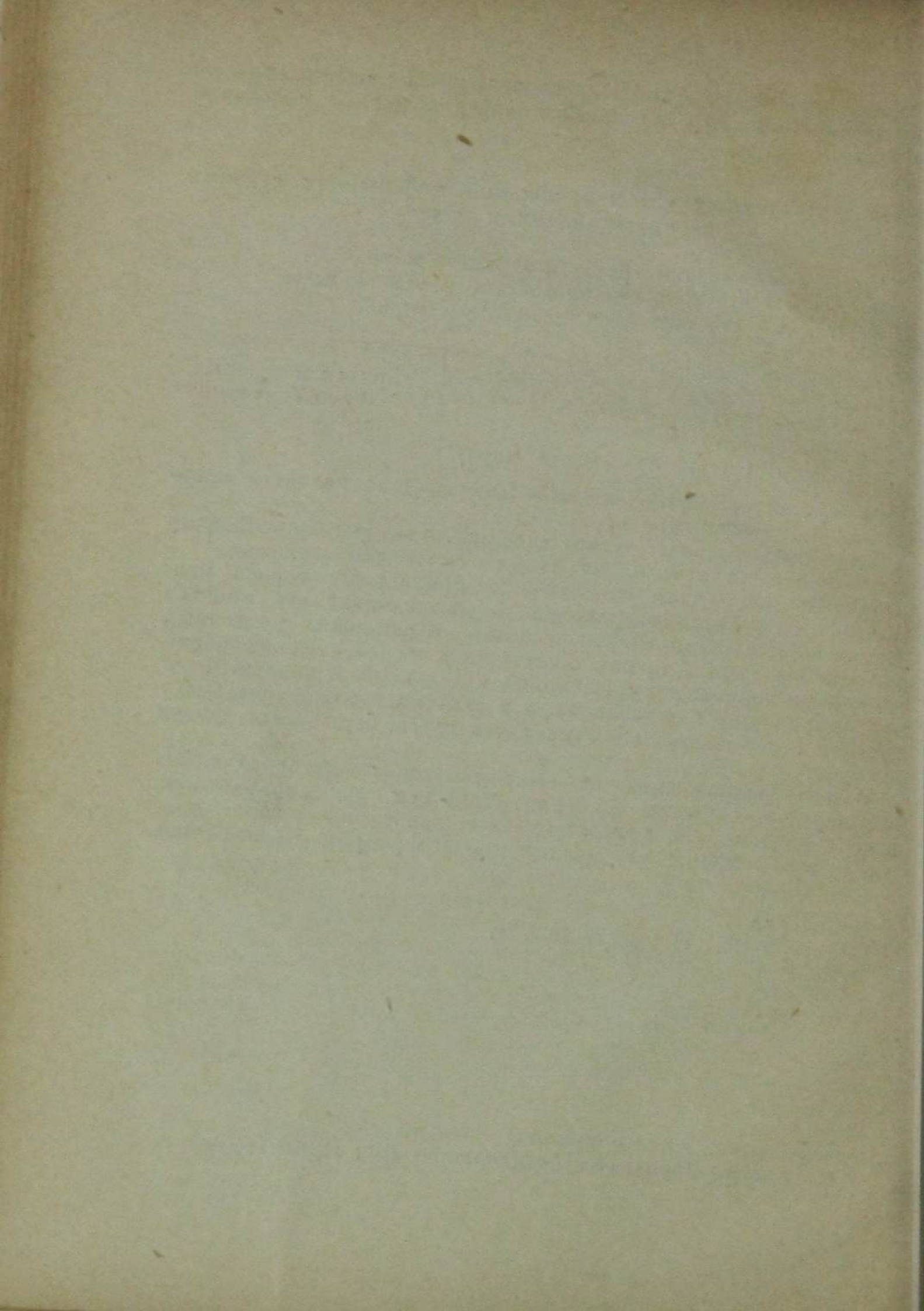
В. Чернецов

Ленинград

Сентябрь 1934 г. — март 1935 г.

¹ Хорей — шест для понукания оленей.

² По многим вариантам Тапал-Ойка — сын Нуми-Торума

ОТКУДА ЗЕМЛЯ НАЧАЛАСЬ¹

Как землю выловили

Две гагары вниз слетели. Одна большая, другая малая гагарка. Со дна моря землю достать хотели.

Большая гагара в воду нырнула. Ныряла, ныряла, долго ныряла, коротко ныряла, на поверхность выплыла. Ничего не принесла, дна не достала.

Тогда малая гагарка нырнула. Ныряла, ныряла, наконец наверх поднялась. тоже ничего не достала, до земли не дошла.

Большой гагаре гагарка говорит:

— Давай вместе нырнем!

Нырнули обе. Плыли, плыли, дыхание сдавило, назад вернулись. Выплыли, подышали немного и снова

¹ В цикле «Откуда земля началась» мы попытались связать отдельные эпизоды, которые неоднократно доводилось слышать от манси. Мы выбрали наиболее характерные варианты, — так как иногда этот миф можно встретить в явно искаженной форме под влиянием библейских сказаний, проникших к манси через миссионеров.

нырнули. Глубоко спустились, до дна все же не дошли, дыхание сперло. Снова вернулись. Выплыли, отдышались и в третий раз нырнули.

Долго спускались, наконец все-таки до дна дошли. Кусочек земли подхватили, в обратный путь пустились.

В этот раз уж очень долго гагары под водой пробыли. Дыхание у них так сперло, что, когда наверх выплыли, у большой гагары из груди воздух вырвался и кровь потекла. Оттого теперь у гагары грудь красная. У малой гагарки из затылка кровь потекла, и теперь у всех малых гагар затылок красный.

Землю на воду положили. Начала земля расти. Скоро с подошву величиной стала, а потом такой выросла, что человеку на ней лечь можно. И все больше и больше растет.

Как ворон землю мерял

На болотной кочке старуха со стариком жили. У старика белый ворон был. Земли всего лишь островок маленький; только юрточку поставить, а кругом вода. На месте земля не стояла: северный ветер подует, к южному морю ее погонит, с юга ветер поднимется, землю на север несет.

Старик из юрты своей не выходит, какая-токая земля есть, не знает. Белого ворона однажды посылает:

— Землю кругом облети, хочу знать, на много ли она выросла.

Ворон полетел и вскоре вернулся. За то время, что летал он, котел рыбы сварить можно было.¹

Такой земля стала.

Жили, жили, опять посылает старик ворона посмотреть, на сколько земля выросла. Ворон землю всю облетел, через три дня лишь вернулся. Такой земля стала.

Еще сколько-то времени прошло. Старик ворону говорит:

— Землю кругом облети, хочу знать, на много ли еще выросла.

Улетел ворон. Зиму прожили, и вторая зима прошла, ворон все не возвращается.

Старик и ждать перестал:

— Погиб где-нибудь ворон.

На третий год видит старик, летит какая-то черная птица. Это белый ворон почерневшим прилетел.

— Ну, где же ты летал?

— Я три зимы, три лета летал, насилию землю окружил. Ни одной речки, ни одного озера не пропустил.

— Пока летал, что-то сделал; почему почернел?

— Что сделал? Человек какой-то умер, я его съел. Оттого и почернел.

— Человека если съел, уходи прочь. Отныне ты сам зверей убивать, рыбу добывать не сможешь. Человек когда зверя убьет, там кровь подбирать станешь, а ничего не найдешь, голодным будешь.

Ворон улетел. Так и поныне живет.

Опоясывание земли

Иоли-Торум-Шань² на землю спустилась. Сверху-Идущая-Крылатая-Кальм на землю спустилась. На земле жить стали.

Однажды Иоли-Торум-Шань Сверху-Идущей-Крылатой-Кальм говорит:

— К Верхнему духу,³ отцу твоему, поднимись. Так ему скажи: «Кожистая земля наша, все качается, на месте не стоит. Когда люди на ней появятся, как на ногах стоять смогут? Верхний дух, отец мой, землю нашу укрепи!» Может быть поясом каким-нибудь он ее опояшет.

Сверху-Идущая-Крылатая-Кальм к Верхнему духу поднялась. В дом его вошла. Нуми-Торум за столом сидит, правой щекой о посох опирается.

Спрашивает он дочь:

— Сверху-Идущая-Крылатая-Кальм, какое ты слово принесла, с какой речью ко мне пришла?

Сверху-Идущая-Крылатая-Кальм отвечает:

— Нуми-Торум, отец мой, земля наша, как ни велика уже стала, а все еще движется; на месте не стоит. Человек, когда появится, на ногах устоять не сможет. Ты землю нашу укрепи, каким-нибудь поясом ее опояшь.

Верхний дух голову опустил. Пока так сидел, котел рыбы свариться мог.

Потом голову поднял. Дочери сказал:

— Я сделаю, как ты сказала, — землю опояшу.

Сверху-Идущая-Крылатая-Кальм из дома Верхнего духа вышла, обратно на землю спустилась.

Иоли-Торум-Шань ее спрашивает:

— С чем пришла, какую весть принесла?

Отвечает ей Сверху-Идущая-Крылатая-Кальм.

— Нуми-Торум, отец мой, землю укрепить обещал, сказал, что опояшет ее.

После этого Верхний дух пояс свой на землю спустил.

Пояс его тяжелыми пуговицами украшен был. Земля в воду глубоко осела и неподвижной стала. На том месте, где пояс лег, теперь Уральский хребет. Это земли самая середина.

Как человека сделали

Сколько-то времени прошло. Опять Иоли-Торум-Шань Крылатую-Кальм посылает:

— Пойди к Нуми-Торум, скажи ему: земля теперь крепко стоит, надо человека сделать, чтобы жил на ней.

Сверху-Идущая-Крылатая-Кальм к отцу своему пошла. Далеко ли, близко ли шла, кто узнает. Однажды пришла. Нуми-Торуму говорит:

— Землю ты укрепил. Теперь человека сделать надо.

Нуми-Торум голову поднял, на дочь посмотрел;

— Я человека сделаю и на землю спущу, а вы его там оживите.

Сверху-Идущая-Крылатая-Кальм ушла. Нуми-Торум тогда Тапал-Ойка⁴ позвал, человека сделать ему велел.

Тапал-Ойка из лиственницы семь человеческих подобию вырубил. За это время Хуль-Отыр⁵ семь человеческих подобию из глины слепил. Тапал-Ойке говорит:

— Давай, братец, поменяемся, а?

— Нет, не буду меняться, — Тапал-Ойка отвечает, — твои люди глиняные, худые.

— Ну, поменяемся, — Хуль-Отыр уговаривает.

— Не хочу своих людей отдавать, вон сколько я с ними бился.

— И я над своими поработал, — Хуль-Отыр говорит. — А ты души для них откуда возьмешь? Нуми-Торум тебе душ не давал.

Сидит Тапал-Ойка, голову почесывает.

— Верно, — говорит, — душ-то у меня нет. Ну, а ты моих деревянных людей живыми сделаешь?

— А то как же! Я их оживлю. А из глиняных людей пусть менквы⁶ будут.

Тапал-Ойка лиственничных людей Хуль-Отыру отдал, себе глиняных взял. Хуль-Отыр деревянные подобию взял, к Нуми-Торуму отнес. Нуми-Торум спинами к себе их поставил, дунул: куда девались? Тапал-Ойка руки расставил, да ни одного не поймал.

Тапал-Ойка затылок себе почесал. Глиняных людей взял, посмотрел на них. Что же? Глина и только.

Говорит ему Нуми-Торум:

— Глиняных людей, к сестре нашей, Калтащ-Экве, снеси. Корс-Торум⁷ ей души для них отдал. Пусть она их и оживит.

Тапал-Ойка к Калтащ-Экве отправился.

Пришел, говорит ей:

— Сестра, этих людей оживить сможешь?

— Оживлю, — Калтащ-Эква отвечает, — только ты отсюда уходи.

Тапал-Ойка ушел. С тех пор, когда дети на свет появляются, мужчинам при этом быть нельзя.

Глиняные люди живыми стали. Только век их недолог: глиняные руки, глиняные ноги куда годятся? В воду человек упадет — тонет, жарко станет — из него вода выступает. Из листовенницы сделанные люди крепче были бы и в воде бы не тонули.

Когда люди на земле появились, Сверху-Идущая-Крылатая-Кальм снова к Нуми-Торуму пошла.

Сказала ему так:

— Вот люди на нашей земле появились. Теперь скажи, чем кормиться они станут, от холода тела свои чем прикроют?

Нуми-Торум голову опустил, долго думал.

Потом так ответил:

— Сверху-Идущая-Крылатая-Кальм, обратно на землю иди. В тайге, в лесной чаще, много сохатого зверя будет, на болота, на янги ⁸ я оленей пушу. Там они жить станут, себе пищу искать, а люди туда на промысел пусть идут.

Сверху-Идущая-Крылатая-Кальм на землю спустилась. Иоли-Торум-Шань ее спрашивает:

— От отца своего какое слово принесла?

— Сказал так Нуми-Торум: в тайгу, в чащу лесную, в болота сохатых зверей и оленей пушу. Люди пищу себе промышлять туда пойдут.

Как солнце и месяц достали, как птицы и звери на земле появились

На тундровой кочке старуха со стариком живут. Долго ли жили, мало ли жили, однажды старуха в сенцы вышла. В сенцы вышла, видит, там только что родившийся мальчик лежит. В люльке лежит, плачет.

— Старик, ребенка, пожалуй, в дом внесу?

Старик из дома выскочил, взяли они ребенка, в дом

внесли. Женщина его растить стала. Качая мальчика, песни поет. Однажды мальчик молвил:

— Мама, укажи мне место, где бы я с кем бороться мог.

— Такого места нет,—отец отвечает.

— Мать, ты, верно, знаешь, укажи мне.

— Есть такое место,—мать говорит.— Дочь Верхнего Духа, сказывают, живет. Уж если ты так бороться хочешь, иди туда. Место твоей борьбы там! Небесный отец на нее слово положил; никакой человек против нее устоять не может. Если кто ее ударить задумает, в землю уходит. Семь морей, семь земель насквозь проходит.

Мальчик пошел. Мать ему обломок миски дала.

— Руки твои, ноги твои в беду если попадут, этот осколок разломи.

Поцеловала она его, мальчик пошел. Мать плача дома осталась.

Долго ли шел, коротко ли шел, однажды на своей дороге семисуставный посох нашел. На дороге посох воткнул. Посох взял и дальше идет.

Однажды сверху человеческий голос слышится:

— Внучек!

— Что?

— Куда идешь?

— Землю посмотреть, силу свою попытать.

— Никакой силы не пытай, я тебе работу дам.

— Какую работу?

— Птиц, зверей делать.

— Как смогу зверей делать? Темно совсем, ни солнца, ни месяца нет. Где я солнце и месяц возьму?

— У Хуль-Отыра они.

— Тэ...

Мальчик три травинки сорвал, скрутил их и дунул. Из рук его когтистый зверек выскочил, вокруг мальчика запрыгал, запищал:

— Великой женщины сын, богатырский сын, что сделать велишь?

— На семь сажень землю копай.

Когтистый зверек землю рыть начал. Так роет, что комья земли как вороны кверху взлетают. Наконец, в нижний мир ход прорыл. Мальчик глянул туда, видит, светло как. И солнце и месяц светят, видно, как люди ходят. Сквозь отверстие комары наверх подниматься стали. Один комар песенку поет:

Пан-панрищ-панн-панн
В верхнем мире люди живут.
В верхний мир я лечу,
Земных людей кровь пить буду.

Так много комаров поналетело, что вся земля полна ими стала.

Мальчик в Нижний мир спустился, к Хуль-Отыру в дом вошел.

— Ты зачем сюда пришел? — Хуль-Отыр спрашивает.

— Спросить что-то хочу.

— Что же ты хочешь спросить?

— А зачем у тебя комаров так много? Вон сколько их на землю налетело, взгляни-ка.

Хуль-Отыр глядеть стал, а в это время мальчик табакерку свою открыл, щепотку табаку взял и в глаза Хуль-Отыру вдунул. Оба глаза ему запорошил, совсем смотреть тот не может.

Хуль-Отыр и солнце и месяц у себя в доме держал.

Мальчик потянулся, месяц и солнце схватил, из дому бросился и бежит. Хуль-Отыр за ним погнался. Мальчик гусем обернулся, дальше полетел. Хуль-Отыр железной чайкой обернулся. Мальчик с криком к Верхнему духу летит.

— Отец, отец, вот догонит он меня!

Верхний дух из дому выбежал, кричит вниз:

— Месяц и солнце бросай кверху!

Мальчик бросил их, там они и повисли.

Верхний дух навстречу побежал, блестящий меч свой схватил. Хуль-Отыр меч увидел, с плачем назад повернул. Говорит:

— В светлом месте жить будешь, а я в темноте остался! Души людей ко мне попадать будут — тоже в темноте жить станут.

— Ну, я тебе пол-солнца дам.

— Какой уж от половинки свет!

— А не хочешь, так и вовсе без солнца живи.

Верхний дух домой с сыном вернулся. За стол сели. Попили, поели. Мальчик из-за стола встал, с отцом попрощался, обернулся гусем и полетел. Летал, летал, на землю спустился. На земле снова человеком стал и пошел.

Долго ли, коротко ли шел, в одном месте два камушка поднял. Потер их друг о друга хорошенько;

пушисто-хвостая собака появилась, за мальчиком дальше побежала. По дороге он три листика с березы сорвал, в трубочку их свернул, подул, — маленький зверек, мышь лесная появилась. Все вместе дальше идут. Мальчик от ели щепочку отломил, наподобие зверька обстругал, — соболь пушистый прыгнул, за ними пошел. Так, идя дорогой, все новых зверей делает. Голова его куда повернута, туда и идет. Мальчик куда идет, звери за ним бегут. Долго так брел, коротко брел, смотрит вперед, на берегу моря огонь виден. Огненные искры кверху взлетают. Туда направился. Пришел, смотрит, женщина лежит, спит. При дыхании из ноздрей у нее искры вылетают.

Женщину посохом ударить хотел, — в тот же миг скрылась. Под землю провалилась, только голова мелькнула. Матерью данный осколок разломил, кольчуга появилась. Кольчугу надел, за женщиной бросился. Гонится. Долго гнался или коротко гнался, смотрит вперед, видно, вдали женщина бежит.

Когда мальчик нагонять стал, обернулась она, остановилась. Добежал, бороться схватились. Долго бились или коротко бились, наконец оба наземь упали.

Женщина обессилела, и мальчик обессилел. Силы у них равные.

— Довольно, кончим, милый, — женщина говорит. — Ты меня убить не можешь, а я с тобою справиться не могу.

Друг друга отпустили, попрощались, в разные стороны разошлись. Мальчик дальше идет. Долго ли шел, близко ли шел, до отверстия добрался, по которому под землю спускался. Наверх вылез, зверям своим говорит:

— Ты, собака, иди, человека ищи. А ты, мышь, пойдди, может, где кучу травы сухой найдешь, там гнездо себе сделаешь. А ты в лес беги, — лисице говорит. — Мышь если к твоему дому придет — убивай. Убийцей мышей ты будешь.

Звери разбежались, мальчик дальше пошел. Долго брел, коротко брел, однажды смотрит вперед, по всей земле огонь полыхает. Пришел туда, оказывается, не земля то — море огненное. Как через море пройти? Семисуставный посох поперек моря положил, как раз через все море лег. Слюной помахал, человеку пройти, должной ширины мост вырос. Через огненное море побежал. Посох забрал и дальше шагает. Однажды сверху голос отца слышит:

— Братьев своих не встречал ли где?

— Нет, — говорит, — не встречал.

— Поднимайся сюда.

Мальчик в свой облик обернуться захотел, не обращивается. Наконец плакать стал. Отец его говорит:

— Чего плачешь?

— Своего облика принять не могу!

Отец его сверху дунул, златошейный гусь кверху взвился. Мальчик в образе златошеего гуся к отцу своему, Верхнему духу, полетел, в окно влетел, на середину пола опустился, тогда человеком обернулся.

Верхнего духа все сыновья собрались. За стол сели,

есть стали. Поели, попили, распрощались. Мальчик в свой край полетел. Теперь там живет. Маленький богатырь имя его, Желтая Трясогузка имя его. Желтой Трясогузки облик имеющий богатырь, это он.

Про Северный ветер

Луи-Вот-Ойка, Северный ветер. Старик в низовой стороне за морем жил. День и ночь не переставая дул. От того на земле очень холодно было. Люди от Северного ветра страдали. И зиму и лето ветер все дул и дул. Каждый день люди от холода умирали.

Однажды один человек сказал:

— Пойду в низовую землю на Северного ветра. Буду с ним биться.

Собрался и пошел. Долго ли, коротко ли шел, до низовой земли добрался. К Северному ветру пришел, биться его зовет. Северный ветер лук и стрелы схватил, из дому выбежал.

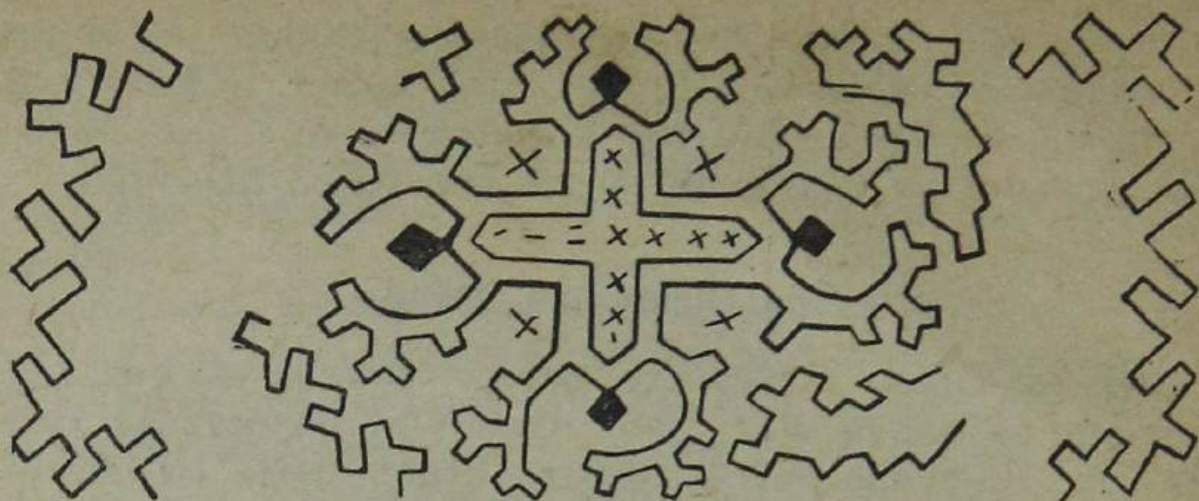
Долго бились, долго друг в друга стрелы пускали. Под конец человек изловчился, лук натянул, стрелу пустил. Стрела Северному ветру половину нижней челюсти разбила.

С этой поры ветер дуть перестал. Стало тепло. Такая жара настала, что люди от нее болеть стали. И зиму и лето все тепло. Каждый день люди от жары умирали.

Много ли, мало ли времени прошло, снова ветер подувать начал. Челюсть у него заживать стала.

Челюсть у него хоть и зажила, прежней силы все же не осталось. В половину прежней силы лишь дует. Людям с той поры хорошо жить стало.

ЭКВА-ПЫРИЦ

Как Эква-Пыриц на свет появился

Верхний дух со своей женой и старшей сестрой живет. Однажды сестра ушла куда-то. Верхний дух с женой одни остались. Жена говорит:

— Старик!

— Что?

— Я, кабы на твоём месте была, в таком доме жить не стала бы.

— Дом плох, что ли?

— Тебе в таком доме жить стыдно. Всех птиц, всех зверей убить надо, и из костей дом построить.

— Нельзя так делать, — Верхний дух отвечает.

— Как нельзя, можно!

— Всех птиц, всех зверей если убью, люди что есть станут?

— Тебе в таком доме жить стыдно. Тебе другой дом нужен.

— Ну, ладно, — согласился Верхний дух. — Хочешь так сделаю, поубиваю их.

Рыб собирать щуку послал. Птиц, зверей собирать длинноногого куличка послал.

Рыбы все собрались. Верхний дух смотрит, все ли здесь. Прилетели птицы, прибежали звери. Верхний дух опять смотрит, все ли здесь. Видит, совы нет. Говорит длинноногому куличку:

— Сову видал?

— Нет, не видел, — куличок отвечает.

— Иди, сходи скорей, поищи ее.

Куличок искать отправился. Ходил, ходил, наконец видит, на высоком кедре сова сидит.

— Сова, звали тебя.

— Кто звал?

— Верхний дух.

— Зачем?

— Всех рыб, птиц, зверей собирает. Всех поубивать хочет, из костей дом построит.

— Ты иди, — сова отвечает, — а я приду потом!

Куличок пошел. К Верхнему духу вернулся.

— Сову нашел?

— Нашел.

— Идет?

— Придет, сказала.

Ждали, ждали, нет совы.

— Куличок, иди, беги скорей. Что ее долго нет? Что она там делает?

Длинноногий куличок отправился. Пришел. Сова на кедре сидит.

— Сова, что ты здесь делаешь? Иди скорей, звали тебя.

— Ты иди, иди, иди, я за тобою буду.

Куличок к Верхнему духу вернулся, тот его спрашивает:

— Идет, а?

— Сказала: «Сейчас буду».

— Что делает?

— Сидит.

Ждали, ждали, нет совы.

— Куличок, сбегай скорей, живо пусть идет.

Куличок отправился. К сове пришел, та все на том же месте сидит.

— Сова, звали тебя, иди же скорей. Я, к тебе бегая, обессилел совсем.

— Ты иди, скажи Верхнему духу, окно пусть настезь раскроет.

Вернулся куличок.

— Ну как, идет?

— Идет. Она так сказала: «Окно пусть настезь раскроет».

Верхний дух окно раскрыл, поджидает. Сова прилетела, на подоконник уселась. Спиной внутрь повернулась, лицом наружу.

— Сова, ты что делала? — Верхний дух спрашивает. — Куличок за тобой три раза ходил.

Сова не отвечает.

— Я всех птиц, рыб, зверей убить хочу, — Верхний дух продолжает, — из их костей дом построить. Ты что скажешь?

Сова ни звука. Молча сидит, на улицу смотрит.

— Сова, ты как думаешь, можно всех убить?

Сова молчит.

В третий раз Верхний дух, спрашивает:

— Ну, ты что думаешь?

— Ничего не думаю.

— А что ты не отвечаешь?

— Я вот о чем думаю: засохших деревьев на земле больше или растущих больше?

— Растущих больше, — Верхний дух говорит, — сухих меньше.

— Хэ! Сухих больше.

— Как так больше? Я думаю, сухих мало.

— Нет. У которого дерева сердцевина сухая, то дерево я живым не считаю. Только то не сухое, у которого сердцевина здоровая.

— Ну, тогда верно. Сухих деревьев больше.

— А, Верхний дух, как, по-твоему, живых людей больше или мертвых?

— Конечно, мертвых меньше. Живых очень много!

— Не-ет, я думаю, мертвых больше.

— Почему же больше? Когда умереть успели?

— А вот почему. В котором человеке болезнь есть, работать он не может, того я мертвым считаю.

— Верно, правда твоя. Здоровых людей мало, больных много.

— А вот еще, как думаешь: женщин больше или мужчин больше?

— Мужчин больше, — Верхний дух решил.

— Нет, — сова сказала, — женщин больше.

— Хэ! Почему так?

— А потому что, если мужчина своим умом не живет, а женщину слушает, то он и сам женщина. Так и получается, женщин больше. Ты вот мужчиной был, а теперь я тебя женщиной считаю.

— Почему меня женщиной считаешь?

— Женщина сказала: «Рыб, птиц, зверей всех убивай, а из костей дом построй», а ты и слушаешь. Ты не своим, а женским умом живешь, оттого я тебя женщиной и считаю. Ты — женщина.

— Нет, нет, я женщиной не буду. Рыбы, птицы, звери, расходитесь все. Не буду я вас убивать.

Птицы разлетелись, звери разбежались, рыбы уплыли. Верхний дух говорит:

— Сова, ты меня так больше не называй!

— Ты женщины слов послушал, рыб, зверей убить хотел, а теперь и сам вроде женщины стал! — сова сказала и улетела.

Сова улетела, а Верхний дух со зла жену схватил и бить ее начал. Немного поодаль от дома в нижний мир дыра была. Верхний дух жену туда сволок и вниз сбросил. Один жить остался.

Однажды сестра его вернулась.

— Жена твоя где?

Не отвечает.

Сестра искать принялась. Искала, искала, наконец след нашла, где Верхний дух жену ташил. К отверстию подошла. Поняла, что невестка отсюда сброшена.

Лестницу сделала, на землю спустилась.

Видит, большая гора стоит.

Думает:

— Невестка моя наверно здесь.

Стала вход искать. Искала, искала, найти не может. Кольцо с пальца тогда сняла, в гору бросила. Каменная дверь, железная дверь отворилась. Внутрь зашла. Невестка ее, действительно, здесь живет. Мальчика родила. Вместе жить стали.

Верхний дух, один оставшись, загрустил.

— Довольно уж, — говорит, — пойду, поищу, куда мои ушли.

На землю спустился, гору увидел. В горе, слышно, разговаривают.

Думает:

«Однако здесь живут».

Стал вход искать, никак не может найти. Сколько раз гору обошел, ничего не нашел.

Внутри горы разговаривают. Жена говорит:

— Пущу его, пожалуй.

— Не пускай, — золовка говорит, — прошлый раз драться уж очень горазд был.

Верхний дух наконец вовсе измучился, плакать стал.

Просить начал:

— Впустите! Больше так делать не буду.

— Я открою, — сын говорит, — впущу его.

Каменную дверь, железную дверь открыли, впустили Верхнего духа к себе.

Долго ли, коротко ли жили, однажды сестра Верхнему духу говорит:

— Возвращайся наверх. Мы с племянником к светлой Оби, к рыбной Оби отправимся.

Распрошались и отправились. Жена Верхнего духа в горе жить осталась. Теперь люди, когда ее поминают, называют Сакв-Талых-Нёр-Эква,¹⁰ Вершины-реки-Сакв-горная-женщина.

Тетка с племянником на Обь пришла, там жить стали. Сказочному человеку, песенному человеку долго ли вырасти. Мальчик подрос, тетка ему калдан связала. Говорит:

— Ты, племянничек, пойдн в лес, лодку вытешн.

Мальчик собрался, пошел. Кедр выбрал, срубил. Вершину отсек, ствол пополам расколол, выдолбил, в шести местах распорки вставил. Лодка готова. Другой кедр срубил, расколол, обтесал, весло вытесал. Челнок на воду спихнул, от берега оттолкнулся, на колени стал и гребет. От носа загребает, у кормы выгребает. От лодки волны в обе стороны разбегаются, в берег бьют. Мимо мыса проедет — мыс яром становится, мимо яра проедет — на яру мыс вырастает.

Тетка его дома сидит. Вдруг слышит, то ли гром гремит, то ли ветер бушует. Из дома вышла. Видит, это племянничек ее плывет, с такой силой загребает, что от весла ветер поднимается, за кормой волны ходят.

— Э, племянничек, как ты гребешь? Смотри, так и воды зачерпнуть недолго.

— Уж как умею, так и гребу.

Тетка ему калдан дала.

— А куда мне ехать?

— Тут вот, пониже мыс есть, народ все против того мыса калданит. Туда и поезжай. На место как приедешь, деда поджидай. Он тебя калданить выучит.

Эква-Пырищ на мыс приехал. Видит, старик в маленьком челночке гребет. У челночка борта красной охрой выкрашены.

— Внучек, куда отправился? — старик спрашивает.

— Калданить приехал.

— Ну, давай покалданнм.

Сетки опустили, потихоньку вниз плывут.

Вдруг дед сетку поднял, с силой к берегу грести стал.

— Внучек, иди скорей, бери, осетрище большой попался.

Эква-Пырищ осетра взял, в лодку положил. Осетр через всю лодку лежит. Распрощался с дедом мальчик и домой поехал.

Дома к берегу причалил, лодку на берег выдернул. Кричит:

— Тетушка, тетушка, ко мне в лодку глазастый чорт забрался, съесть меня хочет!

Тетка к реке кинулась, к лодке подбежала.

— Э, племянничек, ведь это осетр.

— А я думал — чорт. Чуть со страху не умер.

— Чего же ты, племянничек, боишься? Это дядька твой нам жертвенного осетра подарил.

Осетра на берег выволокли, сварили, жертву принесли.

Тетка говорит:

— Ты знаешь ли, кто этот старик был?

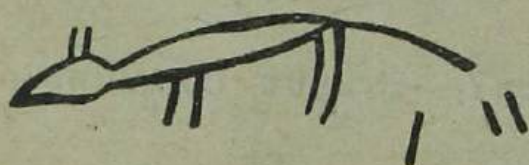
— Откуда же мне знать?

— Это мой брат, Тапал-Ойка, был.

Как Эква-Пырищ лесовать ходил

Эква-Пырищ с теткой живут. Эква-Пырищ в ту пору еще маленьким был. Подрастать стал, бабка ему лук сделала, стрелы сделала. Эква-Пырищ близ дома бегает, играет.

Так играя, однажды зверя убил. Добычу домой притащил. Бабка и говорит:

— Э, внучек, лисицу добыл. Бабка шкуру содрала, выделала.

В другой раз Эква-Пырищ опять близ дома играл.

Играя, зверька увидел. Стрелу пустил, убил. Принес домой, бабке своей показывает:

— Э, внучек, — бабка говорит, — с добычей пришел, это соболь.

Из лисицы, из соболя бабка внуку рукавицы сшила.

Однажды Эква-Пырищ говорит:

— Я лесовать пойду.

— Не ходи лесовать, ты еще мал, силы нехватит.

Эква-Пырищ все свое твердит:

— Пойду, пойду.

Бабка видит: не отступается, согласилась:

— Ну, коли так хочешь, иди.

Снарядила его, жирной максуновой юколы¹¹ с собой дала. Говорит:

— По той дороге, что за домом лежит, не ходи.

— Ладно, не пойду.

— По этой дороге иди, что у двери начинается.

Эква-Пырищ по указанной дороге пошел. Бабка у двери стоит, смотрит, как племянник идет, нарточку свою тащит. А Эква-Пырищ отошел немного, оглянулся: видит, дом уже за деревьями скрылся. Повернул тогда назад, дом обошел и по той дороге, что за домом виднелась, отправился. Бабка и не знала, как он ее обманул.

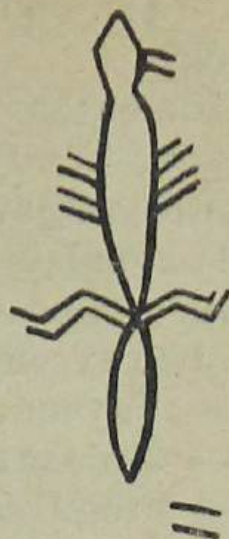
Вскоре Эква-Пырищ к реке подошел. На лед спустился, вдоль берега бредет, нарточку за собой тащит. В одном месте запор рыболовный увидел. Подошел к забору, остановился. А с берега к нему Двухголовый менкв на лыжах катится:

— Эква-Пырищ, куда идешь, внучек?

— Да вот, лесовать собрался.

— Возьми и меня с собой.

— Вот и ладно, дедушка, — Эква-Пырищ отвечает, — сам я еще мал, мне товарища и надо. Пойдем вместе.

— Ты, внучек, здесь подожди, я по котомку свою схожу.

Пошел за котомкой. Вскоре назад вернулся, котомку тащит. Семиухий котел несет. На нарту погрузили, вместе тащат. Однажды, взглянув вперед, увидели — рыболовный запор стоит. К запору подошли, остановились. Смотрят, с пригорки к реке Трехголовый менкв на лыжах спускается. Подошел к ним, говорит:

— Внучек, ты куда идешь?

— Лесоватъ иду.

— Меня с собой бы взял.

— Вот хорошо, дедушка. А то я товарища найти не мог, а у самого-то у меня силы мало. Пойдем, пойдем.

— Я за котомкой схожу, — менкв говорит. Ушел. Скоро возвращается, котомку с собою тащит и семиухий котел тащит. Подошел, говорит:

— Внучек, твоя нарта очень маленькая, слабая. Оставим ее, возьмем мою.

Маленькую нарту оставили, приволокли нарту менква. Полозья из лиственницы и копылья из лиственницы. Крепкая нарта. Погрузились, потащили. Эква-Пырищ устал, брести не может.

— Внучек, — менквы говорят, — садись на нарту.

Эква-Пырищ на нарту сел, менквы его везут.

Идя так, впереди себя рыболовный запор увидели. Пришли туда, остановились. В то время Четырехголовый менкв на лыжах спустился к реке.

— Внучек, куда идешь? — спросил он.

— В лес иду.

— Меня в товарищи прими.

— Вот хорошо, дедушка, — Эква-Пырищ отвечает, — а то я товарища найти не мог, а одному итти трудно, силы у меня еще мало.

— Я по котомку схожу, меня подожди немного, — менкв сказал. Ушел. Вскоре обратно показался, котомку несет. И семиухий котел несет. Подошел, ношу на землю сбросил.

— Ну, давайте в нарту погрузимте.

Погрузили. Затем менквы говорят:

— Ты, внучек, на нарту садись, мы потащим.

Эква-Пырищ на нарту сел, отправились.

Долго ли, коротко ли менквы шли, в одном месте остановились.

— Внучек, это в какое место мы пришли? — спрашивают.

— Я не знаю, — говорит.

— Дед твой здесь жил, к его дому подошли.

Постояли немного, отдохнули и опять дальше пошли. Долго ли, коротко ли шли, снова остановились.

— Внучек, в какое место пришли?

— А я не знаю.

— Отец твой здесь жил, к его дому подошли. Здесь и остановимся.

Нарту развязали, что нужно было, в дом внесли, дров нарубили, зажгли огонь.

— Давайте чай варить, — говорят.

Семиухий котел на огонь повесили. Чай вскипел, напились, спать легли.

Утро настало. Эква-Пырищ слышит, кто-то говорит:

— Ты что до этой поры спишь? Лесовщики так долго разве спят? Внучек, потом собачку свою привяжешь к той лиственнице, на которой я лук вешаю.

Эква-Пырищ вскочил, ругаться стал.

— Ты чего меня учишь? Я если одной рукавицей о другую потру, тут тебе и конец будет.

Эква-Пырищ из дома выбежал. Менква уже не видно. Ушел. Вдруг видит: собака его на дерево лает, на то самое дерево, на котором менкв лук свой вешал.

Кверху глянул, — соболю сидит. Рукавицу одну об другую потер, — соболю упал. Подхватил его, шкуру снимать начал. Снимает, а сам думает:

«Я шкуру, пожалуй, спрячу. Куда бы спрятать? А, под стельку суну».

Нярок¹² снял, шкуру под стельку спрятал.

— Ну, ладно, теперь котлы навесить надо, пускай тают. ¹³

Семиухие котлы снегом набил, над огнем повесил. Снег таять начал. Немного спустя менквы вернулись. Говорят:

— Пить хотим. Эква-Пырищ, внучек, глотки у нас пересохли, языки во рту не ворочаются.

Сколько в котлах воды было, всю выпили.

Двухголовый менкв говорит:

— Ну, я распояшусь.

Пояс свой распустил. Из-за пазухи соболя посыпались. Выше щиколотки его соболями и лисицами завалило.

Теперь Трехголовый менкв говорит:

— Ну, и я пояс распушу.

Развязал, из-за пазухи соболя и лисицы посыпались. До самых колен его завалило.

Говорит Четырехголовый менкв:

— Теперь и я пояс развяжу.

Пояс развязал, соболя и лисицы посыпались. До пояса куча навалилась.

— Ну, давайте обдирать будем.

Обдирать принялись. Эква-Пырищ снова котлы снегом набил, над огнем повесил. Снег растаял, чаю напились и спать легли.

Утро наступило Эква-Пырищ слышит, — говорит кто-то:

— Что до экой поры спишь? Лесовщики разве спят столько? Внучек, ты потом свою собачку привяжи к той лиственнице, на которой я лук вешал.

Эква-Пырищ вскочил. Менквы с глаз скрываются.

Ругаться стал:

— Что меня учишь? Рукавицы одну об другую потеру — тут тебе и конец будет.

В это время слышит, — собака залаяла. На дерево глянул — соболь сидит. Рукавицы друг о друга потер — соболь упал. Эква-Пырищ его поднял и ободрал. Думает:

«Спрячу, пожалуй, положу под стельку». Они хоть убивают, а мне-то, поди, не дадут. Я хоть этих бабке отнесу.

Нярок снял, соболью шкурку под стельку сунул. Потом котлы снегом набил, к огню подвесил:

— Пусть тает.

Вскоре младшие менквы показались. Пересмеиваясь, идут. За ними и старший пришел.

Старший браниться стал:

— Вы чего смеетесь? Я знаю, что задумали. Но только если сделаете — конец вам будет. Убить его не думайте.

— Нет, зачем мы его трогать будем.

Пришли, воды напильсь. Говорят:

— Когда домой шли, глотки наши пересохли, так пить захотели. Спасибо, Эква-Пырищ, воды приготовил.

Охотники воды напильсь, добытого зверя обдирать стали. Лисиц, собелей больше вчерашнего принесли. Шкурки снимали, спать легли. Утром встали, Эква-Пырищу говорят:

— Ну, внучек, нам больше лесовать нельзя. Еды не осталось. Давай твою котомку, посмотрим, что там у тебя есть.

Эква-Пырищ котомку притащил, развернул, половину вяленого максуна вытащил.

На стол положил.

— Э, внучек, какую еду имеешь! Такой кусище. Целая половина максуна.

Есть принялись. Ели, ели, съесть всего не могли, обратно в мешок положили.

— Ну, внучек, вот принес-то ты. Уж как ели, как ели, а всего не кончили. Ну, теперь, внучек, делиться будем.

Менквы собелей и лисиц притащили. Хороших собелей отобрали, Эква-Пырищу дают:

— На, возьми, внучек. Тех собелей, что сам убил, тоже у себя оставь.

Эква-Пырищ смутился, глаз поднять не может.

— Внучек, домой придешь, бабка пусть тебе шапку сошьет, рукавицы пусть сошьет. Одежду всю пусть справит. Одежду наденешь, шапку до глаз надвинешь, — ни один человек, ни одна женщина тебя не увидят.

— Ну, а теперь, давайте нагружаться. Домой пойдём.

Нагрузились.

— Ну, внучек, садись.

— Эква-Пырищ на нарту сел. Он сидит, а менквы тащат. Долго ли, коротко ли так шли, дошли до запора Четырехголового менква. Нарту развязали, взял Четырехголовый менкв свою котомку, развернул ее, соболей вытащил.

Говорит:

— Соболей своих Эква-Пырищу — внучку отдам. Домой как придешь, внучек, бабка шапку, рукавицы, малицу пусть сошьет тебе. Жену искать пойдешь — эту одежду наденешь. Ну, а теперь иди.

— Да, вот еще что скажу, — менквам он говорит. — Вы если что плохое устроите, тут и вашей жизни конец придет.

Распрощались, дальше пошли. Эква-Пырищ с младшими менквами идет. К запору среднего менква пришли. Эква-Пырища нарту нагрузили. Трехголовый менкв мешок свой развязал, выбрал соболей получше, Эква-Пырищу отдал:

— На вот, внучек, бери. Домой когда придешь, бабка пусть тебе из этих соболей одежду сошьет. Жену искать пойдешь или так людей посмотреть отправишься — эту одежду наденешь. Шапку до глаз если надвинешь — ни один человек тебя не найдет, ни одна женщина тебя не увидит. Ну вот, теперь иди.

Распрощались. Эква-Пырищ с младшим менквом пошел. Долго ли, коротко ли шли, однажды младшего менква запор увидали. К запору подошли, менкв мешок свой развязал, лучших соболей выбрал, Эква-Пырищу отдал:

— Внучек, домой придешь, бабка из этих соболей пусть тебе одежду сошьет, шапку, рукавицы сделает. Одежду наденешь, шапку на глаза надвинешь — рядом стоящий человек тебя не увидит. А теперь прощай, иди к бабке.

Эква-Пырищ теперь один тащится. Домой пришел, бабка бранится:

— Ты чего там ходил, что искал? Я тебе не велела по той дороге ходить, сказала: не ходи туда, а ты не послушался, пошел!

— Бабушка, деды мои очень хорошие, они меня не обижают, смотри, сколько соболей мне надали.

Эква-Пырищ за стол сел, поел, бабке говорит:

— Бабушка! Ты из моих соболей шапку мне сделай, рукавицы сделай и одежду всю сшей. Я жену искать пойду, землю, людей посмотреть пойду, как одежда готова будет, так и отправлюсь.

Как Эква-Пырищ встретился с птицей Тоулынг-Карс ¹⁴

Бабка Эква-Пырищу соболиную одежду и рукавицы сшила, шапку сделала. Эква-Пырищ оделся, шапку до глаз надвинул.

— Бабушка, найди меня.

Бабка смотрит, нет внучка. Ищет, ищет, найти не может. Эква-Пырищ шапку вверх сдвинул, тут и стоит. Как шапку надвинет, так с глаз скрывается.

— Ну вот, бабушка, — говорит Эква-Пырищ. — Я иду. Жену искать, людей посмотреть пойду.

Распрощался со своей бабкой и пошел.

Однажды идет, видит — маленький домик стоит. Зашел он туда. Смотрит — старик лежит. Голова в передний угол упирается, ноги у двери торчат. На подбородке у него клубок ниток лежит.

Эква-Пырищ шапку на глаза надвинул:

— Дедушка, здравствуй!

Старик подскочил, сел. Озирается, никого нет.

Говорит:

— Чудится мне что-то. Урас¹⁵ голову путает. А то, может, смерть пришла.

Эква-Пырищ шапку назад сдвинул.

— Дедушка, здравствуй! Ты что, людей узнавать перестал?

— Эге, — старик говорит, — Эква-Пырищ, внучек, это ты тут колдуешь?

— А как же, дедушка, понятно я, а то кто же!

Старик поднялся, всякой хмельной и сладкой едой стол уставил. Ели, пили, — старик говорит:

— Я что-то тебе дать хочу. Этот вот клубок ниток тебе дам. Если в какую беду попадешь — меня вспомни.

— Ну вот, дедушка, теперь я пойду. Доброго сна тебе.

Эква-Пырищ старику спасибо сказал, попрощался и дальше пошел. Близко ли, далеко ли шел, однажды глаза опустил, домик увидел.¹⁶ В домик зашел, смотрит, — старик лежит, спит. Голова в передний угол упирается, ноги в двери высунулись.

Эква-Пырищ шапку на глаза надвинул.

— Дедушка, здравствуй! Что до экой поры спишь?

Старик подскочил, уселся. Всю избушку осмотрел, — никого нет. Снова улегся.

— Это, — говорит, — смертушка моя приходила.

Эква-Пырищ шапку на затылок сдвинул.

— Эй, дедушка! — Ты что, человека не видишь, что ли?

— Э, — дед говорит, — Эква-Пырищ, внучек, это ты меня морочишь?

— А как же. Конечно я, кому больше!

Встал старик, сладкую и хмельную еду на стол поставил. Есть, пить стали. Поели, попили, дед говорит:

— У меня здесь горноста́я шкура есть, я тебе ее дам. В беду попадешь если — в шкурку залезай.

Эква-Пырищ шкурку взял, старику спасибо молвил и дальше пошел. Долго ли, коротко ли шел, однажды,

глаза опустив, землянку увидел. Зашел туда, видит — старик лежит. Макушкой передний угол подпирает, ноги в двери уперлись. Спит старик. Эква-Пырищ шапку на глаза надвинул.

— Дедушка! Ты что столько спишь? Здравствуй!

Старик поднялся, вокруг посмотрел, никого не увидел. Лег обратно и думает:

«Видно, смерть моя пришла».

Эква-Пырищ шапку назад сдвинул.

— Э, дедушка, ты, видно, людей узнавать перестал.

— Эква-Пырищ, внучек, это ты тут шутишь?

— А кто же больше? Конечно, я!

Старик поднялся, разной еды приготовил. Есть, пить стали.

Поели, попили, дед говорит:

— Внучек, ты куда идешь?

— Куда иду? Землю осматриваю, жену себе ищу.

— У меня здесь что-то есть, — старик говорит, — вот носатой мыши шкурка. Я ее дам тебе. В какую беду если попадешь — в эту шкурку залезай.

Старик Эква-Пырищу шкурку отдал. Эква-Пырищ спасибо сказал, со стариком попрощался и дальше пошел.

Долго ли, коротко ли шел, однажды вниз посмотрел, землянку увидел. Зашел туда, видит — старик лежит. Головой в передний угол уперся, ноги в дверь высунулись.

Эква-Пырищ шапку на глаза надвинул, крикнул:

— Здравствуй, дедушка? Что так долго спишь?

Старик поднялся, весь домик осмотрел. Никого не видать. Обратно лег.

«Видно, смертушка пришла, — думает, — что-то мне чудиться стало».

Эква-Пырищ шапку назад сдвинул.

— Здравствуй, дедушка, ты что, человека не видишь? что ли?

— Эге, Эква-Пырищ, внучек, это ты меня морочишь.

— Конечно я, кому же больше!

Старик поднялся, разной еды приготовил, есть, пить стали.

Поели, попили. Старик говорит:

— Ну, внучек, что же тебе подарить? Есть у меня топорик старый, возьми его себе. Его именем назовись. Теперь имя твое пусть будет Унтвос-Лайи-Мими-Хыли.¹⁷ В беду если попадешь, в несчастьи окажешься или колдовать станешь, этот топорик держи.

Эква-Пырищ топорик взял, в карман сунул, спасибо старичку сказал и дальше пошел.

Далеко ли, близко ли шел, однажды к городку пришел. Одна сторона городка развалена, дома погнили, наземь попадали. В городок вошел, народ говорит:

— Неведомый человек, Унтвос-Лайи-Мими-Хыли пришел.

В том городке вождь по имени Усын-Отыр-Ойка¹⁸ был. Унтвос-Лайи-Мими-Хыли поздоровался с вождем, гостить у него остался.

У Усын-Отыра дочь была. Унтвос-Лайи-Мими-Хыли к ней свататься начал.

Отец говорит:

— Вот ты ко мне в город пришел, так смотри: раньше город большой был, а теперь и половины не осталось. От нас тут близко горячее море есть, посреди этого моря две птицы живут. Они мой город разрушили. Если ты богатырь настоящий — этих птиц убей, тогда я тебе свою дочь отдам. Калыма с тебя никакого не возьму.

Унтвос-Лайи-Мими-Хыли говорит:

— А тем птицам как же имя будет?

— Имя им — Тоулынг-Карс.

— Ну, что же, пойду и убью.

Пошел.

Однажды пришел к морю с горячей водой. К берегу спустился. Вдаль смотрит, посреди моря высокая лиственница виднеется. А на вершине той лиственницы — гнездо. Через море переправился, до подножья лиственницы той добрался. Смотрит — на стволе ни сучочка, ни

задоринки. Как наверх взлезешь? Вынул из кармана горностаевую шкурку, влез в нее, горностаем на листовницу взбираться стал. Долго ли, коротко ли взбирался, обессилел. Вынул из кармана шкурку носатой мыши. Влез в нее и снова взбираться стал. Наконец рукой до края гнезда достиг. Вынул из кармана волшебный топорик; одной рукой за край гнезда схватился, в другой топорик сжимает, в гнездо вскочить собрался. В тот момент появилась внезапно Неимеющая-Сердца-и-Печени-Железная-Лягушка. Из-под гнезда вылезла и убить его намеревается. Унтвос-Лайи-Мими-Хыли топориком размахнулся, ударил. Между глаз лягушке попало. Лягушка закричала, сорвалась и вниз полетела. Наземь упала, только ухнуло. Насмерть расшиблась.

Унтвос-Лайи-Мими-Хыли в гнездо влез.

В гнезде два птенца Тулынг-Карс сидят. Говорит им:

— Вы что же не взлетаете?

— Как же мы взлететь могли. На дне гнезда жила Неимеющая-Сердца-и-Печени-Железная-Лягушка. Только мы взлететь соберемся, она нам крылья грызть начинает. Мы поэтому и не взлетали. Мы вот только что лететь думали, Лягушка нас не пускала. Ты если бы не пришел, она опять нам крылья грызла б. А теперь гляди, мы как летать будем.

— А ну, верно, посмотрю, как вы летаете. А если не полетите, я вас обоих своим волшебным топориком зарублю.

— Нет, мы взлетим, ты смотри только.

Взлетели. Долго летали. Лиственница из глаз у них исчезать стала, вот куда летали. Вернулись, в гнездо спустились, говорят:

— Ты, Унтвос-Лайи-Мими-Хыли, спрячься скорее; отец наш летит.

И верно. Смотрит, — летит Тулынг-Карс, в когтях человека в белой парке несет. Когтями в волосы вцепился. Прилетел, человека в гнездо бросил. Птенцы говорят:

— Мы человека есть больше не будем. Мы его из гнезда выбросим.

Схватили человека в белой парке и бросили его вниз. Унтвос-Лайи-Мими-Хыли думает:

«Песнь моя вдаль пусть летит, слово мое вдаль пусть несется! Этот человек в белой парке, на землю упав, пусть не расшибется. Глаза его куда глядят, туда пусть пойдет».

В то время птенцы Тоулынг-Карс говорят:

— Мать наша возвращается.

Тоулынг-Карс прилетела, женщину в белой ягушке, ¹⁹ за волосы держа, принесла. В гнездо бросила.

Птенцы говорят:

— Мы людей есть больше не станем.

Эту женщину из гнезда выбросили.

Унтвос - Лайи - Мими-Хыли думает:

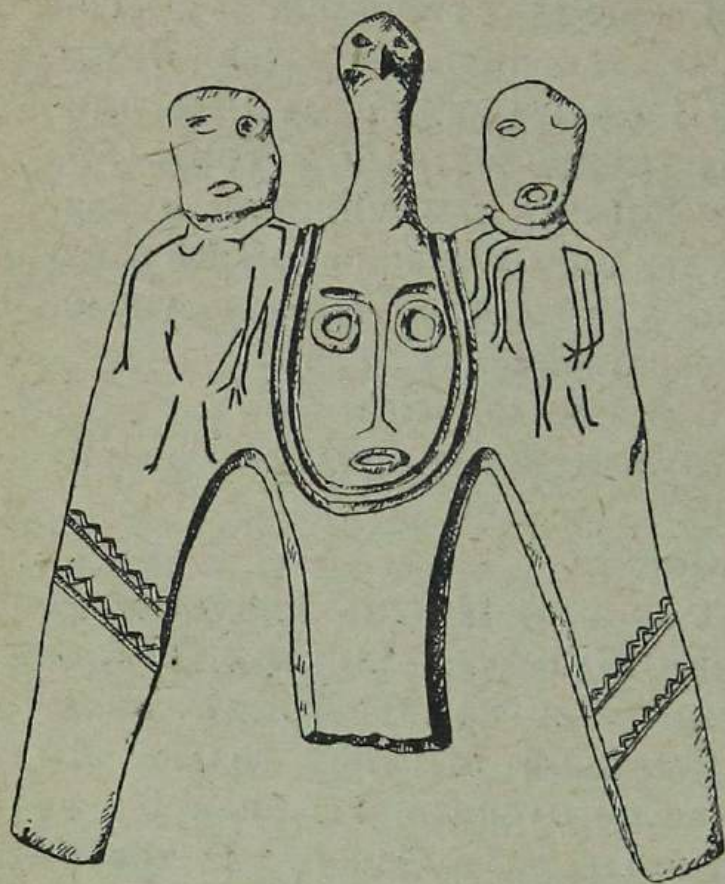
— Песня моя вдаль пусть летит, слово мое вдаль пусть несется, эта женщина в белой ягушке, на землю упав, пусть не разобьется. Глаза ее куда взглянут, туда пусть пойдет.

— Мы людей больше есть не будем, — опять птенцы говорят. — Если бы к нам такой человек не пришел, что с нами было бы? Он Неимеющую-Сердца-и-Печени-Железную-Лягушку убил, нас обоих спас. Как мы можем теперь людей есть?

— Где же ваш человек? — Тоулынг-Карс спрашивает.

— А мы уж его тут спрятали.

— Покажите.

— Нет, не покажем, вы его, пожалуй, съедите.

— Нет, зачем мы такого богатыря есть станем, покажите его. Мы с ним как-нибудь поладим.

Птенцы Унтвос-Лайи-Мими-Хыли отцу с матерью показали. Те его обняли и поцеловали. После этого птенцы с матерью взлетели и из гнезда вылетели.

— Вы в нашу землю обратно летите, — Тоулынг-Карс-старик им сказал, — а я с Унтвос-Лайи-Мими-Хыли здесь останусь. Он если в беду попадет, я ему помогу.

Птенцы с матерью улетели. Старик Тоулынг-Карс говорит:

— Унтвос-Лайи-Мими-Хыли, внучек, садись мне на спину.

Тот уселся. Тоулынг-Карс взлетел, к Усын-Отыра городку его понес.

К городку подлетели. Тоулынг-Карс на землю опустился, говорит:

— Ты, иди, скажи: я его убил.

Унтвос-Лайи-Мими-Хыли пришел в город, его спрашивать стали. Отвечает он:

— Я убил.

Усын-Отыр дочь отдать согласился.

— Я дочь отдам, — говорит, — только ты для пира еду достань. На том конце земли, — говорит, — золотой окунь есть. Этого окуня если привезешь, — девушка твоя будет.

— Ладно, я схожу.

Эква-Пырищ к Тоулынг-Карсу пошел.

— Ну как, внучек? — тот спрашивает.

— А вот, говорят, на том конце земли золотой окунь живет. Его достать велено.

— Ну, что же, внучек, садись ко мне на спину, полетим туда.

Поднялся Тоулынг-Карс, полетели они. Летят, бегущих облаков касаются. К ледяному морю прилетели, опустились. Лед продолбили, вниз смотрят. Разные рыбы плавают. Видят, сорожка²⁰ — рыба плынет.

— Поймаем ее, — говорят.

Поймали. На лед вытащили. Сорожка на льду лежит мерзнет. Плакать стала:

— Сделайте добро, отпустите меня. Я очень мерзну. Я знаю, где золотой окунь живет, его обмануть сумею и к вам приведу.

Опустили тогда сорожку в воду. Недолго спустя она золотого окуня привела. Вместе с ним около проруби плавают. Тоулынг-Карс изловчился, золотого окуня когтями схватил, на лед выволок. Говорит:

— Ну, Унтвос-Лайи-Мими-Хыли, теперь окуня мне на спину положи и сам садись.

Эква-Пырищ окуня Тоулынг-Карсу на спину взвалил, сам уселся, полетели. Близ города на землю опустились. Тоулынг-Карс спрятался, Эква-Пырищу говорит:

— В город придешь, скажешь: «Очень устал я, тащить больше не могу. Запрягите лошадей!» Спросят: «Сколько лошадей надо?» — «Трех лошадей запрягите».

Как Тоулынг-Карс сказал, так и случилось.

Трех лошадей запрягли, еле-еле они золотого окуня довели.

Усын-Отыр говорит:

— На том конце земли, говорят, живет птица по имени Сат-Нематур-Шишки. Если ее достанешь — девушка твоя будет.

— Ладно, достану, — Эква-Пырищ отвечает.

Пошел он к Тоулынг-Карсу, рассказал ему все.

— Ну, что же, — тот говорит, — садись ко мне на спину, полетим.

Полетели. Долго ли, коротко ли летели, однажды к тому месту, где Сат-Нематур-Шишки живет, прилетели.

Тоулынг-Карс говорит:

— Ты здесь останься, а я ее поймаю.

Пошел он в лес, Сат-Нематур-Шишки поймал. Обрато полетели. У городка на землю спустились. Тоулынг-Карс говорит:

— Ты иди, а я здесь спрячусь. Придешь, так ска-

жешь: «Я очень устал, дотащить птицу не могу. Запрягите лошадей!» Спросят тебя, сколько лошадей надо, скажешь: «Трех лошадей запрягите».

Как Тоулынг-Карс говорил, так все и вышло. На трех лошадях еле-еле птицу довели.

Усын-Отыр говорит:

— Ну, ладно, теперь дочь отдам.

На утро Унтвос-Лайи-Мими-Хыли думает:

«Ну-ка, схожу я к старику Тоулынг-Карс».

Пошел к нему. Тоулынг-Карс говорит:

— Вот что, внучек, достань ты мне три моих маховых пера. Они у мамонта находятся. Если эти перья у меня будут, я таким сильным стану, как повернусь — земля задрожит. Ты пойдешь, внучек, к мамонту. От его рогов три отростка у меня находятся. В старое время мы с ним воевали, он у меня три маховых пера выдернул, а у меня от его рогов отростки²¹ остались. Так ты мне, внучек, принеси перья, а мамонту в обмен отростки отдай.

Эква-Пырищ отростки взял и отправился. Долго ли, коротко ли шел, дошел до горячего моря. Старик мамонт на берегу сидит.

Эква-Пырищ ему отростки отдал. Мамонт их взял, на место приставил, они и приросли.

Говорит:

— Еще три отростка женщины Пор²² у меня захватили. А у меня семь их пальцев есть. Ты, внучек, им пальцы отнеси, а отростки возьми.

Отправился Эква-Пырищ. Близко ли, далеко ли шел, наконец к тому месту пришел, где женщины Пор жили. Отдал им пальцы, три отростка от рогов мамонта у них спросил. Они ему отростки дали. Эква-Пырищ обратно к мамонту пошел. Отростки ему отдал. Мамонт их на место поставил, они сразу и приросли.

— Ну вот, внучек, — мамонт говорит, — теперь я таким сильным стал, что, если пошевелюсь, вся земля затрясется.

Мамонт три маховых пера отдал. Эква-Пырищ перья взял, с мамонтом простился, назад пошел.

Недалеко отошел, видит—дом стоит. К дому приблизился, женщину увидел. В доме одежда красивая висит. Унтвос-Лайи-Мими-Хыли эту одежду себе взять задумал.

Старуха говорит:

— Унтвос-Лайи-Мими-Хыли, ты эту одежду взять не думай.

— А я возьму.

— Если возьмешь, я тебя убью.

— Нет, тебе меня не убить. Я мимо тебя пройду, ты меня не увидишь.

Шапку по самые глаза надвинул, в домик зашел, одежду взял и убежал. Долго ли, коротко ли шел, слышит—погоня за ним.

— Ты иди, иди, я тебя все равно догоню,—старуха кричит,—знай, ты меня хоть и убьешь, моя тень тебя задушит.

Вскоре догнала. Схватила, биться стали. Долго бились, наконец Унтвос-Лайи-Мими-Хыли изловчился, топориком старуху ударил и убил. Дальше пошел. Долго ли, коротко ли шел, в одном месте опять погоню слышал, старухина тень его догоняет. Теперь Унтвос-Лайи-Мими-Хыли с тенью сладить не смог. Одежду отняла, а самого в камень превратила. Лежит Унтвос-Лайи-Мими-Хыли и думает:

«Эх, вот если бы теперь дед мой сюда пришел».

Только подумать успел, кто-то концом посоха по камню стукнул. Камень раскололся. Эква-Пырищ из камня вышел. Видит, дед перед ним стоит, тот самый, что клубок ему подарил. Вместе дальше отправились. Долго ли, коротко ли шли, наконец до Тоулынг-Карса добрались. Эква-Пырищ ему перья отдал. Тоулынг-Карс перья в крыло вставил, они туда и вросли.

Тоулынг-Карс с Эква-Пырищ попрощался, поднялся и улетел. Эква-Пырищ с дедом в городок отправились. В городке уже к свадебному пиру все готово. Семь дней,

семь ночей угощались. Пировать кончили, Унтвос-Лайи-Мими-Хыли с женой из дома вышел, из кармана мешочек вынул, жену в него положил и снова в карман засунул. Потом к бабке своей домой пошел. Пришел домой, бабка его увидела, обрадовалась. Стали обниматься, целоваться. Потом Унтвос-Лайи-Мими-Хыли мешочек из кармана вынул, жену свою из него извлек. И зажили они все вместе.

Как Эква-Пырищ в страну Мортам-Маа²³ летал

На неизвестно откуда появившейся тундровой кочке сестра с братом одни в доме живут. Эква-Пырищ с сестрой живут. Матери не имеют и отца не имеют. Так и живут. Братец вырос, ходить начал. Однажды собрался, на лошадь сел и поехал. Едучи, думает: «Я уехал, а сестра моя, там, поди, мучается». В тот же миг сестра голос свой подала. Она позади его на лошади сидела. А он и не знал, с ним сестра или нет.

Ехали, ехали, однажды остановились. Сестра говорит:

— Здесь впереди дом есть. В доме три человека живут. Туда приедем, лошадь снаружи привяжешь. С теми тремя людьми есть сядешь, не думай: «сестра моя есть хочет». Так если подумаешь, они узнают. Не думай так.

Поехали. Приехали в поселок. Эква-Пырищ в дом вошел. Чай вскипятили, есть-пить сели. Когда чай пили, про себя подумал: «Я ем, а сестра там, поди, есть хочет». Три человека говорят:

— Сестру коли имеешь, почему в дом не зовешь?

Позвали ее, вместе чай пьют. Попили. Три человека говорят:

— Сестру свою нам отдай!

— Я разве хозяин, — отвечает, — сестра сама сказать может.

— Живи у нас! — сестре говорят.

Эква-Пырищ сестру спрашивает:

— Будешь жить здесь?

— Меня отдал, как я жить не стану?—сестра отвечает.

Эква-Пырищ распрощался, уехал. Долго ли ехал или близко ехал, однажды на берег реки выехал. На солнечную сторону, такой хороший бережок. Лошадь в обгорелый пень превратил. На пригреве лег и уснул.

Весна настала. Утки лететь стали. Гуси, лебеди летят. Однажды проснулся, видит — гусыня летит. Одиночная гусыня летит. Эква-Пырищ гусем обернулся, куда одиночная гусыня улетела, туда погнался. Догнал, вместе жить стали. К морю улетели. На море жили, три гусенка у них появилось. Вырастили их. Осень настала, в Птичью страну лететь собрались. Когда к тому месту подлетели, где он прошлую зиму спал, Эква-Пырищ на землю опустился. Опустился и спрятался. Гусыня вперед улетела, дети его вперед улетели. Сколько-то времени прошло, искать его назад вернулись. Сколько ни кричали, сколько ни кричали, найти не могли. Улетели. Эква-Пырищ остался, на том месте живет. Зиму там прожил. Весна настала, утки летят. Три гуся опять прилетели, его ищут. Сколько ни искали, найти не могут. К морю улетели. Эква-Пырищ все на бережку своем лежит, спит. Осень наступила, гуси в Птичью страну потянулись. К тому месту, где Эква-Пырищ спрятался, подлетели, снова искать стали. Не нашли. Дальше полетели. В Птичью страну летящая гусыня думает: «Такой человек, как ты, зачем этакую мысль сотворил?» В тот миг, когда гусыня так подумала, выскочил Эква-Пырищ и за гусями погнался. Вместе с гусями в Птичью страну полетел. В Птичью страну, в страну Мортим-Маа прилетели, там живут.

В Птичьей стране старуха со стариком живет. Перелетные птицы у старухи через колени проходят. Когда проходят, перья у них красивыми становятся.

Эква-Пырищ с другими птицами через колени Мортим-Эква пошел. Через колени пропущен не был. Человека в нем узнали. Мортим-Эква через колени свои

его не пустила. Дочь ее, в гусином облике к морю летавшая, узнала его. Вместе они в гусином облике на морской берег летали и в Мортим-Маа пришли.

Старухой Мортим, Старухой Птичьей страны признанный, Эква-Пырищ с дочерью ее поженились. Эква-Пырищ Старухи Птичьей страны зятем стал. В стране Мортим-Маа живут.

Весна настала. Гусям на север лететь пора пришла. Перелетные птицы из Птичьей страны к морю потянулись. Эква-Пырищ с женой своей тоже туда летят.

Долго ли, коротко ли летели, до солнцем пригретого бережка добрались, на землю опустились. Эква-Пырищ обгорелый пень снова лошадью сделал. На солнце пригретом бережке она семь лет, семь зим пробыла. Дочь Старухи Птичьей страны и Эква-Пырищ людьми сделались, на лошадь сели, поехали. Поехали туда, где сестра их осталась.

К сестре приехали, поздоровались, целовались, обнимались. Семь дней гостили. Отгостили — и в поселок на неизвестно откуда появившейся тундровой кочке отправились. Сестру свою не оставили, с собой взяли.

Все вместе домой приехали, в дом вошли. В своем поселке все вместе жить стали.

Как Эква-Пырищ русского богатыря победил

Тетка Эква-Пырищу сетки связала.

— Племянничек, съезди, поставь сетки.

— А в какую сторону поехать бы мне?

— Кверху по Оби поднимись немного. Там в стороне от берега озеро есть. Поставь на то озеро.

Эква-Пырищ сетки в лодку сложил, сел и поехал. До озера добрался, сетки расставил. Сам про себя думает: «Поднимусь-ка еще немного дальше по Оби, места посмотрю». Долго ли, коротко ли ехал, видит — мыс. Против мыса народу много собралось. Калданят. Эква-Пырищ туда подъехал и свой калдан в воду пустил.

Иные из людей говорят:

— Эква-Пырищ, ты зачем сюда приехал? Наш хозяин тебя если завидит, убьет. Он — беда худой!

Иные говорят:

— Да пусть калданит, чего к нему привязались?

Эква-Пырищ рыбы наловил, домой вернулся. Тетка говорит:

— Ты что так долго ездил?

— Я по Оби далеко был. Народу там сколько Калданить весело.

— Мало что весело, не ездь туда. Еще беда какая случится.

Эква-Пырищ на утро встал, опять на то же место отправился. Весь день калданил, больше всех добыл. Иные, это видя, завидовать стали.

— Мы, — говорят, — хозяину скажем, что ты здесь рыбу ловишь, тогда тебе худо будет. Наш хозяин — беда злой.

— Какой же он, ваш хозяин?

— А вот какой: когда ему волосы чесать начинают, один волос только плохо положат, он тому человеку голову отрубает!

— Э, какое дело, — Эква-Пырищ говорит. — Так вы ему скажите: Эква-Пырищ волосы чесать очень хорошо может. Завтра, скажите, приду. А как вашего хозяина зовут?

— Наш хозяин — русский богатырь.

Эква-Пырищ домой вернулся, тетке говорит:

— Я завтра на русского богатыря пойду.

— Не ходи, племянничек, убьет он тебя.

— Не убьет. Дай мне твой нож.

У тетки большой русский нож был. Этот нож она Эква-Пырищу отдала. Эква-Пырищ нож взял, точить его начал. День ли, два точит, наконец кончил. Веточку на лезвие положит — веточка пополам перерезается. Травинку на лезвие положит — травинка перерезается. Так остро выточил!

Утром вместе с теткой поехал. На место приехали, он тетку на другом берегу оставил.

— Ты здесь будь, — говорит. — Когда увидишь, на яру народ соберется, тогда веслом об лодку стучи сильнее.

Сам через Обь переправился, в городок пошел. В самый большой дом зашел. Видит — три человека сидят, все три на одно лицо.

Спрашивает:

— Русский богатырь где?

— А зачем тебе?

— Я ему волосы чесать пришел.

— Русский богатырь — я, — один отвечает. — Ну, пришел, давай чеши.

Эква-Пырищ волосы расчесывать начал.

Волос к волосу кладет, не дернет ни разу. У богатыря на голове железный шлем надет. Эква-Пырищ говорит:

— Ты шлем кверху сдвинул бы, а то чесать невозможно.

Долго ли, коротко ли причесывал его Эква-Пырищ, только слышит, — тетка на том берегу об лодку стучать стала.

— Стой, подожди, — русский богатырь крикнул. — Никак враги идут!

— Верно, что-то слышно, — товарищи его сказали. — Послушай-ка хорошенько.

Русский богатырь прислушался:

— Слышно, шумит там что-то.

Товарищи посмотреть на улицу выбежали, Эква-Пырищ с богатырем один остался. Волосы чесать продолжает.

— Снял бы ты шлем совсем, — богатырю говорит, — чесать невозможно. Что ты среди своих боишься?

Русский богатырь шлем снял. В этот момент Эква-Пырищ долго точенный нож свой выхватил, богатыря по горлу хватил. Голова напрочь отлетела! Безголовое

тело за ноги схватил, из дома выскочил, товарищей русского богатыря побивать стал. Половину городка развалил, половину всего народа перебил. Другие — кто куда поразбежались.

Так Эква-Пырищ русского богатыря победил и людей его прочь прогнал.

Как Эква-Пырищ у Водяного дочь сватал

Эква-Пырищ с бабкой живут. Однажды зимой бабка по воду пошла. К реке спустилась, берестяным ведром воды зачерпнула, вдруг вода в проруби закипела. Как в котле ключом кипит, расплескивается. Бабка удивилась.

Говорит:

— Сколько живу, такого не видывала, чтобы в проруби вода кипела. Это что же такое будет?

Стоит, смотрит. Вдруг из проруби окунь выскочил, раза два трепыхнулся и человеком встал. Красивый такой, настоящий богатырь. Топорик вынул, чулки отвернул, от каждой голени по кусочку кости отколол. Из одного куска древко стрелы сделал, из другого наконечник вытесал. Вместе связал, стрелу сделал. Неподалеку, на берегу большой камень лежал. Богатырь стрелку на лук положил, лук натянул, пустил стрелу. Стрела камень насквозь пронизала.

Бабке говорит:

— Женщина, когда домой придешь, Эква-Пырищу так скажи: «В колдовстве и волшебстве если со мною сравняется, то пусть по моим следам идет, в тот край, где жену найти сможет. Если же в колдовстве и волшебстве со мной не сравняется, то пусть не ходит».

Бабка ведерки взяла и домой пошла. Пришла домой, ведерки на пол поставила, вода в них как в котле кипит, на пол расплескивается. Эква-Пырищ говорит:

— Бабушка, ты по воду ходила, что-то видела? Какое слово мне принесла?

— Внучек, какое же я тебе слово принесу, по воду ходя, что увидишь?

Вода в ведерках того пуще кипит.

На пол плещется.

— Хоть и говоришь ты, — ничего не видела, никакого слова мне не принесла, однако что-то есть! — Эква-Пырищ говорит.

— Есть для тебя слово, внучек, — бабка говорит. — Из проруби в виде окуня человек вышел. От обоих своих голеней по кусочку отколол, из одного кусочка древко стрелы сделал, из другого кусочка наконечник вытесал. Эту стрелу в камень пустил, она камень насквозь пронизала! Потом мне так сказал: «Если у Эква-Пырища в волшебстве и колдовстве со мною сравняться сил хватит, — по моим следам себе жену искать пусть идет. Силы если нехватит, — пусть не ходит».

Эква-Пырищ со своего места вскочил, схватил лук и стрелы, лыжи надел и к реке побежал, на берег спустился. Чулки отвернул, взял топор, от обоих голеней по кусочку кости отрубил. Из одного кусочка стрелу вытесал, из другого наконечник сделал. Вместе связал, наложил стрелу на тетиву, натянул лук, выстрелил. Стрела камень насквозь пронизала. Потом в прорубь шагнул, в воду опустился, идет.

Долго ли, коротко ли шел, в одном месте видит — человеческая рука валяется. В руке посох зажат. Эква-Пырищ руку себе оторвал, бросил. С одной рукой дальше пошел. В одном месте держащую лук руку нашел. Здесь и свою вторую оставил. Дальше идет, нога от туловища оторванная, так вместе с лыжей и лежит. Эква-Пырищ одну свою ногу оторвал и вместе с лыжей тут же рядом бросил. На одной ноге дальше идет. Дальше идет, видит — еще нога с лыжей лежит. Эква-Пырищ вторую свою ногу оторвал, бросил. Так и идет. С одним туловищем дальше идет. Дальше видит — туловище без головы лежит. Эква-Пырищ туловище свое оставил, одна голова вперед покатилаься.

Долго ли, коротко ли катилась голова, к туловищу подкатилась. Подкатилась и соединилась с туловищем. Еще прошел, руку свою нашел. Руку к туловищу приставил, сразу приросла. Дальше ногу нашел. И ногу к туловищу приставил. Потом вторую руку, вторую ногу отыскал, к туловищу приставил, снова человеком стал. В одном месте из проруби на землю вылез, дальше по следу идет. Долго ли, коротко ли шел, видит — slopeц насто-рожен. Медведь, пополам разорванный, на приманку положен. Дальше идет. Так идя, к четырехсаженному дому Водяного пришел. На маленьких кустарничках сына Водяного лук и стрелы повешены. Эква-Пырищ лук и стрелы снял, на травинки повесил. Лыжи снял, поставил, за дверь взялся. Дверь открыл, заглянул внутрь, вдруг вода хлынула. По всему дому волны так и ходят. На полу люди сажами промышляют, кадан-нами каданят, неводят, запоры устроили — запорами промышляют, тайменей и нельм добывают.

Эква-Пырищ кое-как в дом вошел, уселся. В перед-нем углу старик со старухой сидят. У старухи волосы седые, а на голове гнездо орлиное. Старик тоже седой, на голове беркут гнездо свил. В стороне еще мужчина и женщина сидят. Мужчина спит, женщина шьет, собо-лей и зверей разных вышивает. Женщина нож схватила, мужчину в бок ткнула. Тот вскочил, говорит ей:

— Гость пришел, ты что меня долго не будила, с каких пор голодный сидит. Эй, нярки мои, чулки мои, идите сюда! На ноги надевайтесь.

Нярки, чулки появились, на ноги мужчине наделись.

— Лыжи мои, идите сюда! Лук и стрелы мои, ко мне бегите!

Все появилось. Человек лыжи надел, лук и стрелы взял, в лес отправился. Недолго походил и вернулся. Трехлетнего лося на себе притащил.

Лося ободрали, котел сварили. Мясо в чашку положили, перед гостем поставили. На один конец чашки женский нож положили, на другой конец мужской

нож положили. Из чашки пар валит. Сын Водяного Эква-Пырищу говорит:

— Ну, чего же ты ждешь? Почему есть не начинаешь? К чашке твоей, к чуману твоему товарища если надо, выйди на улицу, позови. Товарища по еде самищи.

Эква-Пырищ из дому вышел. Смотрел, смотрел — никого не видать. Никакого товарища для еды найти себе не может. Повернулся назад, на порог ступил, только хотел в дверь шагнуть, как кто-то его за волосы схватил. Кверху тянет. Глянул он кверху — женщина его держит. Такая красивая! По одной косе соболя бегают, по другой косе птички порхают. За руки взялись, вместе в дом вошли, из одной чашки, из одного чумана есть стали. Поели, попили. Эква-Пырищ с ними жить остался.

Несколько дней прошло. Эква-Пырищ сыну Водяного говорит:

— Послушай, я по своей земле, по своему дому соскучился. Бабка моя, сестра моя из ума у меня не выйдут. Итти хочу. Сестру если отдашь за меня, с собой возьму. Что же я тебе за нее дать могу?

— Зять! Сестру хоть сейчас бери, мне с тебя разве что надо? Ее у себя удерживать не стану.

Девушку снарядили. Эква-Пырищ с женой домой пошел.

Домой пришли, вместе зажили. Семь лет, семь зим прошло.

Усын-Отыр-Ойка двух сыновей имеет. Однажды они к Эква-Пырищу пришли.

— Эква-Пырищ, ты как жену нашел?

— Как я нашел, вам так не сумею.

— Пойдем вместе?

— Вы не сможете, я не пойду. Живите дома, как я вас в такое место поведу?

Усын-Отыра сыновья все просят, не отстают.

— Ну, сделай добро, не бойся, не подведем тебя. Может, сумеем!

— Нет, друзья, я не пойду. С такой силой, как у вас, человек не выдержит. Вы сами в беду попадете и меня потянете. А мне стыдно будет.

— Ну, сделай милость такую, отведи! У нас силы хватит!

Долго просили, наконец согласился Эква-Пырищ.

— Ладно, — говорит, — как хотите. Выдержать надеетесь, так отведу, смотрите только, чтобы мне из-за вас в беду не попасть, не осрамиться.

Оделся Эква-Пырищ, из дому вышли. К реке спустились. Эква-Пырищ чулки отвернул, взял топор, от голени по кусочку кости отколол, стрелу сделал, в камень пустил. Стрела камень насквозь пронзила. После этого Усын-Отыра сын тоже топор взял, по ноге стукнул и заорал:

— А-на-на! Ноге больно!

— Я вам говорил ведь, что не сможете. Я с вами дальше не пойду. Силы вашей хватит — идите сами.

— Ну, сделай милость, пойдём дальше как-нибудь.

Эква-Пырищ сам из ноги у них по кусочку кости достал, стрелы сделал. Сыновья Усын-Отыра луки натянули, пустили стрелы. В камень попали. На три части разлетелись, наконечники в камне застряли.

— Хватит с вас, — Эква-Пырищ говорит, — кончим это, все равно ничего не выйдет.

— Ну, как не выйдет! Мы теперь как следует делать будем.

— Ну, пойдём, коли так.

Эква-Пырищ сыновей Усын-Отыра к найденному им дому привел. Когда в дом вошли, женщина спящего мужчину ножом ударила.

— Послушай, смотри, человека убила, — один из сыновей кричит.

— Сделай милость, замолчи. Из-за тебя в беду попадем!

Человек поднялся, говорит женщине:

— Что же сразу меня не разбудила? Гости пришли,

сколько времени голодные сидят. Эй, нярки мой, чулки мои, на ноги надевайтесь! Лыжи мои, идите сюда! Лук мой, стрелы мои, скорее ко мне!

Нярки, чулки на ноги наделись, лыжи, лук, стрелы появились. Усын-Отыра сын смотрит, удивляется, Эква-Пырищу говорит:

— Гляди-ка, сами идут!

Водяного сын в лес пошел. Недолго ходил, трех-годовалого лося на спине принес.

Котел сварили, мяса в чашку наложили. На один конец женский нож положен, на другой мужской нож.

Усын-Отыра сыновьям говорят:

— Усын-Отыра два сына, по еде товарища сами ищите.

Те из дома вышли. Кричат:

— Нам обоим товарищ нужен!

Хоть и кричали, никого не нашли. Домой повернули. Только на порог ступили, с крыши дома кто-то их за волосы схватил. Наверх тянет. Кверху глянули, видят — безобразной старухой за волосы схвачены. Вместе в дом вошли, за стол сели.

Два или три дня прошло. Эква-Пырищ говорит:

— Ну, свояки, вы здесь живите или уходите, ваше дело, а я домой пойду.

— Мы тоже с тобой пойдем.

Тесть снарядил их, все вместе домой пошли. Сыновья Усын-Отыра с безобразной старухой, женой своей, к Эква-Пырищу гостить зашли. Долго ли, коротко ли погостили — и домой собрались.

Семь зим, семь лет прошло. Сын Водяного к Эква-Пырищу в гости пришел. Два или три дня погостил. Зятю говорит:

— Ну, как думаешь, не сходить ли нам к своякам твоим, Усын-Отыра сыновьям? Посмотрим, как они там с моей сестрой живут, добро их поглядим.

— Ну, что же, смеха ради сходим.

Собрались, пошли. Долго ли, коротко ли шли, наконец добрались. В дом вошли.

Старуха, Усын-Отыра сыновей жена, сидит, шьет Усын-Отыра сыновья рядом лежат.

Старуха гостей увидала, нож схватила, мужей в бок ударила. Те вскочили, заорали:

— А-на-на! Чего ты ножом колешься?

Гостей увидели. Говорят жене:

— Что же ты нас раньше не разбудила? Издалека пришли, есть хотят.

Мяса сварили, в чашку наложили, перед гостями поставили. Поели, попили. Сын Водяного говорит:

— Ну, пора домой.

Попрощались и к Эква-Пырищу вернулись. Дня через два Водяного сын говорит:

— Пойду я. А ты потом еще к своякам сходи, посмотри, как после нашего ухода живут.

После ухода шурина Эква-Пырищ к своякам собрался. Пришел туда, смотрит, — весь городок сгорел, головешки одни торчат. Постоял, посмотрел и назад пошел. Дня два спустя к сыну Водяного отправился. Тот спрашивает:

— Ну, ходил к своякам? Как живут?

— Ходил. Весь городок сгорел, одни головешки торчат.

— Ну вот, вперед наука. За колдовской силой пусть не гонятся.

Два или три дня Эква-Пырищ у шурина погостил, потом распрощался и домой пошел.

Как Эква-Пырищ Усын-Отыра морочил

Эква-Пырищ с бабкой и младшим братом живет. Однажды лето все промышлял, очень много пищи на зиму наготовил. Зима подошла. Эква-Пырищ бабке говорит:

— Мы запасы наши когда кончим? Не съесть нам самим всего. Пойди-ка товарища нам поищи.

Бабка из дому вышла, покликкала. Ночь наступила,

и менкв пришел. Пришел, в дверь залез, дверные косяки с мест своротил.

Эква-Пырищ говорит:

— Ты что такой нескладный, зачем мне дом ломаешь?

— Не бранись, внучек, — менкв отвечает, — я сделаю.

Менкв назад повернулся, кулаком по косякам ударил, на место их поставил.

— Ну, внучек, я к тебе поесть пришел. У меня у самого еды совсем нет, наготовить времени не было, все лето бегал, кричал, песни пел.

— Ладно, — Эква-Пырищ говорит, — есть хочешь, пойдем.

Из дому вышли, к амбарчику подошли. Менкв в амбар залез, есть принялся. До тех пор ел, пока в амбаре ничего не осталось. Наружу вылез, говорит:

— Ну, внучек, еще есть еда?

Эква-Пырищ его к чамье ²⁴ привел. Менкв в чамью залез, все, что там было, съел.

Вылез и спрашивает:

— Ну, внучек, еще есть?

— Ничего больше нет, ты все поел.

— Больше коли нет ничего, я твоего брата съем.

— Ну, — Эква-Пырищ говорит, — что ты ненасытный какой! Подожди, я летом промышлять буду, осенью приходи, чего сейчас нехватило, тогда доешь. До осени только потерпи.

— Ну, что ж, подождать можно.

Менкв ушел, Эква-Пырищ один остался.

Лето наступило, Эква-Пырищ промышлять пошел. Все лето промышлял, ничего почти не добыл. Связку юколы да четверть туюска рыбьего жира принес. Только всего и добыл.

Однажды Эква-Пырищ бабке говорит:

— Думается мне, умру я скоро.

И верно, вскоре умер. Похоронили его, связку юколы и четверть туюска рыбьего жира с ним положили. Зима наступила, менкв пришел. Пришел, бабке говорит:

— Ну, бабушка, Эква-Пырищ мне еды приготовил?

— Э, внучек, какая там еда! Летом промыслять ходил, ничего не добыл, да и сам помер. Еду готовя, и помер. Что и было еды, то вместе с ним положили.

— Ну, коли еды нет, я брата его съем, — сказал и брата Эква-Пырища проглотил.

Проглотил и ушел.

После ухода менква Эква-Пырищ из похоронного места вылез, домой идет. В одной руке туесок с рыбьим жиром несет, подмышкой связку юколы держит. Пришел домой, нарту делать начал. На другой день нарта готова была. Две правешные палки вырезал, на нарту сел и поехал. Палками только подправляет, нарта сама бежит.

День едет, другой едет, по земле предков, по земле богатырей несется. На третий день нарта обо что-то ударилась. Эква-Пырищ смотрит — два столба стоят. Кверху глянул: менкв стоит, об его ноги нарта стукнулась. Менкв Эква-Пырища увидел, говорит ему:

— Бабка твоя сказала, что умер ты. А ты ездешь?!

— Ну, так что ж, — Эква-Пырищ отвечает, — хоть и умер? Человек разве совсем умирает? Все равно опять оживает. Вот я и ожил. А ты лучше скажи, братца моего зачем сожрал? Я тебя теперь убью.

— Не убивай меня, — менкв просит, — отпусти. Черного зверя, красного зверя²⁵ сколько спросишь, отдам тебе.

— Человечья голова дорого стоит.²⁶

— Ну, сколько стоит, столько и дам. Отпусти только, сделай милость.

— Ладно, отпущу! Теперь за вирой к тебе поедем.

Пошли к менкву. Эква-Пырищ полную нарту черным и красным зверем нагрузил. Домой потащил. Домой пришел, деревянных колышков натесал, по стенам наколотил, всю пушнину на колышки поразвешал, пустого местечка на стенах не осталось. Потом в амбар сходил, мяса принес, в котел положил и варить повесил. Мясо

сварилось. Эква-Пырищ собаку до отвала накормил, на спину ей пайву²⁷ привязал. В пайву двух соболей и горностаев положил, еды всякой тоже положил. Собаку к лесу отвел, там к траве привязал, сам домой вернулся.

Тем временем два сына Усын-Отыра к Эква-Пырищу в гости пришли. Пришли, постояли немного перед входом,²⁸ а затем в дом вошли. В передний угол — на место для гостей сели. Эква-Пырищ всяческой сладкой и хмельной еды принес, гостей кормить стал. Гости едят, пьют, меж собою разговаривают.

— Смотри-ка, — один другому говорит. — Вот промышляет, сколько зверя понавешено!

— Эква-Пырищ, какой ты охотник! Сколько зверя добыл.

— Я-то что, это у меня дружок есть, все он напромышлял. Сегодня из лесу прийти должен, а вот все нет что-то.

В это время в сенях зашумело. Эква-Пырищ поднялся, дверь открыл, собака с пайвой на спине вбежала.

— Вот он, охотничек мой, вернулся, — сказал Эква-Пырищ.

Развязал пайву, соболей и горностаев вынул.

— Мало принес. Раньше больше нашивал.

Усын-Отыра сыновья меж собою говорят:

— Послушай, смотри-ка, собака промышляет. Вот нам бы ее. Давай спросим, может, продаст? Сколько за нее захочет?

— Эква-Пырищ, продай собачку!

— Нет, не продам. Как без нее останусь?

Сколько ни просили — не соглашается. Эква-Пырища бабка тоже просить за них стала:

— Ну, внучек, собака тебе к рукам прилипла, что ли, продай уж. Видишь, люди как милости просят!

— Хорошо, отдам. Бабка за вас просит, ради нее отдам.

— Сколько за собаку хочешь?

— Трех лучших хапторок²⁹ давайте.

Сыновья Усынг-Отыра хапторок отдали, собаку взяли, домой пошли. Домой придя, пайву взяли, разной еды туда наложили, на спину собаке привязали. Собаку к лесу отвели.

— Пр-р... пошла, соболиный лес там!

Собака, оглядываясь, в лес побежала, а братья домой пошли. Только в дом зашли, слышат, — на улице собаки грызутся. Выбежали, смотрят, — со всего поселка собаки собрались, пайву в клочья рвут. Еду всю пожрали.

Другую пайву взяли, всяческой едой наполнили, собаке на спину привязали. Собаку подальше в лес отвели.

— Пр-р... пошла, Эква-Пырища собачка, соболиный лес вон там!

Собака, оглядываясь, в лес побежала, а братья домой вернулись. Только в дом вошли, слышат, — собаки грызутся. Выбежали, смотрят — собаки все запасы поели и пайву в клочья разорвали!

— Эква-Пырищ нас обманул, — сыновья Усынг-Отыра кричат: — Пойдем, убьем его!

— Не ходите, — отец их говорит, — Эква-Пырищ хитрец и колдун. Вы его убить не сможете.

— Нет, пойдем, убьем его!

Эква-Пырищ уже знает, что его убить задумали. Из чамьи жирного мяса принес, в котел положил, вариться повесил. Два полена отрубил, перед домом положил. Мясо сварилось, котел ключом кипит. Взял его Эква-Пырищ, из дому вынес, на поленья поставил. Котел и без огня все кипит.

Сыновья Усынг-Отыра пришли, за деревьями разговор их слышен:

— Здесь убьем или в дом зайдем?

Когда к двери подошли, видят — котел кипит. В дом вошли. Эква-Пырищ бабке своей говорит:

— Бабушка, поди-ка посмотри, котел, наверное, поспел. Гости пришли,

Бабка сходила, котел принесла, мясо в чашку положила. Эква-Пырищ с гостями есть сел.

Братья между собой потихоньку говорят:

— Послушай, вот котел-то! Сам собой, без огня варит! Нам бы такой котел! Давай спросим, может, он продаст?

— Эква-Пырищ, продай котел!

— Нет, не продам. Бабка стара, дрова ей рубить тяжело. Котел продам, как она будет?

— Ну, продай же!

Бабка Эква-Пырищу тоже говорить стала:

— Продай им котел, внучек. Что он тебе, к рукам прилип, что ли?

Эква-Пырищ согласился.

— Ну, ладно, продам. Трех лучших хапторок если дадите, отдам котел.

— Отдадим, только продай.

Хапторок привели, котел домой забрали. Домой пришли, в котел жирного мяса навалили, воды налили, на два полена у дверей поставили. Сами в дом ушли. Только вошли, слышат, — собаки загрызлись. Выскочили, видят — со всего поселка собаки собрались, мясо из котла все повытаскали и съели.

Разозлились братья, кричат:

— Эква-Пырищ нас опять обманул! Пойдем, убьем его!

Отец им говорит:

— Не ходите. Эква-Пырищ такой хитрец, вам с ним все равно не сладить. Он колдун, вы его убить не сможете.

— Нет, мы пойдем, убьем его!

Эква-Пырищ знает, что его убить собираются. Хапторку убил, горло ее взял, кровью наполнил, бабке на шею привязал.

Сыновья Усын-Отыра пришли, ругаться стали:

— Ты что нас обманываешь? Собаку продал — собака не промышляет, котел продал — котел не варит.

— Э, — Эква-Пырищ говорит, — сами вы плохи. Собачка у меня кабы осталась, сколько, поди, еще добыла бы! Это все бабка моя! Она продать уговорила, из-за нее и продал.

Эква-Пырищ вскочил, схватил чукрей, ³⁰ оленье горло на бабкиной шее пополам перерезал. Бабка навзничь упала, кровью облилась.

Братья испугались:

— Смотри-ка, — говорят, — бабку убил!

Эква-Пырищ чукрей в бревно перед чувалом ³¹ воткнул.

— Живого железа чукрейчик мой! Кого убил, оживи! И ожила бабка. Поднялась, села, кровью плюнула.

— Послушай, — один брат другому говорит, — смотри-ка, какой ножичек! Вот бы нам такой в руки попал. Жены наши очень сварливы, а этим ножом мы их припугнули бы. Давай спросим, может, продаст?

— Эква-Пырищ, чукрей продай нам!

— Нет, не продам! Мы с бабкой только этим чукреем и держимся. Бабка стара, слаба стала, кровь пушу, ей легче делается.

— Продай, внучек, — бабка говорит. — Видишь, люди как милости просят!

За хорошую цену Эква-Пырищ нож отдал. Братья нож взяли, домой пошли.

Домой пришли, жены бранятся, смеются над ними:

— Куда вам с Эква-Пырищем тягаться! Где уж вам его хитрость постичь!

Братья рассердились, ножом Эква-Пырища обеих жен убили. Те упали, кровью облились. Братья нож в бревно втыкают, наговаривают:

— Живого железа чукрейчик! Кого убили — оживи.

Сколько ни наговаривали, все напрасно было. Не ожили жены.

Жен в лес отнесли, там оставили,

— Эква-Пырищ опять нас обманул. Пойдем, убьем его!

Пришли к Эква-Пырищу. Бабка одна сидит, Эква-Пырища дома нет. В юрте один угол платком завешан.

— Бабушка, — братья спрашивают, — там кто у тебя?

— Внучка моя там.

— А Эква-Пырищ где?

— Где ему быть? Лесоватъ ушел.

По дороге у одного из братьев нярок распоролся, у другого рукавица разорвалась.

— Бабушка, — говорят, — внучка твоя нам это вот не зашьет ли?

— Давайте сюда, сделает.

Нярок и рукавицу взяла, в полог бросила. Совсем мало времени прошло, нярок и рукавица обратно летят.

Смотрят братья: то ли иглой зашито, то ли клеем склеено. Шва не видно, и от иглы следа нет!

Братья оделись, с бабкой попрощались и ушли. Немного отошли, остановились.

— Послушай, у нас теперь жен нет. Вот бы нам эту девушку посватать!

Вернулись, бабке говорят:

— Бабушка, девушку за нас отдай.

— Внучка дома нет, без него не отдам. Он придет, ругаться будет.

Долго просили, наконец бабка согласилась. Сыновья Усынг-Отыра домой сходили, калым принесли, девушку взяли.

— Домой придете, — бабка говорит, — девочка, пока не привыкнет, пусть дня два-три одна поживет.

Братья так и сделали. Жену домой привели, в отдельной юрточке поселили. На другой день дочери Усынг-Отыра к ней пришли, кунаться ее зовут. Отправились. К реке спустились, дочери Усынг-Отыра живо разделась, в воду попрыгала, а вновь привезенная женщина на берегу сидит, в воду не идет.

— Ты что же не кунаешься? — спрашивают ее.

— Вы все разом нырните, тогда и я в воду влезу.

Девушки нырнули, она рубашку скинула и в воду бросилась. Нырнула, маленькой щучкой обернулась и поплыла. Щучка к другому берегу отплыла, на берег

выбралась и Эква-Пырищем обернулась. Вскочил он, в лес бросился и домой побежал.

Девушки из воды когда вынырнули, смотрят: женщины нет, одна рубашка на берегу лежит. Искать начали. Искали, искали, нет нигде. Не иначе как утонула. Оделись, с плачем домой бегут.

— Невестка наша сказала: «Нырните все разом», мы и нырнули. Из воды поднялись — ее нет нигде, только рубашка на берегу лежит. Утонула бедная!

Усын-Отыра с сыновьями искать начал. Невод взяли. Неводили, неводили, не нашли нигде. Видать, унесло куда течением.

Осень настала, лед застыл, Эква-Пырищ нарточку свою взял, к Усын-Отыру в гости пошел. Долго ли, коротко ли шел, наконец поселок показался. Собаки залаяли. Дети говорят: «Эква-Пырищ пришел». Усын-Отыр по поселку расхаживает. Эква-Пырищ к нему подошел:

— Здравствуй, сватушко, сестра моя дома ли, нет?

— Милый сватушко, какой там дома! Еще летом купаться пошла, да так и не вернулась.

— Что ты болтаешь! Скажи, где она?

— Потерялась она. Мы искали, найти не могли. Откуда же теперь возьму ее?

Эква-Пырищ рассердился, кричит:

— Ты меня обманываешь! Куда сестру дел?

Усын-Отыр Эква-Пырища уговаривать стал.

— Ну, уж ты не сердись. Я за тебя дочь свою отдам. Хочешь, и другую бери, только не сердись.

Эква-Пырищ согласился, обеих дочерей взял. А девушки его узнали. Меж собою говорят:

— Никакой тогда девушки не было, это он сам был, нас всех дурачил.

Услыхал Эква-Пырищ, что девушки его узнали, думает: «Ну, пусть только за дровами в лес пойдут».

Девушки вскоре нарту взяли, в лес по дрова пошли. Эква-Пырищ их в лесу нагнал, убил и на деревья повесил: «Зачем меня признали».

Люди обеих девушек нашли. Говорят:

— Что такое, кто девушек убил?

Стали шамана искать, чтобы убийцу угадал. Усынг-Отыр спрашивает:

— Где бы шамана найти?

— Мухоморы-едящего человека сын недалеко живет, — Эква-Пырищ отвечает.

— Сходи, пожалуйста, приведи его.

Эква-Пырищ сходил, шамана привел. Большой котел с мухоморами на огонь повесили. Шаман ворожить стал, мухоморы ест,³² в бубен бьет, ворожит. О проделках Эква-Пырища вот-вот узнает!

«Доберется он до дела! — Эква-Пырищ думает: — что б такое сделать?»

Потихоньку меж людьми пробрался, из дому вышел. В сенях берестяной короб с юколой стоит. Короб схватил, юколу на землю вывернул. Со всего поселка собаки сбежались. Рыбу рвут, лают, грызутся. Эква-Пырищ дверь приоткрыл, крикнул:

— Чего тут ворожите? Враги пришли!

Люди на улицу бросились. Эква-Пырищ тем временем в дом заскочил, шамана схватил и в кипящий котел сунул. Потом на улицу выскочил, опять кричит:

— Что вы все из-за собачьей грызни убежали? У вас там человек в котел попал!

Люди вбежали, шамана из котла тащить принялись, а он уж мертвый. Что делать?

Усынг-Отыр Эква-Пырища просить начал:

— Эква-Пырищ, сватушко, отвези его к отцу. Мы сами везти боимся. Чего сколько спросишь, все тебе дам, — только отвези.

Эква-Пырищ шамана на нарточку положил, сам впрягся и повез. Долго ли, коротко ли шел, двух охотников встретил. Они под деревом стоят, соболя стреляют.

— Не стреляйте в эту сторону, — Эква-Пырищ кричит, — я пьяного везу — в него попадете.

Те не слушают, стреляют. Стрела кверху взвилась, вниз упала, около нарты в землю вонзилась. Эква-Пырищ стрелу схватил, мертвому шаману в лоб воткнул. Потом закричал:

— Только что говорил вам: не стреляйте сюда! Вот ваша стрела в моего человека попала. Теперь везите его сами!

— Мы не можем, сделай добро, отвези! Сколько за осень соболей добыли, все тебе отдадим, отвези только!

— Ладно, коли так, то отвезу, не обманите только!

— Как мы тебя обмануть можем? Если обмануть захотим, от тебя куда скроемся?

Эква-Пырищ дальше потащился. К Мухоморы-едящему старику пришел. К двери подошел, крикнул:

— Дедушка, бабушка, открывайте!

Дверь открыли. Эква-Пырищ покойника вместе с нартой в дом втолкнул. Сам закричал:

— Мухоморы-едящий старик! Убивают тебя! Чорт к тебе пришел, задавить тебя хочет! Руби его, руби!

Старик испугался, топор схватил, сына в двух местах перерубил.

— Что ты, дурной, делаешь? — Эква-Пырищ опять кричит: — Сына своего убил! Я только что тебе сказал: пьяный он.

Старик покойнику в лицо взглянул. И верно — сын. Разозлился, на Эква-Пырища кинулся. Эква-Пырищ, от него убегая, гагарой обернулся и взлетел. Мухоморы-едящий старик ястребом вдогонку пустился. Вот-вот нагонит, вот схватит. Эква-Пырищ к реке подлетел, молвил:

— Песня моя, вперед лети, слово мое, вдаль несись. Тонкой иглой сквозь лед пусть пройду!

Вниз бросился, тонкой иглой речной лед пронизал. В воду попал, щукой обернулся, дальше поплыл. Так плывя, другую щуку встретил.

— Куда поплывешь? — ее спрашивает.

— На низу вода замерла в вершину, к живой воде³ пробираюсь.

— Поплывем вместе.

Тем временем Мухоморы-едящий старик речку запором перегородил. В запор морду поставил. Эква-Пырищ со щукой к запору подплыли, туда-сюда сунулись: пролезть некуда. Говорит Эква-Пырищ щуке:

— Полеза́й в морду, а я за тобой следом.

А про себя думает:

«Старик морду вытащит, а я в тот миг проскользну».

Щука в морду хоть и вошла, старик ее не вытаскивает. Знает, что не Эква-Пырищ это.

Запор снизу все поднимается. Вода у запора задыхаться стала. Эква-Пырищ выдержать больше не смог, в морду зашел. Только успел зайти, Мухоморы-едящий старик морду из воды выхватил. Обоих щук на лед вытряхнул, старуху свою кликнул. Та щука уже застыла, Эква-Пырищ на льду бьется. Мухоморы-едящий старик дубину схватил, старухе Эква-Пырища-щуку держать велел.

— Держи крепче, сейчас я его дубиной прихлопну.

Старуха щуку рукой схватила, держит. Старик размахнулся, в тот миг как ударил, Эква-Пырищ из руки выскользнул. Старухе руку дубиной перешибло.

— Теперь ты держи, — старуха кричит, — а я ударю!

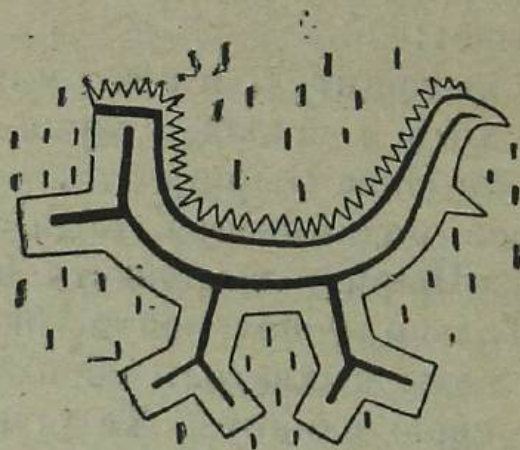
Схватил старик щуку, держит. Старуха дубину взяла, замахнулась, изо всей силы ударила. Эква-Пырищ из руки вывернулся, старику дубиной руку перешибло.

— Навались на него, — старуха кричит, — придави к земле, а я стукну!

Старуха на щуку навалилась, старик все силы собрал, замахнулся, ударил. Эква-Пырищ опять вывернулся, старухе удар по голове пришелся. Тут ей и конец был.

Эква-Пырищ тогда снова человеческий образ принял, дубину схватил, Мухоморы-едящего старика убил, домой пошел. Долго ли, коротко ли шел, до двух охотников

добрался. Там соболя уже приготовлены были и на нарту сложены. Соболей забрал и дальше отправился. К Усынг-Отыру пришел, тот ему черного и красного зверя полную нарту дал. Эква-Пырищ день ли, два тут погостил и домой ушел, две нарты добра за собой потащил.

ПРО ПОЛУМ-ТОРУМА

Старуха со стариком живут. Два сына их подросли. Старший сын говорит:

— Мы очень бедно живем. Я, — говорит, — куда-нибудь пойду.

— А как же пойдешь? — спрашивает отец.

— На лошади поеду.

Лошадь запряг. Тут средний сын говорит:

— Я тоже поеду.

На одну лошадь сели и отправились. Отправились и — нет и нет их. Однажды младший сын говорит:

— Я братьев искать буду.

— Искать хоть будешь, — отец отвечает, — где их найдешь?

— А уж где-нибудь поищу.

— У меня, — говорит отец, — под семью старыми стойлами конскими семикрылая лошадь была. Если ты теперь эту семикрылую лошадь поймашь, — так поймай. На ней и поехал бы.

Сын к семи старым стойлам подошел. Дверь вся

завалена. Он лопату взял, раскапывать стал. Копал, копал, до пола стойла дошел. Дверь там увидел. Дверь открывать начал, семикрылого коня ржанье послышалось. Коня взнуздывая, за узду схватил. В тот же миг кверху его подкинуло. Через все семь стойл наружу вытащен был. Наружу попал, в землю уперся, коня удерживает. Лошадь удерживая, по колена в землю ушел. Лошадь остановилась, говорит ему:

— Старухи и старика младший сынок. Руки твои сильными стали. Меня поймать смог. Теперь в правое ухо мое полезай.

Мальчик в правое ухо влез, в хорошие одежды там оделся. Вылез и к отцу пошел.

— Сынок, — говорит, — лошадь поймать смог?

— Почему же не смочь?

С матерью, с отцом попросился, из дому вышел, к лошади отправился. На спину ей сел.

Пока он полы одежды своей поправлял, весь круглый свет они обошли. Так едучи, однажды к глубокой, по колена вытоптанной дороге выехал. По ней направился. Долго ли, коротко ли ехал, в близкую землю — близкий путь, в далекую землю — далекий путь. В одном месте видит впереди то ли две ели стоят, то ли две лиственницы высятся. Думает:

«Туда если б доехал, там заночевал бы. Семязыкую мать мою ³⁴ разжег бы, а после того смерть — так смерть, жизнь — так жизнь».

Ближе подъехал, настолько приблизился, что разобрать можно. Смотрит: какая ель? Какая лиственница? Дом с чамьей стоят. Подошел к дому, дверь открыл, вошел. В доме тепло, темно.

Спрашивает:

— Есть ли человек какой?

Человеческий голос слышится:

— Старухи и старика младший сын, к твоему приходу огня нет, готовой пищи нет.

Старухи и старика ³⁵ младший сын плешку зажег,

в заднюю комнату прошел. На столе когда-то приготовленная пища стоит, пар над ней кружится. Сел, есть стал. Поел, попил. От еды что осталось наружу вынес, лошадь свою накормил, напоил. Обрато в дом вернулся, говорит:

— Есть ли в этом доме кто-нибудь? Я поел, попил, спасибо!

Человеческий голос снова слышится:

— Старухи и старика младший сынок, для тебя еды нет, огня нет. Для хорошего человека приготовлено, напрасно ты поел.

Мальчик уходит повернулся, сказал:

— Прощай, доброго сна тебе, в доме живущий!

— Иди, иди! Куда идешь, чтобы тебе оттуда не вернуться!

Вышел мальчик из юрты, дальше отправился.

В близкую землю — близкий путь, в далекую землю — далекий путь. Ехал, ехал, обессилел совсем, насили тащится. Однажды, под вечер, смотрит, — вдали как будто ель с лиственницей виднеются. Думает:

«Туда бы дойти. Там заночевал бы. Семиязыкую мать мою разжег бы, а там жизнь — так жизнь, смерть — так смерть!»

Ближе подъехал, настолько, что разобрать можно, видит — то не ель, не лиственница, а дом с чамьей стоят. Около дома семисуставчатая коновязь стоит. Коня своего к седьмому суставу привязал, в дом зашел. В доме старушка сидит, плачет.

— Внучек, ты куда идешь? — спрашивает.

— Силу свою померять — место ищу.

— Какого тебе места пужно? У меня вроде тебя богатырь, внук был. Низового человека ³⁶ дочь сватать пошел, сыном Низового человека убит был.

Старуха мальчика накормила, напоила, потом сказала ему:

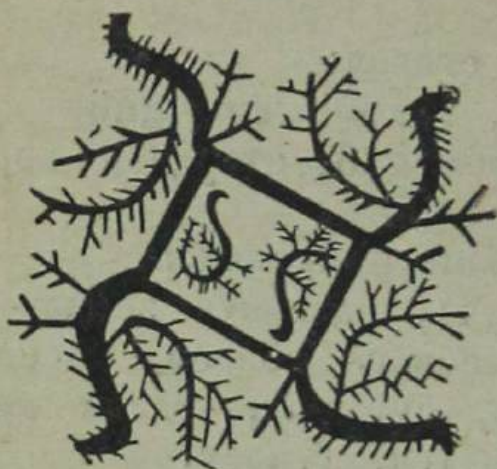
— По этой дороге если пойдешь, к старому бору придешь. Внук мой там с сыном Низового человека

бился, там и убит был, как горная трава, как лесная трава, на мелкие кусочки иссечен.

Старуха пол-лепешки ему дала, сказала:

— На то место как придешь, остановишься и скажешь: «Здесь живого человека нет ли? Бабушка мне пол-лепешки дала, если бы живой человек нашелся, мы бы с ним вместе поели».

Попрощался со старухой, поехал дальше. Долго ли, коротко ли ехал, устал, из сил выбиваться начал. Однажды к старому бору приехал. Видит—и правда, убитый человек лежит, — как горная трава, как лесная трава, на мелкие куски иссечен. Остановился, говорит:

— Здесь живого человека нет ли? Бабушка мне пол-лепешки дала, если бы живой человек нашелся, мы бы с ним вместе поели.

Человеческий голос послышался:

— Я есть не могу, сын Низового человека меня убил.

— А как же тогда говорить можешь?

— Шея моя перерублена, а все же на одной жилочке голова держится. А ты куда идешь?

— К Низовому человеку, дочь сватать иду.

— Я с сыном его хоть и сражался,—убитый говорит,—победить его не смог. А тебе где же справиться?

— Я справлюсь.

— Ну, так слушай! В Низовую землю поезжай. В тундру выедешь, посреди тундры Низового человека дом увидишь. Семь домов друг на друга поставлены. Верхний дом — ледяной. Когда приедешь туда, Низового человека сын тебя увидит, из дома выскочит. Как крикнет, конь твой на колени упадет. Второй раз крикнет, конь наземь повалится. Ты коня хорошенько ударь.

Как быстро ни поедешь, он на своем коне все равно догонять будет. В третий раз крикнет, твой конь снова к земле припадет. Ты его опять подгони. Когда Низового человека сын приблизится, ты своего коня поверни, чтобы лошади грудь с грудью столкнулись. Тогда он на землю спрыгнет и скажет тебе: «Будь ты старшим братом, а я младшим буду».

Так убитый живого учил. Старухи и старика младший сын коня нашел, на спину ему сел и поехал.

В близкую землю — близкий путь, в далекую землю — далекий путь. Долго ли, коротко ли ехал, на тундру выехал. И верно, видит — дом стоит, крышей бегучих облаков касается.

Видит — из верхнего окна муха вылетела. На землю опустилась, сыном Низового человека стала. Как крикнул он, лошадь на колени упала. Старухи и старика младший сын лошадь кнутом ударил, она на ноги вскочила и вперед понеслась. Богатырь молодой обернулся назад, видит Низового человека сын на коня вскочил, за ним погнался. Второй раз крикнул, от этого крика конь на землю припал, затем снова на ноги вскочил. В третий раз Низового человека сын крикнул. Молодого богатыря конь оземь грянулся.

— Ты чего испугался? — старухи и старика младший сын крикнул: — лесного ворона сын закричал, а ты и падаешь.

Ударил плетью, лошадь как огонь взвилась.

Пуше прежнего помчался. Низового человека сын все равно нагоняет. Повернул богатырь своего коня навстречу, — лошади грудь с грудью столкнулись, сына Низового человека лошадь на три шага назад отлетела. Он на землю соскочил, сказал:

— Старухи и старика младший сын, довольно нам спорить, будь мне старшим братом, а я тебе младшим братом буду. А теперь ко мне поедем!

К дому подъехали. У дома семиколечатый столб стоит. Низового человека сын коня своего к шестому

колену привязал. Старухи и старика младший сын коня своего к седьмому колену привязал.

Вместе в дом вошли, вместе жить стали. Много ли, мало ли прожили, однажды младший брат загрустил. Старший брат его спрашивает:

— Что грустишь, что скучаешь?

— Как мне не грустить, как мне не скучать, когда я силу свою потерял. Ты, сюда едучи, в бору видел чего?

— Видел.

— Ну так вот, там моя сила осталась.

— Как же твоя сила там осталась?

— Я с Эква-Пырищем бился, шею ему хоть и перерубил, меч свой при этом потерял. Там он и остался, я его вытащить не смог. Как к тому месту подъехать задумаю,—лошадь как вкопанная останавливается. На землю спуститься захочу—от лошадиной спины оторваться не могу. Назад повернусь—лошадь с места сойдет, побежит.

— Я,—старший брат говорит,—когда сюда ехал, он уже сгнивший был. Кости только кучей лежали.

— Нет,—младший отвечает,—с нашей битвы семь лет прошло, я туда не раз ездил, он все живой.

— Съезжу я,—старший говорит,—меч твой возьму.

— Не сможешь, пожалуй.

— Ну, я-то справлюсь!

Собрался, поехал. Долго ли, коротко ли ехал, однажды до бора добрался. Лошадь только-только на бор вышла,—как вкопанная остановилась.

Человеческий голос послышался:

— Милый братец, я здесь семь лет, семь зим лежу. Если ты мне дыхание вернешь, оживишь меня, то я тебе меч человека, ставшего твоим братом, отдам.

— Как же я тебе дыхание верну?

— Для оживления снадобье я сам имею. Если ты мне дыхание вернешь, будешь мне старшим братом, а я тебе младшим братом стану.

— Ну, что же, твою просьбу исполню.

С лошади соскочил, ближе подошел.

— Голову мне совсем прямо положи.

Голову поправил, в сторону отошел, поглядел: совсем прямо лежит. Эква-Пырищ говорит:

— Песню несущего человека, слово несущего человека—голова моя прямо пусть лежит!

Старухи и старика младший сын еще раз посмотрел: совсем прямо голова лежит.

Эква-Пырищ опять говорит:

— Руки, ноги, кости мои на место положи.

Молодой богатырь кости по местам разложил, в сторону отошел, поглядел. Хорошо лежат.

Эква-Пырищ говорит:

— С правой стороны у меня пузырек живой воды есть. Этот пузырек возьми, разрубленную шею мою живой водой обрызгай, живой воды в рот влей.

Как сказано было—так и сделал. Шею обрызгал, в рот живой воды влил. Кости мясом и кожей обросли. Человек ожил, сел. На ноги поднялся, молодого богатыря обнял, поцеловал.

— Теперь ты мне старшим братом будешь.

Меч ему отдал, попрощались богатыри, разошлись. Старухи и старика младший сын к Низовому человеку поехал.

Встретил его младший брат, говорит:

— Эге! Вот и ты приехал.

— Приехал.

— А силу мою привез?

— Привез,—отвечает.

Меч отдал.

— Ну,—Низового человека сын говорит,—теперь больше ни одной ночи дома не проспю. Три года назад я у Мудрой старухи дочь сватал, Дочь она мне не отдала, а теперь воевать со мной стремится. Я этой же ночью к ней поеду.

Оделся, опоясался мечом и отправился. Долго ли,

коротко ли ехал, добрался до той земли, где Мудрая старуха жила. Старуха людей своих собрала. В летний день столько комаров, столько оводов не бывает, сколько у старухи воинов. Сын Низового человека с ними сражаться начал, воинов бьет и рубит, только—скольких убьет, столько и новых появляется. Долго бился, не выдержал, домой вернулся.

Брату говорит:

— Милый братец, у Мудрой старухи воинов много, сколько ни бился я, одолеть их не мог.

— Оставайся здесь, я вместо тебя пойду.

— Куда же ты пойдешь, милый братец, убьют ведь тебя!

— Нет, я пойду.

Собрался и поехал. Долго ли, коротко ли ехал, приехал в ту землю, где Мудрая старуха живет. Воинов собралось больше, чем комаров в летний день. Биться начали. Молодой богатырь плеть в руки взял. Туда махнет, сюда махнет,—воины так и валятся. Наконец все войско Мудрой старухи к концу пришло. Старуха одна осталась. Погнался за ней богатырь, старуха кольцом обернулась, по земле катится. Гнался-гнался, догнать не мог, кольцо сквозь землю провалилось. Богатырь с коня соскочил, взад-вперед ходит, ищет. В земле лаз нашел, лесенка вниз идет. В этот лаз по лесенке спустился. В Нижний мир попал, там искать стал. Видит, юрта стоит, в юрту заглянул,—старуха сидит, нитки прядет, веретено крутит. Как крутнет—человек появляется. Как появится—в заднюю комнату бежит. А там кричат:

— Одевайтесь, снаряжайтесь. Мудрую бабушку нашу враги преследуют!

Богатырь в заднюю комнату шагнул, а там-то народу! И все прибывает еще. Сколько раз старуха крутнет, столько человек вбежит. Заранее приготовленную одежду надевают. Сколько ни прибежит человек, одежды на всех хватает.

Богатырь в первую комнату вышел, старухе сказал:
— Дай сюда веретено, я как крутну—сразу трое
выскочат.

— Когда я помоложе была,—старуха отвечает,—руки
побыстрее были. Как крутну бывало — по-многу сразу
выскакивало. А теперь руки ослабели.

— А ну-ка, давай, я попробую.

Отдала ему веретено старуха. Он его схватил,
в глотку ей воткнул. Старуха на пол повалилась и
умерла.

Вышел из юрты, дальше идет.

В одном месте еще один дом увидел. В дом вошел,—
старичок железо кует, только искры летят. Как искра
вылетит, так человек появляется. Появится и с криком,
со свистом в другую комнату бежит.

Богатырь старику говорит:

— Дай-ка, мне молоток. Я как ударю—сразу много
людей появится!

— Руки у меня ослабли,—старик отвечает.—Соста-
рился я. Когда помоложе был, тоже по-многу выбивал.

— А ну-ка, дай, попробую.

Старик молоток и отдал. Богатырь молоток схватил,
ударил старика по лбу, тот наземь упал.

Богатырь снова вышел, дальше идет.

Вскоре к домику подошел. Такой красивый домик.
По домику одна золотинка вверх поднимается, одна
золотинка вниз опускается. В дом вошел, видит—Му-
драя старуха лежит, спит, около нее дочь ее сидит.
Дочь Мудрой старухи говорит:

— Старухи и старика младший сын, какой зверь тебя
сюда затащил, какая нужда завела? Мать моя, коли
проснется, тут тебя и убьет! Как мне тебе помочь?
Вот что ты сделай. Выйди из дому. В сенях две бочки
увидишь. В одной живая вода, в другой мертвая. Бочки
ты эти местами поменяй. На то место, где с живой
водой бочка стоит, бочку с мертвой водой поставь, а ту
возьми и на место мертвой воды поставь.

Богатырь пошел, сделал так, как его девушка научила. Потом обратно в дом вернулся.

В то время девушка Мудрую старуху будить стала.

— Мать, а мать, вставай, враги напали!

Старуха вскочила, с богатырем бороться схватилась. Старухина дочь кричит:

— Совсем дряхлую старуху ты убиваешь. Отпусти ее ненадолго, пусть передохнет!

Только отпустил старуху богатырь, она из дому выскочила и в бочку с мертвой водой бросилась. Думает, что с живой водой эта бочка. Только и успела крикнуть:

— Родная дочь меня убила!—и умерла.

Дочь Мудрой старухи с богатырем одна осталась. Старухи и старика младший сын вышел из дому, вынул из кармана мешочек и сказал:

— Старшей невесткой сшитый мешочек! А что, Мудрой старухи дом в этот мешочек не влезет ли?

Стал засовывать,—все влезло! Завязки затянул, мешочек свернул, в карман положил. После этого повернулся и домой пошел.

На землю выбрался, конь его на месте стоит. Сел на него, поехал. Долго ли, коротко ли ехал, до младшего брата добрался. В дом вошел.

— Ну, каково ходил?—младший брат спрашивает.

— Сходил хорошо, а теперь давай в мою сторону пойдем.

— Куда ты захочешь, туда и пойдем.

Старухи и старика младший сын из дому вышел,—говорит:

— А что, этот дом, в мешочек, что мне средняя невестка сшила, не влезет ли?

Вынул мешочек, расправил его, стал дом засовывать,—все влезло. Завязал, мешочек свернул и в карман засунул. Потом на лошадь сел, дальше поехал.

Долго ли, коротко ли ехал, приехал к Эква-Пырищу.

— Э, милый братец, приехал все-таки?

— А как же мне не приехать? Меня мать богатырем родила, на этой земле живущие людишки что со мной сделать могут?

На улицу вышел, говорит:

— А что, дом этот в тот мешочек, что младшая невестка мне сшила, влезет или нет?

Мешочек из кармана вынул, дом в него засунул. Весь поместился. Затянул, свернул и в карман положил. На лошадь сел, дальше поехал. Ехал, ехал, однажды до того домика добрался, в который когда из дому ехал, то заходил. Видит—девушка, такая красивая, сидит:

Девушка говорит:

— Старухи и старика младший сын, а ты и верно ведь молодец!

Тот ни слова не ответил, из домика вышел.

— А что, этот домик в тот мешочек, что мне самая младшая невестка сшила, не войдет ли?

Мешочек вынул, расправил, домик в него положил. Весь вошел. Завязал, свернул, в карман сунул. Дальше отправился.

В близкую землю—короткий путь, в далекую землю—долгий путь. Много ли, мало ли времени прошло, однажды к матери с отцом приехал. Видит—они совсем уже состарились. Напоил их живой водой, сразу помолодели.

Вечер настал, богатырь на середину поселка вышел. Для четырех домов место подыскал. Мешочки из кармана вытащил, дома повынимал, на землю их поставил.

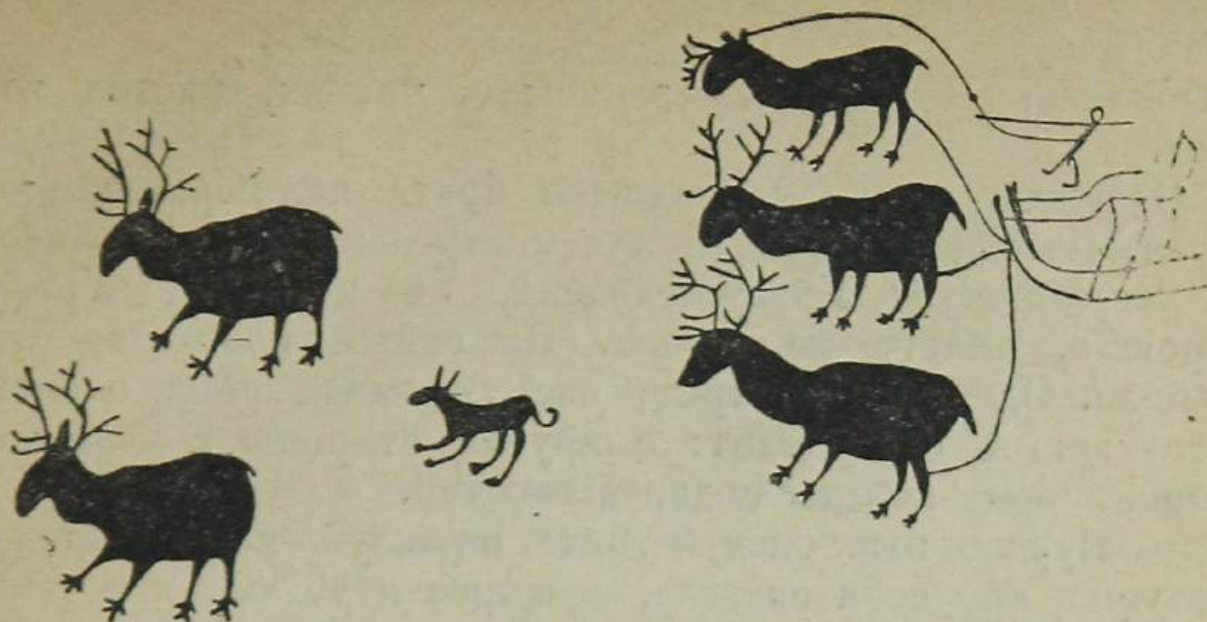
Утром со всего поселка народ собрался. Стоят, на дома смотрят, удивляются. Целую неделю стояли, насмотреться не могли. Тем временем старухи и старика младший сын для всего поселка пир приготовил, всех людей собрал. Долго ли, коротко ли гости пировали, пока все не съели.

Старухи и старика младший сын—Мудрой старухи дочь сыну Низового человека отдал. Эква-Пырищ дочь Низового человека взял, а старухи и старика младший

сын на той девушке женился, которую на обратном пути встретил.

С тех пор все три богатыря вместе жить стали. Старухи и старика младшего сына люди и теперь поминуют, называют его Полум-Торум, Полымский богатырь.

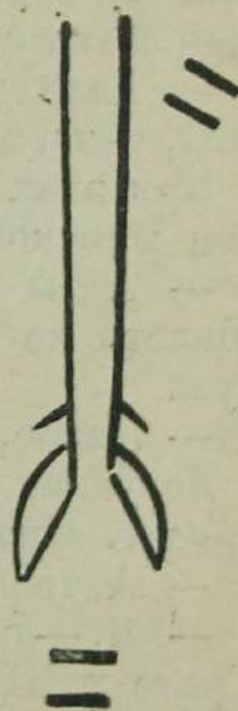

ЖЕНЩИНА-БОГАТЫРЬ

В Няксимволе³⁷ семь братьев живут, восьмая сестра. У сестры косы медными птичками³⁸ украшены. Однажды старший брат баловаться начал, взял лук, пустил стрелу, одну птичку сбил. Девушка вначале ничего не заметила, да другие два брата над ней смеяться стали. Тогда она рассердилась, лук вырвала, натянула его так, что он пополам переломился. Тогда четвертый брат свой лук схватил, стрелу пустил, сразу семь птичек сбил.

— Ну, что ж, — сестра сказала, — ешьте их, если голодны так. Но потом в лес пойдете, — чтобы вам ни одного зверя, ни одной птицы не добыть!

Вскоре тяжелое время настало. Братья в лес пошли, ничего не добыли. Сколько ни лесовали, одного косача³⁹ найти не могли. Ни зверя, ни птицы в лесу не стало. Исхудали братья, из сил

выбились. Истошились запасы в чамьях, настал голод.

Однажды сестра у младшего брата панцырь попросила. Надела его, взяла лук и стрелы и пошла в лес. К верховому⁴⁰ Уралу сходила, по низовому Уралу прошла, ничего не нашла. На самый конец хребта вышла. Однажды смотрит, видит — вдали семь оленей пасутся. А еще видит: с другой стороны к этим же оленям семь ненцев подкрадываются.

— Ну, вам этих оленей убить, пожалуй, не выйдет, — девушка про себя сказала, — скорее я убью!

Стрелу пустила, всех семерых оленей одной стрелой положила. Подошла туда, шкуры обдирать принялась. Пока обдирала, ненцы подошли. Подошли и говорят:

— Ты зачем наших оленей убил?

— Если они ваши были, почему сами во-время не убивали?

Слово за слово, ненцы разозлились, ругаться начали. Девушка долго слушать не стала, схватила лук, размахнулась им, ударила и зараз шестерых ненцев прикончила. Седьмой бороться с ней схватился. Долго боролись, наконец девушка упала. Ненец нож вынимает, прирезать ее хочет.

— Если бы я мужчина была, — девушка тут сказала, — ты меня повалить не смог бы.

При этих словах ненец на нее взглянул, видит — конец женской косы из-под шапки выбился.

— А ты и верно женщина, — крикнул он. — Ну, я тебя убивать не буду, отпущу. А хочешь — иди за меня замуж.

— Ладно, согласна.

Девушка уговорилась с ненцем, что он летом за ней придет. Прощаться стали, девушка спросила:

— А тебя, ненец, как звать?

— Я, — отвечает, — Аут-Отыр. Мой чум на низовом Урале у Щучьей реки⁴¹ стоит.

Аут-Отыр уехал. Девушка, одна оставшись, убитых

ненцев на куски изрезала, их мясо с мясом от четырех оленей перемешала.

Недалеко от того места ненцы — старик со старухой — чумом стояли. Девушка к ним сходила, мясо отвезти велела.

— Эти десять туш отдельно положите, — сказала, — с теми тремя тушами не смешайте, в одну кучу не свалите!

Ненцы мясо в Няксимволь повезли. В Няксимволь приехали, девушка трех оленей тем трем братьям отдала, что над ней смеялись.

— Вот вам, берите, — сказала. — А к тем братьям, если вас мясо есть к себе звать будут, не ходите.

— Ладно, если говоришь, так не пойдем.

Другим четверем братьям с человеческим мясом мешанную оленину отдала.

— На-те, ешьте. Я, если б мужчиной была, еще не столько добыла бы.

Братья ничего не заметили. Знай себе, варят да едят. Почти все кончили, когда разобрали, каким мясом их сестра накормила! Со стыда в Няксимволе и жить не остались, в разные стороны разбрелись.

Сестра с тремя братьями осталась. Вскоре и еще один брат на новое место жить ушел.

Долго ли, коротко ли жили, однажды весна настала. Лед по реке плышет. С вершины Оби богатырь с товарищем через Вор-я⁴² реку на Тайт-реку в Няксимволь пришли. Девушка для них лучшего мяса сварила. Гости поели, попили и спать легли. Утром встали, богатырь товарища на улицу вызвал:

— Послушай, приглянулась мне эта девушка, я по-свататься хочу. Зайди, спроси!

Товарищ в дом вошел, спрашивает братьев:

— Мы свататься пришли, что скажете?

— Что же ты нас спрашиваешь? Мы разве ей хозяева? Захочет — пойдет. Ее спроси.

Сестра согласилась. Сговорились, что на следующую

весну за ней приедут. Сговорились, распрощались, богатырь с товарищем домой ушли.

Вскоре после того приехал Аут-Отыр за своей невестой. Девушка жениха встретила и, как пообещала, собралась и с ним на низовой Урал отправилась.

После их ухода Верхнеобский богатырь за невестой пришел. Пришел, а невесты-то нет.

— Куда ушла? — спрашивает.

— С Аут-Отыром уехала.

— Как так — уехала? Наверное вы сами ее отдали!

— Нет, мы ее не отдавали, сама ушла.

Верхнеобский богатырь не поверил, бить их начал.

По спине стукнет — ничком падают, в грудь ударит — на спину валятся. Избил и уехал.

Женщина с Аут-Отыром два лета, две зимы жила. Дочь у нее родилась. А под конец жена с мужем худо жить стали. Жена все ворчит, все бранится. До самой ночи, пока девочку спать не уложит, все лишь ругается.

— Что ты без дела все бранишься? — Аут-Отыр спрашивает.

— Три года стало, как я за тебя — богатого человека — вышла, а хоть бы одно поленце на оленях привезла, все на себе дрова таскаю!

— А кто ж тебе не дает на оленях возить! По своему желанию на ручной нарточке возишь. Вон, гляди, какое стадо ходит. Каких только надо, скажи, я поймаю!

— Ну, на таких оленях я разве поеду?

— Каких же надо?

— Тех твоих трех быков, что ты в железной упряжке держишь, в железную нарту запрягаешь. Тех поймай!

— Куда ж тебе с теми справиться?

— Ты справляешься, а я, что ли, не справлюсь?

— Куда ехать-то хочешь?

— Гнилушек в люльку⁴³ набрать надо.

Аут-Отыр поднялся, тридцатисаженный железный аркан взял, быков ловить вышел. Поймал, в железную нарту запряг, жене говорит:

— Работницу⁴⁴ с собой возьми, она ребенка покараулит.

— Возьму.

На нарту сели.

— Ребенка не покалечь, — Аут-Отыр сказал.

Жена не ответила, вожжу взяла, быков хореем⁴⁵ ударила. Быки сорвались, помчались. Нарта по кочкам лишь прыгает. Женщина хореем по вожже ударила. Передовой головой замотал, тише побежал. Вскоре нарта с глаз скрылась. Аут-Отыр стоит, думает: «Когда, бывало, я на этих оленях ездил, где проеду — гористые места долинами становились, долины холмами покрывались».

Женщина, на нарте сидя, назад обернулась, видит — чум скрылся. Оленей остановила, вожжу к нарте привязала.

Потом работницу за волосы схватила, потрясла, та в клубок ниток превратилась. Клубок в карман сунула. Затем девочку потрясла, в клубок превратила и тоже в карман положила. Хорей в руки взяла, оленей ударила, крикнула:

— Эй, вы, дохлые звери, матерям лишь вашим дорогие, если вы быстро теперь не побежите, как, бывало, у Аут-Отыра бегали, когда землю на куски разбивали, — если теперь так не побежите, кожу я с вас сдеру!

Вожжу дернула, на нарту вскочила и понеслась. От мужа убегает.

Аут-Отыр дома сидит. День кончился, ночь настала, жены все нет. Понял тогда, что убежала она от него. Вышел из чумы, железной гагаркой обернулся и вдогонку за ней пустился.

Так, убегая, женщина день и ночь едет. Однажды оглянулась, видит — муж ее, Аут-Отыр, в образе железной гагары за ней гонится. Приближаться стал, женщина девочку из кармана вытащила, в сторону бросила.

— Оставайся здесь на вечные времена! — крикнула.

Девочка на землю упала, в камень превратилась. Теперь на том месте высокая гора стоит.

Тем временем Аут-Отыр жену настигает. Та вожжу бросила, с нарты соскочила, соболем обернулась. Дальше бежит. Гагара все ближе да ближе нагоняет. В тот миг, когда вплотную подметела, соболь меж камней скрылся.

Аут-Отыр камни разбрасывать начал, землю рыть стал. Три года рыл. Урал насквозь прошел. В одном месте гнездо соболиное нашел. Еще теплое. Видать, соболь только что убежал. Дальше ищет, дальше роет, все напрасно. Так ни с чем и вернулся домой.

В то же время женщина в Няксимволь пришла. Братья говорят:

— Зачем вернулась?

— А вам до того дело какое? Вернулась — и только. Вы мне хозяйева, что ли?

— Из-за тебя Верхнеобский богатырь нас чуть до смерти не забил! Едва спаслись.

— Много не разговаривайте, ни к чему это, — сестра отвечает.

Братья замолчали. Больше что сделают?

Живут. Однажды сестра говорит:

— Ну, весна пришла. На низ поедем.

— А что нам там искать?

— Нет, поедем. Вам промышлять уж лень стало?!

Делать нечего. Братья лодку готовить стали. Собрались и поехали. На Оби в Лор-уса ⁴⁶ на промысел остановились.

Аут-Отыр как-то услышал: жена его с братьями промышлять приехали. Людей собрал и войной на них пошел. Однажды ночью перед рассветом Аут-Отыр на стойбище напал. Братья кольчуги надели, луки, стрелы схватили, из шалаша выбежали. Выбежали, смотрят, — народу собралось — конца не видно. Деревьев меньше, людей больше! Биться начали. День бьются, другой бьются. Братья—вдвоем, Аут-Отыр с воинами своими.

С тех пор как сражаться начали, четыре дня, четыре ночи прошло. Аут-Отыр думает:

«Отдохнуть бы немного: столько время без сна бьемся!»

Братья в то время говорят:

— Аут-Отыр, зять, передохнуть бы немного?

— Я тоже об этом думаю.

Приостановились, братья к себе в шалаш вернулись. Сестра младшему брату говорит:

— Снимай скорей кольчугу.

Тот снял. Женщина ее на себя надела.

— Лук, стрелы давай!

— Куда ты собираешься? — старший брат кричит. — Мы вдвоем устоять не можем, где ж тебе справиться!

— Бессильные вы! — сестра ответила, лук, стрелы схватила, на улицу выскочила.

Воины Аут-Отыра только присесть успели, слышат: «Вставайте, живо! Биться будем!»

— Ха! Мы и не отдохнули вовсе!

— А мы так хорошо выспались.

— Товарищ твой где?

— Мой товарищ сбежал!

— Тэ-э!⁴⁷ Ну, так начнем.

Снова биться начали. Женщина стрелу как пустит, люди один за другим валятся. Каждая стрела широкую дорогу оставляет. По каждой ложбине кровь ручьями стекает.

Долго ли, коротко ли бились, женщина всех перебила. Аут-Отыр с двумя товарищами убежал. Воины все полегли, только эти трое спаслись. Женщина их преследовать пустилась. В одном месте видит — двое в одну сторону побежали, третий в другую. За двумя погналась. Настигать стала. Аут-Отыр на бегу обернулся, — догоняет.

— Беги скорей, — товарищу крикнул. В это время стрела просвистела, товарища насквозь пронзила. Тот на землю покотился. Аут-Отыр дальше один бежит.

Оглядывается, видит — настигает его богатырь. Один раз, оглянувшись, заметил: у того из-под шлема серьга виднеется. Тут только понял, что жена за ним гонится! Остановился.

— Отцом и матерью съеденная, дохлая тварь, я думал — и верно, — это брат твой, а это ты, собака! На тебя и стрелу жалко тратить, кулаком убью!

— Да и я в тебя стрелять не стану, и так пришибу! Бороться схватились. Аут-Отыр скоро свалился.

— Ащ,⁴⁸ — жена говорит, — мужчиной если б была, пожалуй, не справилась бы с тобой!

Нож вынула, прирезать его собирается.

— Сделай милость, отпусти меня, не убивай, милая женщина, отпусти!

— И верно, что тебя, собаку, убивать?!

За ворот его схватила, потрясла и прочь кинула.

— Ну, иди! Больше мне на глаза не попадайся. Я на тебя зла не буду иметь, и ты на меня не сердись.

— Спасибо, — Аут-Отыр отвечает, — что хоть живым отпустила. Товарищей моих всех перебила, один я остался. Ну, и то ладно!

На этом и разошлись.

Женщина домой вернулась. Видит — братья ее сидят, плачут.

— Вы чего это плачете? — спрашивает их.

— Мы думали — уж убили тебя.

— Ну, не такому человеку меня убить!

Братья успокоились, опять за промысел взялись. Живут, рыбу добывают. Однажды утром, видят — у берега, где лодки привязаны, два чирка плавают. У чирят головы сшиблены, на воде тут же стрела качается. Вверх смотрят братья и вниз смотрят, — ничего не видно. В шалаш вернулись, говорят:

— Откуда это стрела прилетела? У обоих чирков головы отбиты.

Сестра ведра взяла, по воду отправилась. К реке подошла, сквозь бахрому платка вверх по реке взглянула.

Видит — сверху лодка плывет, два человека уток промышляют — Верхнеобский богатырь со своим товарищем. Женщина воды зачерпнула и обратно пошла. Дома братья все толкуют, откуда стрела взялась.

— Ты ничего не видала? — сестру спрашивают.

— Верхнеобский приятель ваш с товарищами уток промышляет.

— Тэ! А мы сколько ни смотрели, никого не видели.

К реке пошли, вверх смотрят. Сколько ни глядели, никакой лодки не увидели. Вернулись, говорят:

— Никакой лодки нет.

— С такими-то глазами, как у вас, разве что увидишь!

На берег вышла сестра, сквозь бахрому платка посмотрела. Лодка, как тут, плывет, видно, как веслами люди загребают, разговор слышен.

Верхнеобский богатырь говорит:

— Что это за поселок незнакомый виднеется? Живет ли там кто? Смотри-ка, у лодок люди ходят.

В это время оба брата тоже на берег вышли. К сестре подошли. Вдали, чуть видно, весла на солнце поблескивают.

— Ну, из такой дали чирков убили! — братья удивились.

Недолго погода лодка подъехала. Люди чирков своих взяли.

— Послушай, выйдем на берег, посмотрим, что за люди живут.

— Ну, что же, зайдем.

К берегу причалили, из лодки вышли. Видит Верхнеобский богатырь — это его родственники нареченные. И невеста тут же стоит.

— Давай, в сторону отойдем, — богатырь товарищу шепнул.

Отошли. Богатырь говорит:

— Зайди к ним, спроси, отдадут сестру или нет?

Товарищ в шалаш зашел, спрашивает:

— Люди, сестру отдадите или нет?

— Милый дружок, а мы-то тут причем? Вот как в прошлый раз виделись, договорились, а она с другим человеком уехала. Из-за нее тогда чуть живы остались. И теперь вдруг пообещаем, а она опять куда-нибудь скроется. Твой товарищ тогда, пожалуй, нас и вовсе убьет. Сам, если столкнется, пусть берет, разве мы ее держим. Если захочет—пойдет с ним, мы перечить не станем.

Сват к товарищу вернулся.

— Ну, что говорят?—тот спрашивает.

— Да, говорят, пусть идет, если хочет. Думается мне, что не хотят отдавать.

— Ну, ладно, поедем! Пусть остаются.

В лодку сели, поехали. В одном месте видят—на берегу женщина сидит. На голове у нее платок шелковый с бахромой.

— Кто это сидит?—товарищ богатырю говорит.

— Правь на другую сторону,—богатырь отвечает.

Тот лодку повернул, спрашивает:

— А ты не видал, кто это был?

— Нет.

— Невеста твоя долгосватанная.

— Тэ! А я и не узнал ее.

— Возьмем ее в лодку?—товарищ спрашивает.

— Довольно, кэй. ⁴⁹ Пусть остается, не надо!

— Меня возьмите!—женщина кричит.

Не стали ее слушать, уехали. Так и осталась.

Долго ли, коротко ли ехали, опять ту же женщину на берегу увидали.

— Посмотри, снова сидит!—товарищ богатырю говорит.—Возьмем ее, такая настойчивая женщина!

— Не надо, довольно о ней, правь на ту сторону.

Едут дальше. Немного проехали, опять сидит!

— Давай, возьмем ее,—товарищ упрашивает.—Уж очень настойчивая.

— Хватит, поворачивай к тому берегу, надоела она!

Женщина осталась.

— Ну, подождите,—говорит.

Платок с головы сдернула, над водой потрясла. Вода вся загорелась. Обь во всю ширину огнем запылала.

— Эй, гребь скорей!—товарищ кричит.—Огонь сзади, спалит нас!

— Не бойся,—Верхнеобский богатырь ответил. Веслом по воде туда-сюда поводил, огонь погас. Женщина увидав это, крикнула:

— Ну, подождите, когда я в ваш поселок приду. Там от домов щепки одной не останется, котел сварить не на чем будет!

Верхнеобский богатырь обернулся, посмотрел, ничего не сказал. Спиной к ней повернулся, дальше гребет. Домой приехали, живут там.

Однажды с Низовой стороны черная туча поднялась. Люди в городке говорят:

— Худая туча идет. Нижнее плёсо потемнело совсем.

Ветер налетел, дома валить стал. Туча еще ближе подошла, из тучи вооруженный богатырь на землю соскочил. Люди в городке за оружие похватались, на встречу ему выбежали. Биться начали. Кого ударит богатырь, тот на две половинки распадается, кого заденет—кровью зальется. Товарищ Верхнеобского богатыря с ним схватился. Долго боролся, наконец повалил.

— Тащите ремни!—кричит. Принесли ремни, руки, ноги богатырю связали, всего ремнями обвили. Люди товарищу Верхнеобского богатыря говорят:

— Спасибо тебе, от беды нас избавил.

В то время лежащий потянулся, напрягся,—все ремни враз лопнули. На ноги вскочил, снова на людей набросился.

— Беги к вождю скорей,—народ товарищу Верхнеобского богатыря кричит,—буди его. Пусть идет. Этот всех нас перебьет!

Тот побежал. Верхнеобского богатыря будить стал.

— Вставай скорей!

— Чего ты набросился, зачем будишь?

— Неизвестный богатырь народ наш убивает, иди скорей!

— Иди прочь, спать хочется. Свяжи его, пусть лежит! Справиться с ним не можешь, что ли?

Товарищ Верхнеобского богатыря из юрты вышел, к месту битвы побежал. Видит — пуще прежнего дерутся. Народу побито — счету нет. Кто в крови лежит, кто плачет, кто обессилен вовсе.

— Идет вождь?

— Да нет, спит!

Сам с пришельцем схватился. Долго боролся, все-таки повалил на землю. Опять веревками, ремнями лосиными сыромятными скрутили.

— Ну, теперь эти ремни пускай порвет!

Народ товарища Верхнеобского богатыря окружил, за спасенье благодарит.

— Вот спасибо! Эти ремни теперь не порвет!

Связанный лежит, дышит тяжело. Вдруг потянулся, напрягся, ремни все враз лопнули. На ноги вскочил, на людей набросился.

— Беги к вождю скорей, — народ товарищу Верхнеобского богатыря закричал. — Пусть идет. Перебьет этот нас всех. От городка уж половина только осталась!

Тот побежал, богатыря будит.

— Вставай скорей! От городка лишь половина осталась.

— Да нет, спать хочу. Свяжи его, пусть лежит.

— Ремни не держат. Связать нечем. Скоро всех людей перебьет.

— Ну, вон ремешок висит, свяжи им.

— Эй, послушай, такой ремешок где ж сдержит? Да и как свяжешь — короткий!

— Руки и ноги лишь свяжите.

Товарищ Верхнеобского богатыря ремень взял, из юрты выскочил. На место прибежал, пуще прежнего дерутся. Сам с пришельцем схватился. Долго боролся,

наконец на землю повалил. Вязать стали. Ремень короткий, руки в одном месте да ноги в одном месте связать лишь хватило. Народ плачет:

— Такой ремешок его где удержит! Вскочит, всех прикончит!

Связанный лежит. Тяжело дышит. Потом потянулся, напрягся, вырваться стал. Ремень натянулся, как струна звенит. Руки ремнем до костей прорезало, не рвется, держит. Наконец ослаб, рваться перестал, заплакал. В то время шлем с головы свалился, люди смотрят... женщина!

Все поразились, меж собой говорят:

— Вот так женщина — богатырь!

Женщина плакать стала. Руки, ноги ремнем изрезало. Верхнеобского богатыря товарищ к нему пошел. Говорит:

— Однако женщиной оказался!

— А ты сразу и не разобрал?

— Нет, я сначала не узнал. Это та, которая за нами тогда гналась!

— Ага. Я потому и не вставал; знал, что это она пришла.

Ну, женщина все лежит. Плачет-разливается. С тех пор как связали, семь дней прошло. Слушать надоело.

— Довольно, — Верхнеобский богатырь товарищу говорит, — пойди, отпусти ее. Если захочет, пусть ко мне идет. Женой возьму.

Тот пошел, развязал. У женщины руки, ноги ремнем изрезаны. Отпустил. Говорит ей:

— Вождь сказал: «Хочет если, пусть ко мне идет».

Женщина согласилась, пошла. К мужу пришла. Тот лежит, как лежал. Говорит ей:

— Городок весь развалила? Выйди на улицу, — может, от домов хоть немного щепок осталось — огонь разжечь.

Женщина не отвечает.

— В прошлый раз ты грозилась: «В городок твой приду, от домов щепок не останется, огонь развести нечем будет». Где же теперь сила-то твоя вся?

Женщина в ответ ни слова не говорит.

— Я нарочно из юрты не выходил. Мой ремешок порвать не смогла, вот твоя и сила!

Женщина с Верхнеобским богатырем жить осталась. Девочка у нее родилась. Долго ли, коротко ли жили, стали часто между собой браниться. Муж что скажет— жене не по праву приходится, жена что скажет— мужу не по душе. Все у них худо выходит.

Однажды Богатырь калдан взял, к реке пошел. Вверх по Оби отъехал, сетку в воду пустил, сплаваться стал. К поселку когда приблизился, сетка за что-то зацепилась, лодка воды зачерпнула и перевернулась.

Люди увидели это, плакать стали. Невод опустили, неводили, неводили, не выловили. Товарищу Богатыря говорят:

— Пойди, скажи жене его, что муж ее утонул.

Тот пошел, женщине говорить стал:

— С плохой вестью к тебе пришел. Муж твой калданить поехал и утонул. Мы невод пустили, да не нашли, видно, водой унесло.

— Какой чорт его возьмет! — женщина отвечает.

— А ты, видать, и рада? — сказал и из дому вышел. К народу вернулся. Народ плачет, кричит:

— Где мы теперь такого вождя себе найдем?

Сколько ни неводили, сколько ни искали, вождя не нашли. Устали, бросили искать. Тогда женщина из дому вышла. Ведро взяла, идет по воду. Сквозь бахрому платка в воду посмотрела. Видит она— муж ее у Виткащ⁵⁰ старухи и старика в гостях сидит, чай с ними пьет.

— Вы чего тут стараетесь, — она людям говорит, — чему радуетесь?

— Это мы-то радуемся? Ты не знаешь, что ли? Откуда мы теперь такого вождя возьмем?

— Вождь ваш куда делся?

— Он из лодки вывалился, утонул.

— А что же он здесь у Виткащ старухи и старика сидит, чай с ними распивает?

Богатырь услышал, понял, что жена его нашла. Рассердился. А женщина тихонечко домой пошла.

Из воды золотая белка вынырнула, на берегу меж людьми попрыгивает. Люди белку ловить стали, белка от них побежала. Позади, за домом, высокая лиственница росла.

Белка к этой лиственнице бросилась. Люди белку ловят, она из рук выскальзывает. На лиственницу взбежала.

Собрались люди, стали толковать. Один человек говорит: «застрелим ее», другой говорит: «так поймать надо, такую белку разве можно бить?»

Решили за женой вождя послать.

— Пойди, — одному говорят, — позови ее, она-то уж наверно поймает.

Товарищ Верхнеобского богатыря за женщиной побежал.

— Иди скорей!

— Зачем?

— Там такая хорошая, золотая белочка прыгает, ты-то уж наверное ее изловишь!

— Ну, и сами изловите!

Богатырь повернулся и ушел.

А белка то вниз спустится, то опять наверх бежит. Когда спустится—все ловить ее бросаются.

В то время женщина из дому вышла.

— Вы что здесь делаете?

— Милая женщина, иди скорее, поймай ее! Такая хорошая белочка здесь.

— Где вы белку увидели?— женщина говорит.— Это семь дней меня мучивший вождь ваш. Это он вас всех морочит.

Повернулась и домой пошла.

Верхнеобский богатырь, на лиственнице сидя, услышал это. Рассердился, человеком обернулся и вниз спрыгнул.

Люди замолчали, на месте замерли.

Богатырь домой побежал. Дома жена сидит, девочку грудью кормит. Богатырь ворвался, меч схватил, на женщину замахнулся. Та над мечом сорокой взвилась и в окно вылетела. Богатырь из дому выскочил, на коня вскочил, за ней погнался. Женщина сободем обернулась, дальше бежит. То зайцем обернется, то лисицей, то соболя вид примет. Богатырь, за ней гонясь, однажды старика увидел. Старик у огня сидит, весь грязью покрыт. Спрашивает:

— Внучек, куда бежишь?

— Кто с тобой, грязной собакой, разговаривать станет? Грязью-то весь зарос! Не стану я с тобой говорить.

Дальше побежал. Бежал-бежал, ночь уже наступила, он и в темноте бежит. Внезапно свет увидел. Слышит — старик говорит:

— Выбрался? Всю ночь ты у меня в рукаве бегал, шерсть всю догола содрал.

— А ты кто таков?—богатырь спрашивает.

— Я вчера тебя спрашивал, а ты со мной и говорить не захотел. Куда ты бежишь?

— За женой гонюсь.

— Не гонись.

— А почему?

— Верхний дух вам вместе жить не велит.

— Отчего не велит?

— Брату с сестрой жить нельзя. ⁵¹

— Нет, я ее все равно поймаю.

— Хочешь—беги, но только слушай: она тут недалеко, у Верхнего духа железные лук и стрелы попросила. До того места дойдешь, если увидишь, что лук и стрелы взяты, не ходи дальше.

— Тэ! Зря только она железные стрелы погубит.

Дальше пошел. Однажды заячий след увидел, по следу идет. День идет, другой идет, вдруг слышит голос:

— Послушай, остановись! Тут впереди увал есть, я на нем железный лук со стрелами оставил. Если там

еще они, то дальше гонись, а если взяты, то не ходи, домой возвращайся!

Верхнеобский богатырь дальше пошел. На увал поднялся, видит — из-под снега железные лук и стрелы торчат.

— Ну, бери их, — голос снова слышится, — смотри, не потеряй только!

— Я не потеряю!

Дальше отправился. Далеко ли, близко ли шел, в одном месте видит — на железных цепях Семиугольный Город повис. Жена его в этом городке живет. В городке людей много. На самом краю юрточка стоит, у окна старик сидит, локтем на подоконник оперся.

Богатырь думает:

«Это, верно, вождь их сидит».

Стрелу на лук положил, стреле говорит:

— Я тебя пушу, ты этот Семиугольный-на-Цепях-Повисший-Городок весь разнеси. Если не сделаешь, так всю тебя расщеплю.

Лук натянул, стрелу пустил. Спущенная тетива как гром загремела.

Слышит богатырь — старик говорит:

— Эх, внучек, тетива его что-то худа стала! Опять он напортил, опять худо сделал.

Стрела вверх поднялась и зарубкой вниз опускаться стала. Тихонечко падает.

«Это чорт так устраивает, — богатырь думает, — что стрела моя так летит».

Стрела потихоньку опустилась, к старику подлетела, к локтю прилипла и повисла. Старик локоть почесал, говорит:

— Откуда комары взялись?

Почесываясь, взглянул, стрелу увидел. Схватил ее, назад направил, сказал:

— Эй, послушай, я вчера тебе говорил: не ходи дальше. Зачем назад не вернулся? Теперь если стрелу зарубкой вперед меж глаз тебе пушу, тут тебе и конец будет. Лучше добром возьми стрелу назад.

Стрелу бросил.

— Теперь яму вырой, сам в яму ляг.

Богатырь яму выкопал, лег в нее.

— Глаза закрой,—старик велит.

«Ну, этого-то я делать не стану,—богатырь про себя думает,—глаза закрыть!»

Старик поднялся, из юрты вышел. Орлом обернулся, через палисад перелетел и вверх подниматься стал. Вокруг города семь раз облетел. В то время над городом тремя белыми быками запряженная нарта появилась. Богатырь смотрит—в нарте Тапал-Ойка сидит. Орел на нарту опустился, человеком снова сделался, белую парку надел. Из нарты меч вытащил.

«Что это дед делать хочет?»—богатырь думает.

Старик меч поднял,—только свист разнесся. У Верхнеобского богатыря в глазах потемнело, в голове помутилось. Долго ли без памяти лежал,—не помнил. Очнувшись, кверху глянул: городка как и не бывало, на том месте, куда город упал, озеро появилось.

Богатырь на ноги встал, озеро кругом обошел. На снегу след жены увидел, снова по следу побежал. До Казыми⁵² дошел, вверх по реке гонится. К вершине подходить когда стал, вдали жену увидел. Пуще прежнего бежать пустился. Нагонять когда стал, стрелу пустил. В том месте, куда стрела упала, скала поднялась. Богатырь на лук оперся, вперед прыгнул. На землю спустился, видит—перед ним жена стоит.

Говорит женщина:

— Семикрылый, семирукий, Верхнего края богатырь! Верхний дух, отец наш, нам вместе жить не велел. А воевать если начнем, ни ты со мной, ни я с тобой справиться все равно не сможем.

— Отныне ты здесь жить будешь,—Верхнеобский богатырь сказал,—а народ твой в глухариных шкурах будет!

— Спасибо, что теплую кожу нам дал. А твой народ в холода, как вежи придорожные, пусть мерзнет!

На этом и разошлись. Верхнеобский богатырь в свой поселок отправился. После его ухода женщина в Няк-

символь отправилась. Еще когда она в Семнугольном-на-Семи-Цепях-Повисшем-Городе была, тогда дочь свою с братом в Няксимволь отправила. Теперь в Няксимволь пришла, старший брат ей навстречу вышел.

— Девочку твою, — говорит, — менкв украл, в воду бросил. Ниже поселка я ее из воды выловил, на дерево положил.

Женщина заплакала, сказала:

— Ну, что ж сделаешь. Пусть там и остается. А теперь, милый братец, прощай. Пойду я в вершину Казыми. Там мое место будет.

В вершине Казыми поселилась. Однажды Аут-Отыр на нее напал. Слова не сдержал, войной пришел. Биться стали. Долго бились, все воины Аут-Отыра полегли, он один остался. Бороться схватились. Вскоре женщина Аут-Отыра на землю повалила. Говорит:

— Сказала я тебе — не являйся ко мне, а ты пришел. Теперь без метки не отпущу.

Нож взяла, один глаз Аут-Отыру выколола.

— А сейчас поклянемся.

Дерево срубили, на семь граней затесали, человеческой кровью помазали. Поклялись.

— Теперь, — женщина сказала, — после нашей клятвы, если ко мне явишься — живым не отпущу. Пока знаком только отметила, одноглазым сделала, в следующий раз — живым уйти не думай!

— Больше не приду, — Аут-Отыр ответил. — Спасибо, что хоть таким отпустила.

Попрощались, разошлись. Теперь каждый в своем месте живет.

Женщина в вершине Казыми жить осталась. «Вершины Казыми реки Великая женщина» — зовут ее. Казымского народа предок она.

БОГАТЫРЬ ⁵²КЕДРОВОЕ ЯДРЫШКО

Богатырь Кедровое ядрышко с низовой, Обской стороны жену имеет. Жена Светлую Обь позабыть не может, все в низовую сторону стремится. Однажды весна настала. Женщина в лес пошла, бересты надрала. На бересте всяких птиц, всяких зверей нарисовала, ⁵³ из бересты узорчатые чуманы, туески ⁵⁴ изготовила. Туески и чуманы перед мужем расставила, так ему говорит:

— Богатырь Кедровое ядрышко, для тебя я посуду изготовила. Для светлого рыбьего жира — обской снеди, для светлого рыбьего жира — озерной снеди, — вот хороши чуманы!

Богатырь туески и чуманы похватал, в клочья изорвал, бросил. Говорит:

— Светлый рыбий жир — обская снесь, светлый рыбий жир — озерная снесь, не для меня пища. Не на этой пище мои кости выросли, мое тело окрепло. Звериным жиром я с детства питался, на зверином жиру кости мои выросли, тело мое окрепло.

Хоть и изорвал он туески и чуманы, а как только

другая весна пришла, жена его из бересты краше прежнего посуду ладит. Изготовила, перед мужем расставила. На посуде птицы всякие нарисованы, звери разные изображены. Мужу говорит:

— Богатырь Кедровое ядрышко, для тебя туески и чуманы я сделала. Светлый рыбий жир — обскую снедь, светлый рыбий жир — озерную снедь, — наливать в них как хорошо!

Богатырь же чуманы хватает, в ключья рвет и бросает.

— Светлый рыбий жир — обская снедь, светлый рыбий жир — озерная снедь, не моя пища. Не на этой пище мои кости выросли, мое тело окрепло. С детства я звериным жиром питался, на зверином жиру мои кости выросли, мое тело окрепло.

Жена прочь пошла, плачет-рыдает:

— К Светловодной Оби пришла бы я, там хорошего товарища нашла бы себе!

Муж чуманы ее хоть и порвал, жена его слушать не хочет. Снова весна настала, женщина опять бересты надрала, опять узорчатые чуманы, изукрашенные туески делает. Перед мужем их расставила, говорит:

— Богатырь Кедровое ядрышко, для тебя туески и чуманы я сделала. Светлый рыбий жир — обскую снедь, светлый рыбий жир — озерную снедь, — наливать, вот хороша посуда!

Муж ее уговорам поддался.

— Ну, коли ты того хочешь, будь по-твоему.

Богатырь Кедровое ядрышко товарищей своих сзывает, лодки готовить велит и в путь собираться. За младшим братом своим посылает. Не идет младший брат, ехать не соглашается.

Погрузились, от берега оттолкнулись, поехали. Когда лодки мимо мыса Ванкр-нёл проплывали, на мысу то ли солнце возшло, то ли месяц выплыл. То не солнце, не месяц, а богатыря Кедровое ядрышко младший братец навстречу вышел. На краю скалы стал он и так невестке говорит:

— Если с братом моим в низовой стороне беда приключится, ты к нам лучше и не показывайся!

— Что ты зря болтаешь, — невестка отвечает, — не на войну ведь муж мой собрался, какая беда с ним случится!

Дальше отправились. День и ночь все плывут. Однажды, когда уж на Обь выбрались, жена говорит:

— Сколько дней без сна едем, надо заночевать.

К берегу причалили, вышли из лодок, огонь развели. Поели и спать собрались. Богатырь товарищам говорит:

— Ложитесь, я сторожить буду.

Люди заснули. Богатырь у костра сидит, сторожит.

Жена говорит ему:

— Ложись, ты ведь греб все время, устал. Я уж посторожу.

— Ты заснешь, наверное, а на нас враги напасть могут.

— Ложись, враги если придут, сразу разбужу.

Богатырь лечь решил, жена ему снова говорит:

— Сними кольчугу-то, день и ночь железо на себе носишь. Сними, отдохни хорошенько.

Снял богатырь кольчугу, лег и заснул. Тогда жена кольчугу взяла, ворот у нее зашила, чтобы надеть нельзя было. Лук посредине ножом надрезала. Потихоньку поднялась и ушла.

Пониже того места Русского богатыря городок был. Женщина в тот городок пришла, Русскому богатырю говорит:

— Тайт-реки люди пришли. Собирайся, иди на них.

Пока русские собирались, она обратно в стан мужа прибежала. Когда русские лодки близко подошли, к берегу причалили, мужа будить стала:

— Вставай, враги напали, убьют нас всех!

Богатырь Кедровое ядрышко вскочил, кольчугу схватил, на себя накинул, надеть не может, — ворот зашит. Так и бросил. За лук схватился. Когда его натягивать стал, в надрезанном месте лук пополам сломался. Богатырь Русский тут его и убил. Русские воины дружину его перебили. Лишь женщина с грудным ребенком осталась. Женщина богатырю говорит:

— Мальчика тоже убей; вырастет — отца искать станет.

— Он еще мал. Вырастет, знать не будет, кто его отец был; мстить не станет.

Русский богатырь с Кедрового ядрышка кожу с волосами с головы содрал,⁵⁵ а вершину лиственницы повесил, сказал:

— По верховьям Тайт-реки ходивший богатырь Кедровое ядрышко! Кожа с головы твоей на вершине лиственницы ветром пусть обвеивается. Скальп твой, материнскую кожу твою дождь пусть мочит, ветер пусть обвеивает!

Потом женщину с ребенком забрал и в городок свой отправился. Женщина жить с ним осталась.

Много ли, мало времени прошло, мальчик вырос, окреп. Руки его сильны, ноги его сильны.

С сыновьями Русского богатыря играет, кольцо мечет. Те кольцо бросят, оно слабо летит, близко падает. Мальчик бросит — со свистом летит, с глаз скрывается. Сыновья Русского богатыря говорят:

— Ноги твои сильны, руки твои сильны. Почему же скальп отца твоего на Обском острове на вершине лиственницы висит? Ты силен, а где же сила твоя была, когда отца твоего убивали?

Мальчик к матери побежал, спрашивает у нее:

— Так говорят: «Ты силен, а где сила твоя была, когда отца твоего убивали?» Верно ли, нет, что отец мой убит? Кто он был, скажи.

— Отец твой, вот он — Русский богатырь.

Мальчик успокоился, думает — и верно так. На другой день опять играть стали. Кольцо мечут. Он бросит —

кольцо со свистом летит, с глаз скрывается. Другие кинут — слабо летит, близко падает. Сыновьям Русского богатыря обидно стало, говорят они:

— Ты силен, а почему ж скальп отца твоего на острове Обском на вершине лиственницы ветром обвевается? Где сила твоя была, когда отца твоего убивали?

Мальчик к матери пошел, спрашивает:

— Почему мне говорят: «Где ты был, когда отца твоего убивали?» Кто мой отец был?

— Не слушай, — мать отвечает. — Отец твой — Русский богатырь.

В третий раз играть стали. Русского богатыря сыновья кольцо метнут — слабо летит. Мальчик кинет — кольцо из глаз скрывается. Братьям обидно стало, они мальчику говорят:

— Куда же ты силу свою девал, когда отца твоего убивали? Отца твоего скальп на лиственнице болтается, ветром обвевается.

Мальчик ничего не ответил, прочь пошел. Из городка за палисады вышел, плача, грустя там расхаживает.

За городскими палисадами, в маленькой юрточке старик со старухой живут. Куска своего они не имеют, из милости их держат. «Схожу к старику и старухе, — мальчик думает, — спрошу у них. Может, скажут». Вошел мальчик в домик, спрашивает:

— Бабушка, дедушка, люди говорят мне: «Ты силен, а где сила твоя была, когда отца твоего убивали? Скальп отца твоего на Обском острове на лиственнице висит, ветром обвевается». Верно ли, что отец мой убит?

Старик отвечает:

— Эх, внученько, завтра хорошего человека дыхание угаснет. Русский богатырь убить тебя хочет. Узнал он, что ты отца своего проведаль. Отец твой — Богатырь Кедровое ядрышко. Русский богатырь его убил, а скальп его, материнскую кожу его на лиственницу повесил.

— Род у меня есть ли, нет?

— Род твой в вершине Тайт-реки в устье Кос-я-реки⁵⁶ живет.

Старик кольчугу, которую в молодости еще сам носил, достал, мальчику дал.

— На, надень.

Мальчик надел, впору пришлась. Старик руки его померял, меч дал. Потом к реке повел, лодку там свою отдал, сказал:

— Вверх по Оби поезжай. Увидишь с правой стороны с темной водой река выпала. В эту реку лодку свою направь. Это Тайт-река будет. В эту ночь не останавливайся, настигнут! Поезжай скорей!

Мальчик со стариком распрощался, вверх по Оби поплыл. Долго ли, коротко ли плыл, до устья реки с темною водой добрался, вверх по этой реке гребет. Нигде не останавливается, без отдыха едет.

Однажды вперед посмотрел, — сверху по реке лодка плывет. Мальчик лодочку свою к берегу повернул, в курью завел, а сам на берег выскочил и в лесу спрятался. Слышит разговор на реке:

— Причалим. Только что лодка была. Человек, видно, на берег скрылся. Поищем.

Причалили, искать стали. Скоро нашли, схватили, к лодке привели. Какой-то человек спрашивать начал:

— Кто ты, кто отец твой?

— Отец мой — Богатырь Кедровое ядрышко.

— Откуда ты взялся? Я отца твоего младший брат. Где отец твой?

— Русский богатырь его убил.

— А мать твоя где?

— Она с Русским богатырем живет.

Мальчик в большую лодку сел, все вместе на Обь поехали. К городку причалили, младший брат Кедрового ядрышка дружине говорит:

— Что тут народом делать, я один пойду.

Весло взял, на берег побежал. Половину городка веслом разнес, всех людей поубивал и в воду побросал.

Русского богатыря ударил, у того и глаза выскочили, на дереве повисли. Такой человек — рука тяжелая! Старик со старухой к нему подбежали: «Не убивай нас!» — просят.

— Вас я не трону, — отвечает.

Всех побил, тогда товарищам городок обойти велел. Обошли, видят — семь человек убежали. Младший брат Кедрового ядрышка племяннику говорит:

— Ты помоложе, за двумя беги, а я за пятерыми погонюсь.

Сказал и по следу бросился. Племянник двоих беглецов выслеживать стал. Вскоре нашел их: Русского богатыря двое сыновей под берегом от страха в лодку забились.

Увидали его, заплакали, пощады просить стали.

— Когда моего отца убивали, — мальчик ответил, — никто не плакал!

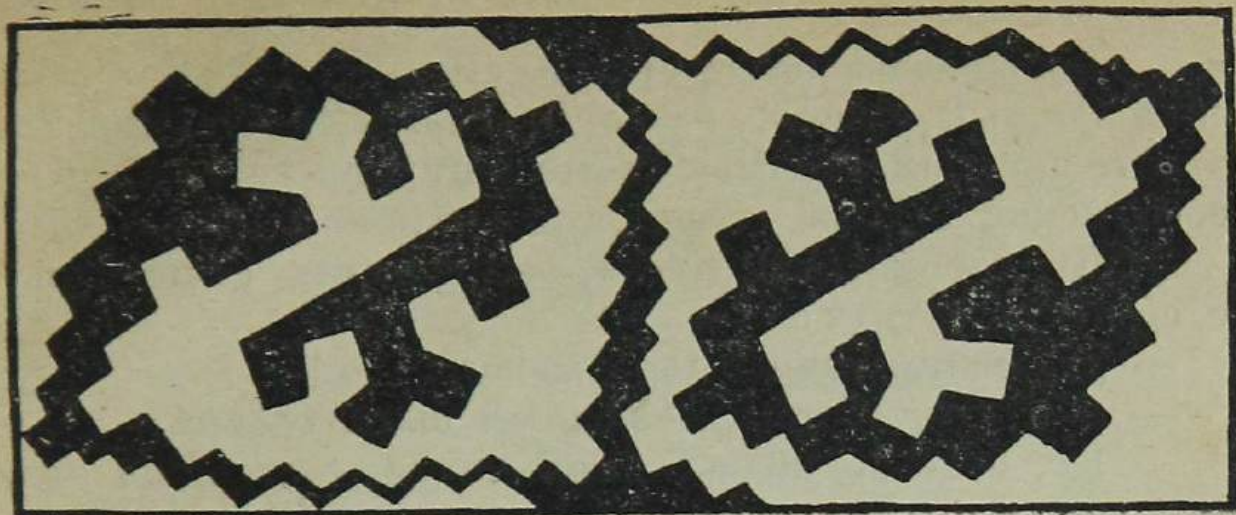
Лук натянул, стрелу пустил, сразу обоих убил. Кожу с головы у них содрал, к своим назад пошел.

Домой ехать собираться начали, стали решать, что с женой Кедрового ядрышка сделать. Дядя говорит:

— Я сам ее убивать не буду. Убью, а ты, может, когда потом скажешь: «Мать мою убил», против меня пойдешь.

Женщину живой в лодку снесли, на дно положили, за руки, за ноги к дну лодки гвоздями прибили. В лодку сели, домой поехали. Женщина на дне лежит, по ней ходят. Так дорогой и умерла. Когда умерла, ее в воду бросили. Сами домой приехали на устье Кос-я-реки жить стали.

ТРИ БОГАТЫРЯ С ВОР-Я-РЕКИ

В вершине Вор-я-реки три брата богатыря живут. Старшего имя — Оленья ягушка,⁵⁷ среднего — Медный рукав, младшего — Семирядный медный шлем.

Однажды старший брат говорит:

— Я этой ночью сон видел: на Ас-реке⁵⁸ будто нас поминают. Ас-реку поглядеть в гости поедемте.

— Ну, кто в этакую даль поедет, — братья отвечают. — Места там незнакомые.

— В незнакомое место и хорошо съездить. Новых людей посмотрим. Что на одном месте жить? —

Младшим братьям где же верх взять? Пришлось согласиться.

Две лодки вместе сплотили, настил сделали, настил сверху берестой покрыли. На плот уселись, вниз по извилистой Вор-я-реке отправились. С богатырями сестра их Каль-Нёхс⁵⁹ поехала. Долго ли, коротко ли ехали, на седьмой день к устью Тапыс-реки⁶⁰ выплыли. Когда мыс огибать стали, сверху по Тайт-реке плот показался. Такой громадный. Через всю Тайт-реку плы-

вет. Приблизился плот, братья смотрят, Верхнесосвинский Горный старик едет. Съехались, плоты связали, вместе поплыли. Поселок Тапыс-сунт⁶¹ проехали, Верхнесосвинский Горный старик говорит:

— Ну, воринский народ, вы, поди, сангыдтап⁶² с собой захватили?

— Эх, сангыдтап-то дома забыли.

— Я пойду, сбегаяю, — Медный шлем говорит.

— Ну, сбегай, коли бойкий такой, — старший брат отвечает.

Плот к берегу подвели, Медный шлем выскочил и побежал. Только плёсо проехать успели, с берега на середину плота богатырь в кольчуге прыгнул. Сангыдтап подмышкой держит.

— Так, — Верхнесосвинский старик молвил, — хороши богатыри в вершине Ворь-я-реки роятся. То-то и слава о них широко разносится.

Играя, танцуя, дальше плывут. Тот играет, другой поет, третий пляшет. Долго ли, коротко ли так ехали, до Среднесосвинского мыса добрались. Видят — Тайт-Котиль-Ойка⁶³ реку поперек каменным запором перегородил. Лодке пройти негде.

Обомшелой, заплесневелой кучей плавника обернулись, так плывут.

На запоре два человека ловушки осматривали. Вверх по реке взглянули, видят — поперек всей Тайт-реки большая куча плавника движется. По всему плесу растянулась. Один другому говорит:

— Послушай, пойдй, сбегай к вождю. Эта куча плавника нам запор поломает.

Человек побежал. К Тайт-Котиль-Ойке пришел, тот спит.

— Вставай скорей. Запор наш сейчас поломает. Сверху реки такая громадная куча плавника надвигается. По всему плёсу растянулась.

— Наш каменный запор какая сила сломать может! Одну морду выньте, плавник через запор и пропустите.

Назад пошел. К реке прибежал, видит — плавник к запору приблизился. Товарищ ему говорит:

— Беги скорей. Скажи: запор сейчас изломает. Где же такую кучу плавника через него пропустить?

Человек опять в городок побежал. К вождю пришел, говорит:

— Запор сейчас изломает. Так много плавника, — где же через одни воротца пропустить: не пролезет.

— Как не пролезет, пройдет. Какая сила наш каменный запор сломать может!

К запору вернулся, видит — плавник уже вплотную подошел. Товарищу говорит:

— Ну, сейчас развалит все. Послушай, сходи теперь ты. Мне он, наверно, не верит.

Другой человек в городок побежал.

— Старик, поперек всей Тайт-реки куча плавника надвигается. Все плёсо заняла. Как ее через запор пропустить?

— Одну морду выньте — и пропустите. Ты что, плавника не видывал?

Человек назад вернулся. Когда к запору подходил, плавник запора коснулся. Заскрипел, затрещал, под воду опустился. Ниже запора снова вынырнул. Пол-запора изломало. Вдруг видят люди: был плавник, и не стало плавника. По середине реки плот плывет. На плоту люди сидят. Который на сангыдтапе играет, который поет, который пляшет. На берегу один человек другому опять говорит:

— Беги к вождю, скажи, запор наш развалился.

Тот побежал. К вождю пришел, сказал.

— Пол-запора нам сломали! Плавник плотом оказался. На плоту люди сидят. На сангыдтапе бренчат, песни поют, пляшут. Такой громадный плот, как утиная стая!

Когда плот с городком поровнялся, Верхнесосвинский Горный старик Медному племю говорит:

— Ну-ка, внучек, ты прыткий. Беги на берег, скажи —

злости на нас пусть не имеет. А впредь Тайт-реку поперек пусть не загораживает.

Медный шлем на меч оперся, с плота на берег прыгнул, в городок побежал. К Среднесосвинскому богатырю пришел. Тот, голову повесив, сидит.

— Дедушка, здравствуй!

— Здравствуй.

— Меня Верхнесосвинский Горный старик на берег послал. Так если бы проехали, ты, поди, худо думать стал бы. Поэтому я и пришел. Дедушка слово послал. Так говорит: «Впредь Тайт-реку от берега до берега пусть не загораживает».

— Я худо поступил. С одной стороны загородить следовало. Теперь во всю реку запора делать не буду. Внушек, а вы куда собрались?

— Мы на Обь поехали.

— А-а! В самое худое место едете. Старший брат тоже с вами?

— Едет. Это он все и надумал.

— Ну, если и он едет, тогда с вами ничего худого не случится.

— Ну, дедушка, доброго сна тебе! Я пойду.

— Подожди, внушек; ребята тебя на лодке свезут.

— Нет, я пешком пойду. Плот, наверно, уже все плёсо проплыл, к Кортя-паул подходит.

— Свезут тебя, куда пешком пойдешь?

— Ничего, я добегу.

— Берег шиповником зарос. Итти плохо.

— Зачем люди из-за меня этакое плёсо грести будут, я добегу.

Медный шлем на меч оперся, прыгнул. Смотрят люди, — богатырь на самую середину плота упал! С берега Среднесосвинского богатыря похвала донеслась:

— Сильные богатыри в вершине Вор-я-реки рождаются. То-то слава о них широко идет!

Дальше едут. Долго ли, коротко ли ехали, Верхнесосвинский Горный старик на свое промысловое

место приехал. Там остался. Сказал братьям:

— Если в беду попадете, меня вспомните, призовите.

Братья с ним распрощались, дальше отправились. Долго ехали, однажды на Обь выехали. Смотрят вперед, видят — по всей Оби от берега и до берега железнокожие звери ныряют. На сколько глаз хватает, спины их виднеются. Где плоту пройти? В это время с плота соболь соскочил. От одного берега Оби к другому по спинам звериным побежал. По спинам звериным назад вернулся. Где соболь бежал, там звери под водой скрывались. Соболь на плот вскочил, Каль-Нёхс — сестрой богатырей — обернулся.

На берегу Оби городок стоит. В городке люди на реку посматривают, удивляются:

— Эге, никто этих зверей разогнать не мог, а теперь все в воду попрятались. Вот богатыри-то к нам едут.

Братья плот к городку подвели. К берегу причалили. Оленья ягушка на середине плота сидел. Из семи оленьих шкур сшитую ягушку свою снял, говорит:

— Какая жара!

Сказал и между лодок в воду нырнул. В городке люди, видя это, сказали:

— Ну вот. Один из них навек ушел! Там под водой железнокожие звери наши его уж не пропустят.

На нижнем конце плёса из воды гагара показалась. По воде крыльями хлопая, к плоту понеслась. Подплыла, на плот вылезла, из гагарьей шкуры старший брат — Оленья ягушка — вылез.

— Так, — молвил он, — теперь вот хорошо. Так свежо стало!

Из семи оленьих шкур сшитую ягушечку свою надел и с братьями на берег вышел. Сестра на плоту осталась.

Братья в городок вошли, в маленькую какую-то юрточку заглянули. Сидят там, с хозяевами беседуют. Вскоре дверь отворилась, старая женщина вошла.

— Что же пришедших здесь держите? Для приезжих гостей у нас дом поставлен. Вы забыли, что ли? Туда вести надо.

— Верно, — местные говорят, — мы для гостей дом приготовили. Туда пойдем.

— Ну, если дом есть, почему не пойти.

Поднялись, отправились. По дороге мимо одной юрты шли, — на пороге ее три девушки стоят. Одна из них Медному шлему говорит:

— Друг, хоть и богатырь ты, не ходи туда! В том месте, куда вас ведут, головы свои сложите. Послушай меня, не ходите туда.

— Послушай, — Медный шлем Оленьей ягушке говорит, — не пойдем туда, а? В плохое место нас ведут.

— Ну, друг мой, — ответил тот, — возвращаться теперь стыдно. Нас в гости зовут, а мы бежать будем? И что ты девушек слушаешь, — что они скажут?!

К дому подошли. Из лиственничных бревен в семь рядов сложен. В дом вошли, на переднее место сели хозяева, вкусной едой всяческой угощать стали, мухоморов принесли. Братья мухоморы есть принялись. Младшие братья немного съели, бросили. Оленья ягушка ест да ест. Говорит братьям:

— Я вам сказал: «Пойдемте», а вы не хотели. Отроду непробованную пищу тут едим!

Ели, ели, вдруг Оленья ягушка с места поднялся, спросил:

— А что, по дому пройтись можно, или нет?

— Отчего же нельзя, — местные отвечают, — походи, разомнись.

Из-за стола вышел. До двери дошел, повернулся, назад идет. До середины дошел, — половица не выдержала, сломалась. Из половины лиственничного бревна вытесанная доска как щепка переломилась!

— Эге, — воскликнул он, — из обского тальника дощечки ваши таких людей, как мы, выдержать не могут! И пройти даже нельзя. Хватит. Сяду-ка, зря работы себе только приготовил!

Сел. Опять мухоморы ест. Вдруг кто-то снаружи концом меча дверь открыл. Человек в кольчуге в дом вбежал. Крикнул:

— Эй, друзья, вы здесь беседуете, а наш городок уже до половины разрушен! Враги напали!

Местные повскакали, к двери бросились.

— Вы угощайтесь, — братьям они крикнули, — а мы туда побежим!

Из дома выскочили. Только выскочили, дверь захлопнули, снаружи заложили. Юрту со всех сторон подожгли. Котел с мухоморами варившие два человека—и они в доме остались. Увидали, что дом загорелся, сказали:

— Ну, пришел наш последний день!

Дом запылал. Младшие братья в кольчугах были. Кольчуги накаляться стали. Терпенья нехватает жар выдержать. Старший брат говорит:

— Вы зачем кольчуги надели? Если бы, как я, в оленьи ягушки оделись бы,—теперь не жгло бы вас.

Схватил обоих и в карманы к себе засунул. Посреди дома встал, стоит.

Огонь все разгорается. Головни со всех сторон сыплются. Вдруг один из людей, что за котлом с мухоморами смотрели, от жару лопнул.

— Ага, — на улице закричали, — один из богатырей с Вор-я-реки лопнул! Не можете против огня устоять?

Немного спустя и второй лопнул. За стенами опять кричат:

— Эге, вот и второй кончился! Где вам с огнем справиться! Теперь один только остался.

Вскоре крыша обвалилась, огонь угасать стал. Оленья ягушка из дому через крышу выскочил. Вокруг всего дома сеть натянута. К сети подбежал, дернул, на клочки изорвал. Братьев из карманов вынул, на землю поставил. Все вместе к плоту побежали. На плот пришли, старший брат говорит:

— Ну, воевать — так воевать. Собирайтесь, идите, а я посплю.

— Мы одни, без тебя, что сделать сможем!

— Да что мне без дела зря на берег ходить? Вы что, с этими тонкобрюхими чебачишками справиться не сможете?

Братья луки взяли, отправились. Биться начали. Вскоре всех местных прикончили. Городок обошли, видят — три человека убежали. За ними по следам бросились. Вскоре беглецы на две стороны разошлись. За одним Медный рукав погнался, за двумя Медный шлем побежал. Долго ли, коротко ли бежал, настигать стал. Стрелу пустил, один беглец упал. Другой дальше бежит. В одном месте догнал, бороться схватились. Медный шлем противника повалил. Нож вытащил, ворот кольчуги у врага разорвал, прирезать собрался. Вдруг видит — с южной стороны облачко несется. Думает: «Подожду немного, посмотрю, что за облачко такое показалось». Приближаться стало, из облачка голос послышался:

— Внушек, внушек, подожди меня, не убивай его!

Облачко вплотную подлетело, Медный шлем смотрит, видит — Горный дедушка!

— Внушек, не убивай его!

— А почему?

— Нуми-Торум Верхний дух в устье Семи морей его носатыми рыбами, хвостатыми рыбами ведать назначил.

— Нет, я его так не отпущу! — Медный шлем ответил и ножом один глаз врагу выколол.

— Эх, внушек, ты моих слов совсем не слушаешь!

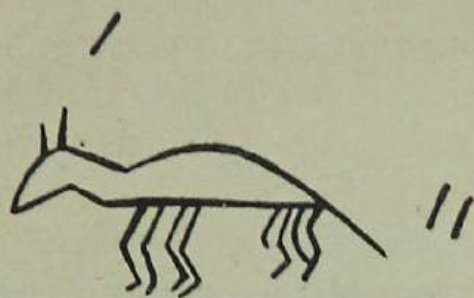
— Дедушка, если бы я его так отпустил, чем нас поминать стали бы? А то песню споют, сказку скажут:

«Вот какие богатыри в эту землю приходили». Еще скажут: «Теперь Устья моря богатырь—одноглазый».

Медный шлем поднялся, одноглазого богатыря отпустил и с дедом назад пошел. К плоту пришли.

Тем временем Каль-Нёхс на плот девушку привела. Ту девушку, которая братьев предупреждала. Медный шлем ее себе женой взял.

На плот погрузились, домой поехали. На Вор-я-реку вернулись, теперь там живут-поживают.

СКАЗКА ПРО ВИЩ-ОТЫР БОГАТЫРЯ

В Смородиновом городке Вищ-Отыр, ⁶⁴ молодой богатырь, жил. Однажды поутру из дому вышел, по городку расхаживает. Вдруг, откуда ни возьмись, стая чернядей летит, а меж ними Черный ворон-Острый нос.

Черный ворон к богатырю подлетел, говорит ему:

— Вищ-Отыр, славный вождь, до какой поры ты здесь гулять будешь? Послушай-ка, что я тебе расскажу: в многорыбную Обь, в многоводную Обь, Онку-ях-река выпала. В вершине ее семь братьев живет. Как камни, как утесы речные, эти богатыри сильны. С ними сестра их живет, румяная, красивая, невеста молодая. Вот бы тебе в жены ее высватать!

Сказал ворон, махнул крыльями и прочь улетел.

Молодой богатырь задумался. Голову опустил, домой побрел.

На другой день снарядился и к старшему брату отправился. На порог встал, тяжелую, из лиственничных стволів слаженную дверь распахнул, в дом шагнул. Давно

не выдавшись, братья поздоровались, сели, разговоры завели. Вищ-Отыр рассказывать стал:

— Вышел я из дому поутру, по Смородиновому городку расхаживал. Вдруг, откуда ни возмись, черняди летят, а меж ними Черный ворон-Острый нос. Ворон ко мне подлетел, говорит: «Вищ-Отыр, молодой богатырь, до какой поры ты здесь гулять будешь? Слушай, что я тебе скажу. В многоводную Обь, в многорыбную Обь, Онку-ях-река выпала. В вершине той речки семь братьев-богатырей живут. С ними сестра их живет, румяная, красивая, невеста молодая. Вот бы тебе ее высватать?» Сказал это ворон и улетел. Захотелось мне тогда на Онку-ях-реку пойти, красавицу посмотреть. Не пойдешь ли ты со мною, братец мой?

Старший брат не отвечает. Опустив голову, сидит. Пока молчал, три раза котел с рыбой свариться бы мог. Наконец голову поднял, на брата взглянул, сказал:

— Девушки теперь там уже больше нет. С давних пор полюбил ее Менкв-Ойка, Лесной дух. Он ее к себе женой увез.

— Милый брат, не пошел бы ты со мною войной на того Вор-Пупы, ⁶⁵ Лесного духа?

— Страшен Менкв-Лесной дух. Ростом он три сажени, толщиной он три сажени. Крепки его кости, сильно его тело. В городке его людей столько, сколько муравьев на муравьище в жаркий день. Птица городок его из конца в конец пролететь не может, от усталости падает. Взор человеческий через весь городок хватить не может, на половине обрывается. Вот каков он, Вор-Пупы! Куда уж нам с тобой против него итти?

Вищ-Отыр на отказ рассердился, с места вскочил, из дому бросился. Половицы под ним, как рыбы ребра гнутся. К порогу подошел, обернулся, сказал:

— Если бы мать твоя брусом точильным тебя родила, ножи об тебя точить,— вот как хорошо было бы. Камень ты!

Из дому вышел, дверью хлопнул. Не будь она ловкими руками сделана, листовенничные бревна от удара в щепки раскололись бы.

Домой пришел, голову в безлистное время убитого быка ⁶⁶ варить повесил. Мясо сварилось, есть сел. Одного куса проглотить не смог. Поднялся, из дому вышел, к реке спустился. Лодку на воду спихнул, сел в нее, веслом от берега оттолкнуться хотел, видит — две женщины бегут. Сестра его с невесткой к лодке подбегают, с обеих сторон за распорку хватаются.

— Милый братец, не езд! Куда ты один пойдешь? В далеком месте убьют тебя, в дальней стороне съедят тебя! Остаься, братец!

Вищ-Отыр ничего не ответил, лодку веслом от берега отпихнул, на середину реки скользнула. Перекладина у женщин в руках осталась. Молодой богатырь лодку книзу повернул, с такой силой грести стал, что ветер поднялся, гром загремел. В лесах люди головы к небу позадирали. Вверх глядят, удивляются: «Небо ясно, а гром гремит!»

Ночь настала, Вищ-Отыр к берегу пристал, а утром снова дальше пустился. На третий день городок Лесного духа показался. К берегу причалил, богатырь из лодки вышел, думает:

«Если так пойду, то узнают они меня».

Рогатым оленем обернулся и побежал. Бежит, думает:

«В городке востроглазых шаманов много. Так если долго бежать буду, узнают они меня».

Синичкой обернулся, полетел. С дерева на дерево перепархивает, с ветки на ветку перепрыгивает.

Думает:

«В городке востроглазых шаманов много, узнают меня, пожалуй».

Бесхвостой ящерицей обернулся, меж травинок, меж листиков скользит.

«Вот так-то, пожалуй, меня и не сыщут!»

До городка Вор-Пуны Лесного духа дополз. Видит — в городке народу много. Больше, чем муравьев на муравьище в жаркий полдень. Палисады в небо уперлись. Бревна их вершинами за темные тучи задевают, нижними концами в подземный мир высунулись. Нигде щелочки не найти, внутрь ограды не пролезть. Два раза вокруг городка обежал, — нигде ходу нет. В трещинку бревна забился, сидит. Долго ли, коротко ли так сидел, думает: «Доколе же я здесь ждать буду?» Верхнего духа — отца своего — просить стал, на семь недель жару чтобы сделал. Такая жара настала, — людям никакого терпения нет. Старухи и старики в ямы попрятались, так и лежат. Молодежь из воды не вылезает.

Однажды Вищ-Отыр, в шелке сидя, видит — десять женщин из городка к реке спускаются. С ними молодая румяная красавица, прекрасноликая женщина идет. На концах ее кос птички сидят, песни поют. Вищ-Отыр из шелки вылез, ящерицей к ним побежал. Девушки на берегу разделись, в воду вошли, только красавица на берегу осталась, купаться не хочет. Как-Сухая-Трава-Качающаяся-Женщина ей говорит:

— Почему в воду не идешь, почему купаться не хочешь?

— У меня, — отвечает, — какой-то зверек в рубашке спрятался.

Девушки из воды вылезли, к ней подошли. Вищ-Отыр ящерицей в рубашку заполз, там иголкой обернувшись, в рукав вкололся. Как-Сухая-Трава-Качающаяся-Женщина рубашку схватила, трести ее стала. Вищ-Отыр еле-еле удержался, чуть на землю не упал. Девушки оделись, домой пошли. Когда к воротам подходить стали, Вищ-Отыр думает: «Что дальше ждать? Делать, так сейчас делать!» Медведем обернулся, женщину поперек туловища схватил и прочь бежать пустился.

Домой прибежал, вокруг поселка в семь рядов палисады поставил. С внутренней стороны к ним залавы пристроил, чтобы через стену стрелять ловко было бы. С молодой женой своей живет-поживает. Долго ли,

коротко ли так жили, ребенок у них родился. Жена ребенка в берестяную люльку положила, люльку у окошка повесила. Когда ребенка укладывала, щепотка моху из колыбельки через окно на улицу выпала. В то время мимо окна синичка пролетала. Синичка мох тот подхватила и к себе понесла.

* * *

Трехсаженный Вор-Пупы поутру проснулся. Смотрит,—жены нет. Ушла куда-то, и след ее заиндевел. Лесной дух из дома выскочил, Как-Сухая-Трава-Качающуюся-Женщину, сестру свою, допрашивать стал:

— Невестка твоя куда ушла?

— Купаться мы ходили, Виткащ ее в воду утянула.

Трехсаженный Менкв-Ойка к реке побежал, Виткащ из воды вылавливать принялся. На третий день после его ухода — в городке люди увидели: от реки куски Виткащ летят, до середины городка долетают. Лесной дух домой вернулся, кричит:

— Жены моей, маленькой женщины моей, у Виткащ все-таки не нашел я.

Как-Сухая-Трава-Качающуюся-Женщину снова спрашивает:

— Жена моя куда делась, куда ушла?

— Купаться мы ходили, медведь из лесу выскочил, схватил ее поперек туловища и скрылся.

Трехсаженный Лесной дух в лес кинулся. На третий день видят люди: из лесу куски медведей летят, в городок сыпятся.

Вор-Пупы домой вернулся, кричит:

— Жены моей, маленькой женщины моей, у медведей — стариков лесных — я все-таки не нашел!

Опять сестру расспрашивает:

— Жена моя куда делась, куда ушла?

— Я ничего больше не знаю, — сестра отвечает.

Загрустил Лесной дух, посреди городка скамью поста-

вил, сел на нее и заплакал. Плачет-рыдает, ручьями слезы текут.

В то время над городком Черный ворон-Острый нос пролетал. Лесной дух голову поднял, ворона спрашивает:

— Над землей ты летаешь, все видишь. Скажи мне, жену мою не встречал ли где-нибудь?

Отвечает Черный ворон:

— Видел, как не видеть. Но хоть и знаю, где она, да не скажу. Ты, когда зверя убиваешь, мне ни кровинки клюнуть не даешь, от добычи прочь гонишь. Зато не скажу теперь, где жена твоя живет.

Ворон крыльями взмахнул и дальше полетел.

Трехсаженный Вор-Пупы-Лесной дух посреди городка сидит, плачет, слезами обливается.

Питкиший-Синичка через городок летит. Лесной дух голову поднял, синичку спрашивает:

— Ты по лесам летаешь. Скажи мне, жену мою не встречала ли где?

— Питкиший-ший-ший, знаю, знаю, знаю, — синичка отвечает. — Жена твоя у Вищ-Отыра живет. У окна сидит, ребенка качает. Щепотка моху из колыбельки через окно на улицу выпала, я мимо летела, тот мох подобрала, теперь домой его несу; гнездо делать буду. А-ха-ха!

Трехсаженный Лесной дух плакать перестал, с места своего поднялся. Товарищей собирает, на нового свояка своего войной итти сваряжается. Собрались и отправились. Долго ли, коротко ли шли, до городка Вищ-Отыра добрались. У Лесного духа людей столько, что, когда первые подошли к городку, последние из своих ворот еще выходили.

Трехсаженный Лесной дух Вищ-Отыру крикнул:

— Эй, новый свояк мой, покажи нам, какие у тебя стрелы водятся! Давай, стреляй!

Крикнул — и на городок бросился. Большим ножом своим палисады рубит, только щепки летят. Вищ-Отыр

лук схватил, утиную стрелу, гусиную стрелу наложил, ⁶⁷ лук натянул, в Лесного духа стрелу пустил. Тэнн-тэнн — стрела зазвенела. Ударилась, назад отскочила.

— А-ха-ха, свояк, — вот какие у тебя стрелы; плоховаты, видно!

Вищ-Отыр костяной лук взял, другую стрелу из колчана вынимает. Древко ее длиной четыре четверти, наконечник железный — три четверти. Наконечник змеиной кожей закален. ⁶⁸ На середину лука стрелу наложил, лук натягивать стал. Четырехчетвертное древко все кончилось, дальше оттягивает. На весь трехчетвертной наконечник оттянул, тогда пустил. Тэнн-тэнн — стрела зазвенела, в Лесного духа ударилась, с ног его сшибла. С этой стороны на ту сторону, как черный ворон стрела пролетела. Немного дальше пролетела и в землю ушла.

Вор-Пупы-Лесной дух на ноги вскочил, опять на городок бросился. Вищ-Отыр снова лук натянул, стрелу пустил. Лесного духа стрелой с ног сшибло, на три сажени отбросило. Стрела дальше полетела, позади войска по самые перья в землю ушла. У Вищ-Отыра тетивой кожу с пальцев посдирало. Лесной дух на ноги вскочил, опять на городок бросился. Кричит:

— Эй, свояк! Кончай, ума у тебя нет. Где же тебе со мною справиться, ты и птицы-то убить не сможешь!

Три дня, три ночи бились, без еды, без сна, из сил выбились. Менкв-Ойка кричит:

— Эй, свояк, отдохнем!

Биться приостановились. Вищ-Отыр домой пошел, есть-пить уселся. Тетку свою к старшему брату посылает.

— Пойди к моему брату, скажи ему, — может, помощь какую окажет. У меня на концах пальцев тетивой все мясо пообрывало, силы мои кончаются! Под землей строенным ходом до него дойдешь.

Тетка отправилась. К старшему брату пришла, говорит ему:

— Милый мой, туда бы пошел ты. У брата твоего силы кончаются, на концах пальцев мяса не осталось.

— Скажи ему, если нож у него есть, пусть сюда тащит; об меня поточит, — может, острее будет! Не пойду я ему помогать.

Вернулась тетка назад.

— Не идет, — говорит.

Вищ-Отыр из дому вышел, снова стрелять начал. Десять человек рядом стоят, — он десятерых одной стрелой пронизывает. Двадцать стоят, — двадцатерых пронизывает. Долго бились. Много врагов положил, но и у самого силы кончились. На пальцах тетивой мясо пообдирало, кости показались. Лесному духу кричит:

— Эй, приостановимся, поесть надо!

Биться кончили, Вищ-Отыр домой пошел. Жену свою к старшему брату посылает.

— Пойди, сходи к тестю, скажи ему, силы у меня не стало. От тетивы на пальцах кости показались. Пусть придет, поможет.

Женщина отправилась. К старшему брату пришла, поздоровалась, сказала:

— Милый, братец твой обессилел, на пальцах от тетивы кости видны стали, пойди, помоги!

— Иди домой, скажи, пускай сам придет.

Женщина обратно вернулась, говорит:

— Тебя самого зовет.

Вищ-Отыр к брату отправился. Тяжелую лиственничную дверь распахнул, в дом вошел. Поздоровались братья, разговаривать сели. Старший брат жирную оленью голову вариться повесил. Мясо поспело, из котла его вынули. Поели, попили, старший брат большой ящик из угла к себе пододвинул. Из ящика мешок рысьей шкуры вынул. Из мешка тяжелую кольчугу вытащил. Серебряная, золоченая кольчуга как из тонких ниток железных свита, звон от нее такой пошел, что будь деревья поблизости — на землю попадали бы, будь зверь лесной поблизости — от страху разными голосами

заревел бы. Холодную кольчугу надел, — все равно как три ковша ледяной воды на себя вылил. Из мешка еще шапку, из травы плетеную, ⁶⁹ вынул, на голову надел. Пояс, дятловыми носами украшенный, вынул, опоясая.

— Ну, пойдём, — брату сказал.

К городку Вищ-Отыра подошли, старший брат лежавший на земле камень громадный ногой пнул. Осколки камня в разные стороны полетели. Теми осколками половину войска Лесного духа на месте положило. Старший брат травяную шапку надвинул, меч вынул и врагов рубить начал.

Немного времени прошло, братья всех поубивали, всех людей Лесного духа изрубили. Видят — Вор-Ойка нигде нет, и брата его Пирх-Камка-Сорт-Камка-Наль-Туньшет-Туньшинг-Отыр тоже не видно. Сбежали оба! По следам погнались. Старший брат Вищ-Отыру говорит:

— Ты за которым погонишься?

— С кем я бился, в кого стрелял, за тем и погонюсь, — Вищ-Отыр отвечает, — Вор-Пупы-Лесного духа я буду выслеживать.

— Может, силы у тебя нехватит с Лесным духом бороться? Если слабеешь будешь, ничего не говори. Ни одного слова у тебя изо рта пусть не вылетит. Подумай только про себя обо мне.

Братья в разные стороны разошлись. Долго ли, коротко ли Вищ-Отыр гнался, в одном местее увидел Трехсаженного Лесного духа. Тот, плача, сидел на стволе упавшего дерева. Подходить стал, Менкв-Ойка голову повернул.

— А, свояк пришел! Ты откуда взялся? Как будем биться, — из лука стреляя или врукопашную схватимся?

— А для чего же тогда руки у нас? — Вищ-Отыр отвечает. Лук в сторону бросил, на Лесного духа просился. Схватились бороться. Вскоре Вор-Пупы Вищ-Отбра наземь повалил. Нож выдернул, горло врагу рыеерезать собирает. Вищ-Отыр в глубине себя ду-

мает: «Милый братец мой, нет тебя там!» Потом Лесному духу говорит:

— Добрый богатырь, Вор-Отыр, убивая меня, разреши мне в последний раз духам моим, предкам моим песню спеть!

В это время филин над ними на ветку сел. Вор-Отыр, на него глядя, голову кверху задрал, говорит:

— Твой дух — мой дух . . . 70

В тот миг Вищ-Отыр из-под Лесного духа выскользнул, навзничь его повалил, сверху придавил. Нож для перерезания лосиного горла выдернул. Менкв-Ойка говорит:

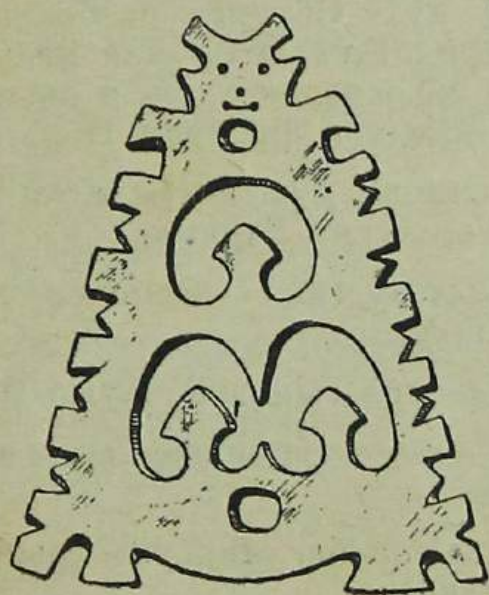
— Добрый богатырь, убивая меня, позволь мне духам моим, предкам моим песню пропеть!

— Еще чего захочешь! — ответил Вищ-Отыр. Ножом взмахнул и горло Лесному духу перерезал.

Старший брат, на дереве сидя, человеческий вид принял, на землю соскочил и сказал:

— Меня здесь если бы не было, пожалуй, убил бы он тебя.

После того братья домой к себе пошли. В селение свое вернулись, гостей созвали, пир устроили. Вищ-Отыр с женой своей, красавицей, в счастье, в довольстве теперь живет. Вот и конец сказке!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Обычный для мансийского фольклора прием измерения времени: «Столько времени прошло, что котел рыбы (или котел мороженой рыбы) свариться мог».

² *Иоли-Торум-Шань* или *Калтац-Эква*. В мансийской мифологии — старшая сестра Нуми-Торума. Тетка, а по многим вариантам — в то же время и мать Эква-Пырища. Мифическая прародительница фратрии Мош-Махум. Буквальный перевод означает: «Нижнего мира (земли) мать».

³ *Нуми-Торум* — верхний дух. — Один из четырех братьев старшего поколения духов (см. Введение). Олицетворение неба.

⁴ *Тапал-Ойка* или *Полум-Торум*, младший брат (а по другим вариантам — сын) Нуми-Торума.

⁵ *Хуль-Отыр* — младший брат Нуми-Торума. Дух Нижнего мира.

⁶ *Менкв* — лесной дух. Обычно изображается как великан-людоед. Менквы представляются как целый народ духов, живущих в лесу той же жизнью, что и люди. Менквы представляют собою духов-предков фратрии Поры-Махум.

⁷ *Корс-Торум* — вышний дух. Мифический дух-хозяин второго Верхнего мира. Отец Нуми-Торума.

⁸ *Янга* — у местных русских — большое чистое болото (с мансийского «янкыл маа»).

⁹ *Мань-Отыр* — один из сыновей Нуми-Торума.

¹⁰ *Сакв-Таллях-Нёр-Эква* — горная вершина в верховьях р. Ляпин, почитаемая вогулами.

¹¹ *Юкола* — сушеная рыба. Максун — рыба из отряда лососевых (*coregonus muksun*).

¹² *Нярки* — летняя и зимняя обувь вроде туфель из оленьей или лосиной кожи — мокасины.

¹³ Зимой на охоте в большинстве случаев воду для питья приходится натаивать из снега.

¹⁴ *Тоулыи-Карс* — гигантская мифическая птица.

¹⁵ *Урас* — мифическое существо, приносящее беду.

¹⁶ Речь идет о землянке, едва возвышающейся над землей.

¹⁷ *Унтвос-Лайи-Мими-Хыли* — имя волшебного топорика, которым старик назвал и самого Эква-Пырища. Название остяцкое. Лайем — «топор», мими — «мать», хыли — «сынок». Последнее: «Мими-Хыли» соответствует мансийскому «Эква-Пырищ». Все может быть переведено: «Сынок матери (по имени) топор Унтвос».

¹⁸ *Отыр* — вождь, военачальник, богатырь.

¹⁹ *Ягушка* — верхняя женская одежда.

²⁰ *Сорожка* — плотичка.

²¹ Манси считают клыки мамонта рогами. По аналогии с оленьими рогами, рога мамонта представляются ветвистыми.

²² *Порнэ* — буквально — женщина из фратрии Пор. Обычно подразумеваются женщины — мифические предки фратрии.

²³ *Мортим-Маа* — полуденная страна, куда улетают птицы.

²⁴ *Чамья* — у местных русских — амбарчик на столбах. Мансийское «сомьях».

²⁵ *Черный зверь, красный зверь* — пушнина.

²⁶ Речь идет о выкупе за убитого сородича.

²⁷ *Пайва* — у местных русских — кошель из бересты. Мансийское «пайп».

²⁸ *Постояли немного перед входом . . .* Считается несколько недостойным мужчины-охотника сразу же входить в дом, тем самым как бы показывая свое утомление с дороги.

²⁹ *Халторка* — неплодоносящая важенка (оленья самка). Ценятся за быстроту бега.

³⁰ *Чукрей* — у местных русских — узкий нож. Мансийское «ичохра».

³¹ *Чувал* — у местных русских — очаг вроде камина. Мансийское — «щовал».

³² Мухоморы употреблялись раньше на севере как сильно опьяняющее средство.

³³ *Замор воды* — явление, причины которого еще недостаточно изучены. Зимой в некоторых реках вода портится, приобретает гнилостный запах и становится негодной для питья. Во время замора гибнет масса рыбы. Живой водой, живунами называются незамерзающие зимой речки и ручьи, приносящие свежую воду. Во время заморов у таких живунов собирается много рыбы.

³⁴ *Семязыкая мать моя огонь*. Огонь (най) — буквально «великая женщина», представляется в виде живого существа, женщины — прародительницы рода. Представление это настолько реально, что мужчинам запрещается раздеваться донага перед огнем.

³⁵ *Старухи и старика сын*. В мансийском фольклоре, да и в разговорном языке, во всех подобных случаях всегда на первом месте стоит женщина (старуха со стариком, мать и отец его и т. д.). Такое расположение имеет свою причину. В материнском роде счет родства ведется по женской линии, а поэтому раньше указывалась только мать. В эпоху распада материнского рода известное значение получает и отчество, но тем не менее указание матери продолжает оставаться более важным, в силу чего отец упоминается на втором месте.

³⁶ *Низовой человек* — то же, что и Хуль-Отыр. Хозяин нижнего мира. Называется Низовым человеком, так как, по сказке, живет на севере. Север и низ в мансийском языке — синонимы.

³⁷ *Няксимволь* — маленький поселок в вершине р. Северной Сосвы.

³⁸ Мансийские женщины украшают косы различными медными и бронзовыми подвесками. Подвески в виде птичек постоянно находят при раскопках древних уральских поселений

³⁹ *Косач* — тетерев.

⁴⁰ *Верхний Урал* — Южный Урал. Нижний Урал — Северный.

⁴¹ *Щучья река* — река на восточном склоне Северного Урала. Впадает в устье реки Оби.

⁴² *Тайт-река* — Северная Сосва — левобережный приток Оби. Вор-я — правобережный приток р. Тапыс — притока Северной Сосвы.

⁴³ На дно берестяной колыбели кладется слой высушенных ивовых гнилушек. Благодаря своей гигроскопичности, они хорошо впитывают влагу.

44 *Работница* — перевод, вероятно, не совсем точный. Речь идет, повидимому, о пленнице-рабыне. Существование подобных пленников имело место у ненцев-оленеводов.

45 *Хорей* — трехметровый шест для понукания оленей.

46 *Лор-ус* — хантыйский поселок на Оби, ниже Березова.

47 *Тэ!* — восклицание удивления.

48 *Ац!* — восклицание порицания, насмешки.

49 *Кэй!* — восклицание досады, удивления.

50 *Виткац* — мифическое водяное животное.

51 По объяснению рассказчика, Верхнеобский богатырь был братом героини сказки.

52 *Казым* — большая река, правобережный приток Оби.

53 Вся берестяная посуда тщательно орнаментируется. Орнаменты представляют собою стилизованное изображение различных птиц, животных и растений.

54 *Туес* — у местных русских — цилиндрический сосуд из бересты. Мансинское «тунс». Чуман — четырехугольная миска из бересты.

55 Скальпирование было широко распространено у манси в свое время. Скальп являлся знаком доблести воина. Пережитки этого обычая сохранились и по сие время в играх. Играющие делятся на две партии — врагов. Борются попарно. Победивший проводит ножом вокруг головы побежденного и вырывает пучок травы около головы. Этот пучок он несет в свой лагерь со словами: «Я силен. Я его убил, кожу с головы снял. Кожа с головы вот!»

56 *Кос-я* — левобережный приток в вершине р. Сев. Сосвы.

57 *Ягушка* — вообще теплая одежда из оленьих шкур. Здесь, очевидно, подразумевается кожаный пандырь.

58 *Ас* — мансийское и хантыйское название р. Оби.

59 *Каль-Нёхс* — самка соболя. Здесь имеем дело с отражением тотемистических представлений. Сестра богатырей одновременно является и человеком и соболем.

60 *Тапыс* — правобережный приток р. Северной Сосвы.

61 *Тапыс-сунт-паул* — поселок в устье р. Тапыс.

62 *Саньдтап* — пятиструнный музыкальный инструмент. Буквальный перевод обозначает «бренчалка».

63 *Тайт-Котиль-Ойка* — Среднесосвинский богатырь — герой многих сказок.

64 *Виц-Отыр* — буквально «маленький богатырь». Родовой предок манси селения Нахрачи на р. Конде.

65 *Вор-Пупы* — то же, что и менкв.

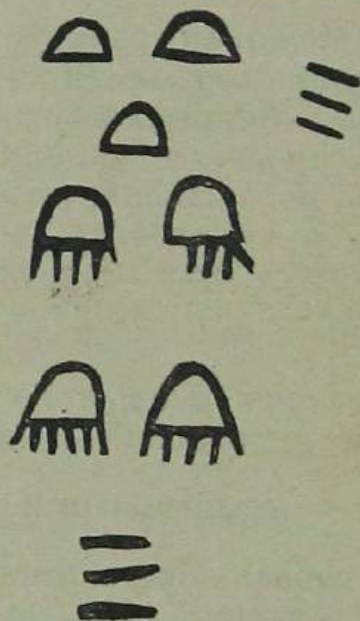
66 *Безлистное время* — осень. Осенью олени жирнее всего. Голова считается лакомым блюдом.

67 Утиная стрела, гусиная стрела — стрелы со специальным наконечником для охоты на уток и гусей.

68 По объяснению рассказчика, наконечники, закаленные змеиной кожей, обладали особой магической силой.

69 Речь идет о *шлеме*, сплетенном из травы.

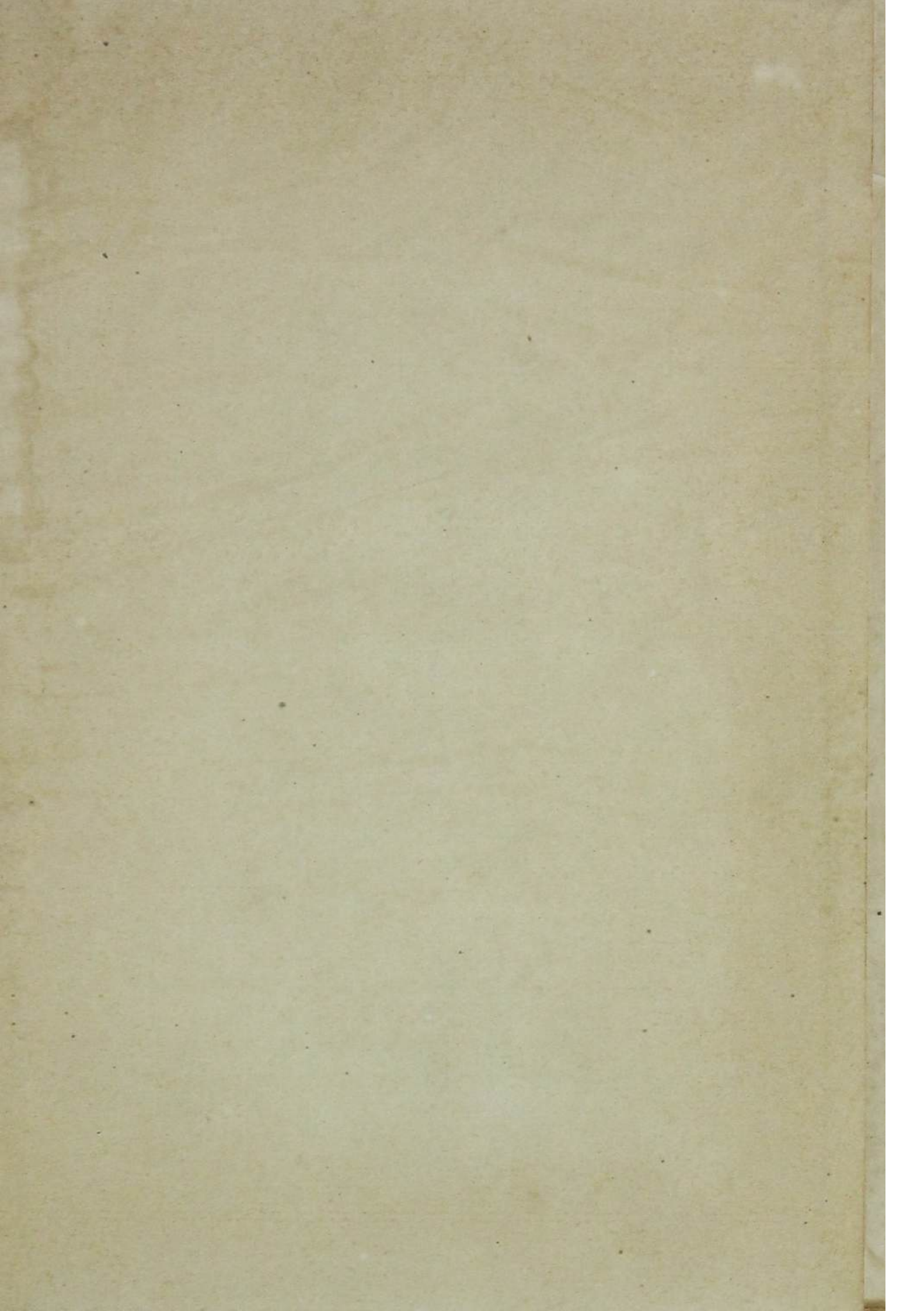
70 *Филин* — один из тотемов фратрии Пор, к которой принадлежал менкв. Старший брат богатыря принял вид филина, дабы отвлечь внимание менква.

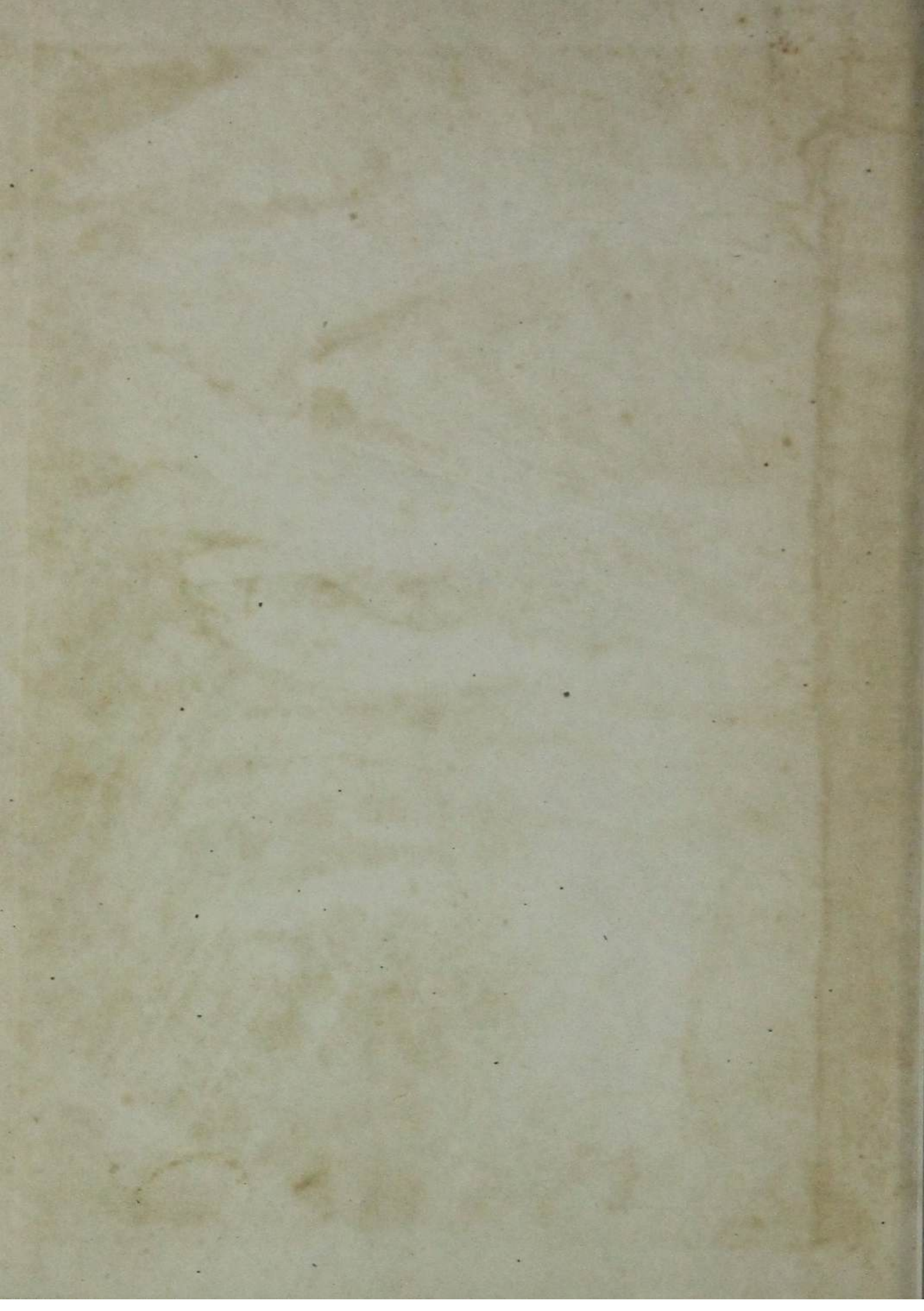

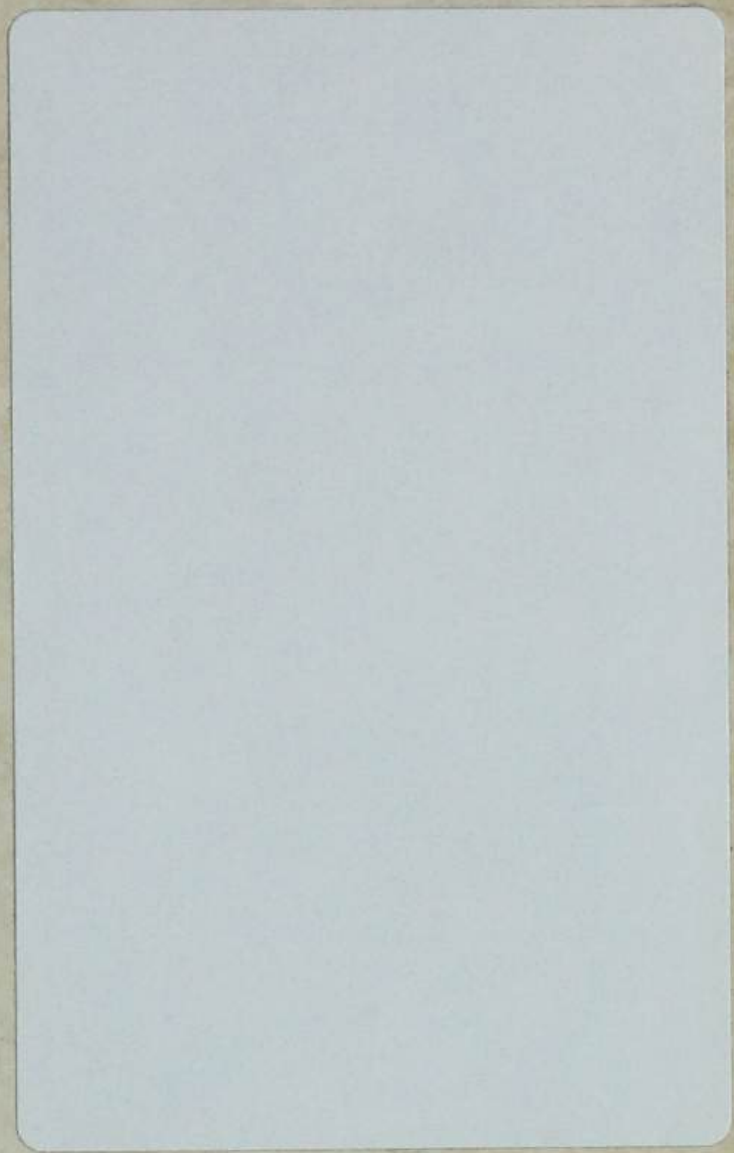
СО Д Е Р Ж А Н И Е

	СТР.
Предисловие проф. В. Г. Богораза-Тана	3
Введение	11
Откуда земля началась	23
Как землю выловили	—
Как ворон землю мерял	24
Опоясывание земли	25
Как человека сделали	26
Как солнце и месяц достали, как птицы и звери на земле появились	28
Про Северный ветер	33
Эква-Пырищ	34
Как Эква-Пырищ на свет появился	—
Как Эква-Пырищ лесовать ходил	40
Как Эква-Пырищ встретился с птицей Тоу- лынг-Карс	47
Как Эква-Пырищ в страну Мортим-Маа летал	57
Как Эква-Пырищ русского богатыря победил	59
Как Эква-Пырищ у Водяного дочь сватал	62
Как Эква-Пырищ Усынг-Отыра морочил	68
Про Полум-Торума	81
Женщина-богатырь	93
Богатырь Кедровое ядрышко	112
Три богатыря с Вор-я-реки	119
Сказка про Вищ-Отыр богатыря	128
Примечания	138

Ответственный редактор *К. Шаэров.*
Технич. редактор *Т. Иванова.*
Корректор *Л. Мичурина.* Сдано в набор 19/VI—35 г. Подписано к печати 16/IX—35 г. Гослитиздат № 711 Ленгорлит № 25027. Тираж 5300. Уч. авторских 7½ листов. Бумага 72 × 110^{1/32}. Бумажных листов 2¼. Типографских зн. на 1 бум. листе 145 152. Цена 1 руб. 50 коп. Переплет 50 коп. Заказ № 5345. Набрано и отпечатано во 2-й типографии Трансжелдориздата им. Лоханкова. Ленинград, ул. Правды, 15.

Цена 2 руб.

